

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук

Власть и элиты

Power and elites

Том 9
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2022

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.Ю. Швая, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Shvaya, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
«Власть и элиты» включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Элиты и общество

- Дука А.В.* Элиты в кризисном обществе 5
- Соловьев А.И.* Деинституализация правящей политической элиты:
в поисках теоретической модели 37

Элиты в экономическом пространстве

- Тев Д.Б.* Высокопоставленные чиновники федеральных
экономических министерств России: основные каналы
рекрутирования и карьера 56
- Соловьев Д.А.* Положение бизнес-элиты в региональных моделях
влиятельности (на примере Тамбовской области) 94

Муниципальная политика

- Пустовойт Ю.А.* Люди и проекты: лидерство как основа формирования
властных групп в современном городе (опыт анализа
постсоветской истории в региональных центрах Сибири) 139
- Чирикова А.Е.* Критерии отбора глав муниципалитетов:
формальные предписания и реальные практики 164
- Сведения об авторах 197

CONTENTS

Elites and Society

- A. Duka.* Elites in a crisis society 5
- A. Solovyev.* Deinstitutionalization of the ruling political elite.
In search of a theoretical model 37

Elites in the Economic Space

- D. Tev.* High-ranking officials of the federal economic ministries of Russia:
the main recruitment channels and careers 56
- D. Solovyev.* The position of the business elite in regional influence models
(the case of the Tambov region) 94

Municipal Politics

- Yu. Pustovoyt.* People and projects: leadership as a basis for formation
of power groups in a modern city (experience of analysis
of post-soviet history in regional centers of Siberia 139
- A. Chirikova.* Teams of heads of small Russian cities: vectors of change 164
- Contributors 198

ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВО

ЭЛИТЫ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ

А.В. Дука

(alexander-duka@yandex.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 5–36

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>

Аннотация. *Анализируются действия политико-административных элит в условиях кризиса. Кризис определяется как максимальная неопределенность существования социетальной (под)системы вследствие неадекватности прежних механизмов ее регулирования. Элиты рассматриваются как динамическая часть ситуации кризиса. Реализация антикризисных мер предполагает также проведение внутреннего разделения в отношении мер, принимаемых доминирующей элитной группой, на сторонников и оппонентов. Сами меры реагирования на кризис зависят от его характера и возможностей элитных групп. Выход из кризисной ситуации может предполагать больше, чем один вариант. Конкуренция внутри элитного сообщества помимо программ основывается на привлечении ресурсов и обеспечении легитимации. В деятельности элит существуют ограничения. Они носят социетальный, нормативный, ценностный и прочий характер. Следование ограничениям обеспечивает легальность и легитимность действиям властных групп. Вместе с тем элиты могут действовать вопреки ограничениям, пытаясь оправдать это целесообразностью и эффективностью. Основанием такой практики является относительная автономность элит. Одновременно в условиях кризиса элиты стремятся максимизировать свой потенциал за счет иных акторов, сужая их возможности в публичной сфере. Расширение такого рода деятельности может приводить к уменьшению роли демократических форм осуществления власти и возвышению авторитарных. При слабом развитии гражд-*

данского общества и низкой институционализации демократических форм авторитарные тенденции могут поддерживаться не только элитными группами, но и частью населения. Легитимация такой тенденции может осуществляться посредством дискурса нормализации и следования историческому пути.

Ключевые слова: элиты, абстрактные элиты, кризис, институты, консолидация, авторитаризм, ограничения элит, деполитизация.

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА

В условиях кризиса элиты максимально проявляют свой статус, функционал и индивидуально-групповые качества. В этом отношении определение индонезийской элиты Гербертом Фейсом имеет общее значение для всех элит: «Более специфично мы определим элиту как те от 200 до 500 индивидов, большей частью проживающих в Джакарте, которые активно участвуют в принятии решений, приводящих к политическим кризисам или прекращающих их» [Feith 1962: 108]. Такая амбивалентность элит связана, конечно, с их центральной ролью в принятии решений и распоряжением ресурсами. Кризисы оказываются важным аспектом существования одновременно элит и общества. Здесь они связаны, кризис выступает для общества индикатором способности элит управлять и легитимности занимать главенствующее положение. Но иногда общество оказывается бессильным перед властными группами. Так, украинский социолог описывал ситуацию в стране: «В Украине же в последние годы именно центральные властные структуры провоцируют системные конфликты и своими действиями ведут к уничтожению государства» [Шульга 2011: 424]. Одновременно кризисы могут стать для элит мощным инструментом, перенаправляя внимание общества, снижая претензии, находя «нужных» козлов отпущения и т.п.

Кризис часто вообще не определяется в исследовательской литературе. Он существует как некоторый общепонятный термин. Или даже свойство человеческого мира: «Описание нынешнего мира — описание его кризиса, а описание кризиса мира — описание самого мира» [Осипов 2014: 167]. С другой стороны, достаточно часто кризис рассматривается как внутренняя рассогласованность социально-структурного элемента. Когда В. Парето пишет: «Министерские кризисы в Италии редко приводят к полной смене кабинета. Это, как правило, вопрос реорганизации, и оппозиция вчерашнего дня может стать частью Мини-

стерства, против которого она ранее выступала» [Pareto 1950: 30], имеется в виду именно такая «мелочь». (Часто именно в этом смысле используют этот термин.) И тот же автор в других текстах кризис рассматривает как нарушение равновесия (остатков или центростремительных и центробежных сил [Парето 2011b: 37–59]), приводящее к дисфункции управления и разрушению центральной власти. Помимо этого, «кризис является всего лишь частным случаем более общего закона ритма, господствующего над всеми социальными явлениями» [Парето 2018: 466]. «Кризис» включает некий континуум, становясь трудно фиксируемым (но это не касается экономического кризиса, который Парето подробно рассматривает: [Парето 2018: 465–473]), что способствует аналитическому произволу.

Между тем есть необходимость в более строгом и умопостигаемом понимании этого феномена. Не так много работ, анализирующих различные подходы и исследующих что это такое само по себе (см., напр.: [Протасеня 2014]). Большинство текстов посвящено экономическому кризису. Тем не менее существуют общие характеристики данного явления. В самом общем виде кризис можно определить как максимальную неопределенность существования социетальной (под)системы вследствие неадекватности прежних механизмов ее регулирования. При таком подходе политические акторы могут быть рассмотрены как часть проблемной социальной ситуации.

Кризис сопровождается разбалансировкой сразу нескольких структурных элементов общества. Это приводит к необходимости вмешательства регуляторов и проведения реформ. Надо заметить, что реформы не всегда вызваны кризисами (например, они могут быть вызваны политико-идеологической мотивированностью элит, давлением групп интересов). Нарушение нормального регулирования и управления приводит к тому, что кризисное управление вынужденно быть нерегулярным, т.е. управлением с нарушением, обходом, игнорированием регулярных процедур и норм. И это относится не только к управлению. С. Тэрроу и В.Л. Смит используют термин «исторический кризис», относя к нему время, в которое происходили такие события, как война, Соппротивление, освобождение от фашизма [Tarrow, Smith 1976]. Исследуя локальные элиты Италии и Франции, они исходят из ненормальности периода оккупации и фашизма. Политическое рекрутирование и политическая социализация в это время носят выбивающийся из обычного состояния характер, так же как и институциональное

ролевое поведение. В этом отношении послевоенная нормализация и нормальность противоположны кризисному времени.

С этим можно согласиться с одной оговоркой. Если периоды «выпадения» из рутинных практик были не очень велики и за это время не успели сформироваться и институционализироваться обновленные социальные порядки и новые практики, то мы можем говорить о ненормальности и о времени кризиса. Но так ли это в отношении действительно исторической длительности? Нормальность — характеристика системы, ее функционирования, а не идейно-политических систем и оснований власти. И в значительной степени она создается социальным временем. Им же она изживается. Кроме того, противоречия в функционировании встречаются довольно часто в разных социально-политических системах. Среди оценок, например, советского периода часто можно встретить суждения, продиктованные политическими предпочтениями. Выстраиваются вроде научные конструкции, «доказывающие» ненормальность российского прошлого. Впрочем, в отношении существующего сейчас политического режима также много оценочных высказываний. Идеологическое суждение необходимо отделять от научного, иначе неприятие исследователем тех или иных политических режимов и элитных персон превратится в пропаганду «единственно правильного пути». Помимо этого, кризисность и ненормальность далеко не всегда могут быть синонимами.

ИСТОКИ КРИЗИСА

Причины неадекватности прежних механизмов и соответственно кризисов в управлении достаточно разнообразны. Наиболее серьезные связаны с разрушением государственности, как это произошло в Германия в результате военного поражения в 1945 г. Другой близкий нам пример — дезинтеграция СССР в 1991 г. Одновременно происходит устранение прежней элиты как основного элемента государства. Она институционально упраздняется и ставится вопрос о ее замене или серьезном реформатировании. Другой причиной могут стать государственные перевороты. В России — в 1991 и 1993 гг.

По силе воздействия и возможным причинам война является мощным фактором дестабилизации общества и власти. П.Л. Карабущенко заметил: «Война — это среда существования политических элит» [Карабущенко 2015: 335]. Именно они принимают главную ответственность

на себя, они принимают конечные решения, т.е. выступают как суверен. Однако в этой среде они подвергаются значительной опасности — не на поле боя, а в тылу. Ресурсные затраты могут оказаться слишком большими. Даже в случае победы население может не оценить усилий властных персон. Экономические проблемы оказываются существеннее. Например, поражение на послевоенных выборах в Великобритании 5 июля 1945 г. консерваторов во главе с У. Черчиллем.

Война Франции в Алжире привела к политическому кризису, возвращению де Голля во власть и концу IV Республики. Психологический надлом в части французского общества эмоционально описывал Доминик Веннер: «[К]онец войны в Алжире означал выход Франции из истории — истории, закалявшей ее духовно как нацию и придававшей ей судьбу, а также, возможно, и неопределенность. С окончанием этой маленькой войны, воспринятой французами как конец всех войн, страна была отдана во власть исключительно перспективам рыночной экономики, царству денег, массовым развлечениям и потреблению как своей единственной судьбе. Старая страна военной традиции оказалась в ментальном мире, лишенном горизонта конфликта — горизонта, который с самой отдаленной древности был ее достоянием, как и достоянием всей Европы» [Веннер 2017: 39–40]. Далеко не все элитные персоны в таких ситуациях могут действовать адекватно. Кроме того, новые обстоятельства требуют иных качеств и навыков властных групп. Некоторое, а иногда и существенное обновление элитного сообщества в данном случае естественно.

Международная напряженность часто свидетельствует о сбое механизмов урегулирования конфликтов и согласования интересов. Часто это связано в том числе с нарушением баланса сил или его угрозой. Российский ультиматум Североатлантическому блоку 15 декабря 2021 г. и последующая специальная военная операция с 24 февраля 2022 г. как раз подпадают под эту рубрику. Собственно, международный кризис не возник именно в этот временной период. Он достаточно долго вызревал и обострялся. Здесь существенно, что российские элиты сделать в дипломатическом поле ничего не могли, кроме как наблюдать активность НАТО. А западные «партнеры» очевидно рассчитывали на собственный выигрыш, поэтому и не были готовы конструктивно обсуждать *взаимные* гарантии безопасности. В этих условиях скатывание к вооруженной конфронтации почти фатально. В острой же фазе кризиса все стороны конфликта малоспособны его урегулировать.

Неопределенность максимально возрастает. Условием разрешения конфликта является только истощение ресурсов у всех или у одной из сторон.

Существенна неадекватность законов и иных норм существующим обстоятельствам, они устаревают, оказываются нерелевантными в новой ситуации, в законодательстве могут быть лакуны. Т. Веблен отмечал особенность действующих институтов: «Институты — это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» [Веблен 1984: 202].

Состояние элиты также может привести к кризису. В. Парето писал о социально-психологических характеристиках элиты (остатки / чувства), способствующих или разрушающе действующих на эффективность управления обществом. Г. Моска также указывал (другими словами) на этот фактор. Помимо этого, важное значение могут иметь структурные характеристики элиты. Р.Ф. Латыпов и К.Т. Тимашева указывают на поколенческий переход как триггер политического кризиса. Как пишут авторы, «естественная демографическая ротация поколений элиты приводит к кризису, который проявляется в форме идеологических и групповых конфликтов, военных переворотов, репрессий, выступлений несистемной оппозиции и даже разрушения существующей политической системы» [Латыпов, Тимашева 2016: 74]. В каждой стране, по представлениям авторов, свой временной цикл. Если Артур Шлезингер предлагал для США 30-летний цикл (хотя основания цикличности у этого автора иные), то Латыпов и Тимашева полагают, что в России он равен 42 годам («11 лет борьбы за власть, 20 лет стабилизации и 11 лет борьбы за удержание власти») [Латыпов, Тимашева 2016: 77]. Очередной кризис ротации элит должен был начаться, по мысли исследователей, в 2017–2018 гг. Российская история дает основания предложенной гипотезе. Авторы правы, что властные персоны не вечны и что различные поколения сменяют друг друга, а в элитной среде это не всегда происходит без потрясений.

Помимо демографического изменения во власти, исследователи отмечают сугубо элитные трансформации. Вильгельм Гуттсман обращает внимание на политические поколения: «Политики делятся на группы, которые разделяются не только по принадлежности к партиям и программам, но и по периоду, в течение которого они стали членами парламента, и по событиям, побудившим их сформировать политические

взгляды. Особо ожесточенные межпартийные конфликты, внушительные электоральные победы и поражения и события, решающим образом влияющие на жизнь общества, такие как войны, накладывают свой отпечаток на определенные группы людей и превращают их в политическое поколение» [Guttsman 1963: 76]. В качестве примера он приводит смерть премьер-министра Генри Палмерстона и с ним уход целой эпохи и приход через три года Уильяма Гладстона и новых политиков. Для политического процесса смена политических поколений действительно может быть критической, приводящей к кризису. Собственно, за демографическим переходом Латыпова и Тимашевой скрывается именно эта проблема.

Серьезным испытанием для управленческих усилий элит могут быть экономические кризисы, особенно имеющие глобальный характер. Большинство исследовательских текстов посвящено именно этой проблеме. Здесь важно отметить возникающее у элит чувство страха, толкающее их на важные коллективные действия по преодолению кризиса [Бест 2014: 94–95].

Чрезвычайные ситуации, катастрофы, эпидемии относятся к мало предвидимым в своей временной и пространственной конкретности случаям. Тем не менее они достаточно распространены. Готовность властных групп к ним теоретически должна быть высокой, тем более что в современном мире во многих государствах существуют специальные службы, в чьих компетенциях находится предотвращение и борьба с такими напастями. Однако при масштабности этих ситуаций они могут привести к общественному кризису и кризису управления. Случай COVID-19 достаточно показателен.

Причиной кризиса может быть делигитимация властных групп, властных институтов и политического курса. Потеря доверия к властным группам со стороны основной части населения (социальных групп) в малых дозах в демократических системах обычно приводит к смене в результате выборов элитной группы, непосредственно связанной с законодательством и управлением и идентифицируемой обществом с субъектами ответственности. При этом, как правило, основная часть властной элиты сохраняет свое место в социальной иерархии и привилегированный доступ к общественным ресурсам. Вместе с тем, несмотря на всю отлаженность механизмов публичной ответственности и разрешения проблемы, ситуация может усугубляться, кризис углубляться.

Следствия кризиса во многом зависят от его характера, охвата общественных секторов. Обычно происходит частичная или полная социальная аномия, деформация или разрушение социально-структурных отношений, включая сложившиеся формы и каналы социальной мобильности и взаимоотношений социальных групп, дестабилизация институтов управления, нарушение доступа населения к общественным ресурсам. Глубокий кризис может привести к рассогласованию внутри-элитных отношений и нарушению прежних механизмов рекрутирования и воспроизводства элит. Ральф Дарендорф, описывая немецкие элиты спустя 20 лет после поражения Германии во Второй мировой войне, отмечал их внутреннюю рассогласованность, культурную и социальную разнородность. Он назвал такие элиты абстрактными, которые номинально, позиционно таковыми являются, но реально не обладают необходимыми солидарными характеристиками социальной группы [Dahrendorf 1969: 219, 264]. В данном случае совпадают по крайней мере две неопределенности, связанные с неинституционализированностью политико-административных элит и неинституционализированностью социетального порядка.

ЭЛИТЫ КАК СУБЪЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

При обычном функционировании систем и институтов субъектами регулирования выступают элиты и субэлиты, институты управления и бюрократия. Последние два регулятора в условиях кризиса оказываются малопригодными вследствие их «завязанности» на существующих нормах, которые оказываются не вполне адекватными ситуации. Элиты в этом отношении могут проявлять большую гибкость, хотя и используют в своей деятельности различного рода институты.

Вместе с тем элиты при всей их кажущейся определенности полагаются исследователями по-разному. Более того, они сами проявляются различными способами. Аналитически элиты в социальном регулировании могут быть рассмотрены в двух «ипостасях» — как институты и как функциональные группы (табл.1). Это не значит, что исследователи или эксперты только таким образом видят властные группы. Для данных рассуждений предложенная классификация представляется наиболее релевантной.

При анализе элиты как института или институциональной природы элиты она выступает инстанцией, регулирующей и поддерживающей

Таблица 1

Элиты в социальном регулировании

Элита как	Функция / роль	Ресурсы / средства	Социальные процессы
Институт	Стабилизация общества в целом и его подсистем; институционализация	Государство и иные институты господства	(Вос)производство институциональных порядков
Функциональная группа	Регулирование, контроль, структурирование, распределение ресурсов	Командные / ключевые позиции в политико-административных институтах; монополия на легальное институциональное насилие	Воспроизводство функционирования общества и государства

институциональные порядки. С этим связана институционализация и элиты, и порядков. Отличие от просто начальников в том, что здесь элита представляет собой определенную структурированную совокупность персон, институциональных структур, норм, находящуюся на вершине институциональных порядков, частью которых она является (см.: [Gerth, Mills 1964]). Существует некоторый парадокс: элита должна институционально быть в рамках института поддержания порядка (государства). Сам этот институт «одушевляется» элитой. Когда мы говорим, что государство что-то сделало, мы имеем в виду, что политико-административная элита этого государства приняла решения и исполнительные органы совершили действие. Но здесь не простой инструментализм государства. Важно замечание Карла Шмитта о том, что элиты создают авторитет и легитимность [Шмитт 2013: 233]. Это в том числе то, что поддерживает устойчивость и воспроизводимость институциональных порядков. Наблюдение Эрнста Юнгера в июне 1940 г. оказывается весьма релевантным: «[Е]сть ситуации, в которых простое наличие какой-нибудь авторитетной силы действует исцеляюще; благодаря одному ее присутствию разрывы, из которых вытекает слепая стихия, стягиваются. Это те мгновения, когда таинство, присущее всякой должности, становится зримым как таковое» [Юнгер 2022: 210]. Власть над институтом или простое обладание им создает институ-

циональный образ групп и индивидов, они рассматриваются публикой как институт.

Чаще всего элиты анализируются как часть социетальной системы взаимодействия по поводу контроля и распоряжения общественными ресурсами. Элита в этом случае рассматривается как социальная группа, контролирующая ресурсы и принимающая решения по их использованию как в своих групповых интересах, так и в интересах всего общества или его части. Члены такой группы действуют зачастую единолично. Но групповое единство вкупе с групповым контролем над ресурсами оказывается определяющим. В этом отношении три «С» Дж. Мейселя (сознание, согласованность, сговорность) [Meisel 1962] вполне могут характеризовать это социальное образование.

Общество и аналитики часто предлагают некоторый «идеальный» образ элит, фиксирующий определенные характеристики властных групп, качества, которыми они должны обладать. Каждая характеристика может быть очень проблематичной в реальных условиях. Эти требования связаны как с состоянием самой элиты и выхода ее из кризиса, так и с выходом общества из кризиса. Карл Шмитт называл три требования к элитам, связанных с поддержкой государства — стабильность, качество и кооптацию. Вместе с тем «решающее качество любой политической элиты — способность и готовность брать на себя риски политического» [Шмитт 2013: 233]. О качествах политико-административных элит, необходимых для преодоления кризиса, пишет Х. Бест: «Элиты играют ключевую роль, тем более когда речь идет о государственном и частном финансовых секторах, где решающими факторами являются моральные качества, знание отрасли, взаимное доверие и неформальные контакты. Неудачи и успехи различных стран и институтов в борьбе с кризисом в большой степени можно связать именно с поведением элит» [Бест 2014: 72].

Отсюда можно предложить два аспекта проблемы: активность элит и воздействие кризиса на элиты. Первое связано с возможностью и готовностью властных групп действовать. И здесь встает важный вопрос: а могут ли нынешние (в отношении кризиса) элиты совладать с возникшими проблемами? Ответ частично зависит от того, насколько изменилось положение элит внутри системы — взаимоотношения с не-элитами, сохранение эффективного действия внутри политической системы.

Кризисы достаточно часто встречаются в жизни социумов. Можно даже сказать, что они постоянны, а иногда регулярны. Вместе с тем

они испытание для элит, которые, по существу, являются кризисными управляющими, которые должны быть готовы к кризисам. Но это далеко не всегда случается. В современном обществе, особенно демократическом, взаимодействие элит с гражданским обществом — существенный фактор их функционирования и легитимации. Поскольку общественность стремится быть значимым актором политического процесса, данный контекст серьезно влияет на выбор властными группами стратегии и средств достижения цели. Урсула Хоффман-Ланге в связи с этим пишет: «[В]ремена активного участия граждан являются сложными периодами для элит в целом и для демократической политической элиты в частности. Основание их власти становится менее стабильным, а их карьеры более подвержены поражению на выборах. В связи с этим они скорее будут придерживаться краткосрочных стратегий для максимизации своих карьерных перспектив. Подобные тенденции ведут к росту волатильности и непоследовательности демократической политики в будущем» [Хоффман-Ланге 2016: 96–97]. Особенно это чувствительно для новых элит. Существует риск делегитимации на начальном этапе закрепления во власти. Тем более что сам кризис и обосновывает приход новой элиты, а также служит инструментом этой элиты в борьбе со старыми властителями и перехват ресурсов. В этом отношении Россия в 1990-е годы продемонстрировала лавирующую активность центральных российских элит. Необходимость поддержки активной части населения и части номенклатуры, стремившейся к контролю над ресурсами, диктовала специфическую политику — целенаправленное разрушение СССР, приватизацию ослабевшего государства, заигрывание с региональными элитами, поддержку демократических организаций и процедур. В межэлитном конфликте ельцинская элита одержала верх. Но сам кризисный путь к власти привел к возникновению нового социально-экономического и федералистского кризиса. Попытки сохранить демократические институты (и тем самым демократическую легитимность) и практики при спорадических диктаторских действиях (например, госпереворот 1993 г.) не были продуктивными. Переход в 2000-х годах к постепенно вводимым авторитарным методам управления частично решил проблему. Путь, предсказанный В. Парето (см., напр.: Парето 2011b: 61-62) и многократно пройденный в различных странах в разное время, для российских элит оказался *ultima ratio*, хотя они к этому были расположены и готовы.

Второй аспект — воздействие кризиса на элиты. Насколько кризис затронул внутреннее (структура, ценностные ориентации) состояние элит? Уже упоминавшиеся С. Тэрроу и В.Л. Смит затрагивают важную проблему — исторический и конкретно-политический контекст могут задавать характеристики персонам, идущим во власть. Помимо этого, сам выход из кризиса требует определенных характеристик и навыков. В классических текстах по элитам это показано. На лидерские места выдвигаются индивиды, соответствующие «требованиям момента». В условиях кризиса власти в Италии в 1921 г. В. Парето писал, что искусство власти состоит, во-первых, в следовании основным течениям, существующим в данной стране, во-вторых, в использовании существующих чувств и интересов [Парето 2011a: 143–144, 2011b: 63]. Именно это осваивается успешными элитами. Более точно — делает их элитами. «Деэлитизация» связана с не овладением «искусства власти». Кроме того, «побеждает группа, чьи вожди обладают комбинационным инстинктом, и чьи адепты глубоко прониклись идеальными чувствами. Поэтому Муссолини мог сказать, что его пастве присущ мистицизм подчинения» [Парето 2011c: 198]. Интересы, на которые ориентируются элиты (или контрэлиты) достаточно разнообразны. Парето имел в виду интересы значимых социальных групп. Однако не следует забывать о групповых и индивидуальных интересах внутри элитного сообщества.

Можно предположить, что существуют как минимум два базовых пути разрешения кризиса: «демократический» и «авторитарный». Первый включает различные социальные группы в обсуждение, выработку программ, реализацию политики. Второй основан на элитно-экспертном обсуждении, выработке политического курса и его реализации. Но при этом исключенные группы интересов и социальные группы стремятся принять участие в политическом процессе. Выбор элит между этими вариантами не произволен. Он зависит от традиции, политической системы и политического режима, а также от развитости гражданского общества.

Властные группы используют несколько видов механизмов регулирования. Содержательно это нормативное регулирование — законы, формальные и неформальные нормы, практики, международные обязательства; административное регулирование — деятельность административных институтов; идеологически-культурное регулирование — легитимация, традиции, обычаи, религия, «культурное строительство».

Причем нельзя утверждать, что какой-то из них наиважнейший или самый эффективный. Дело в контексте и в характере кризиса. Организационно самые сильные инструменты — чрезвычайное положение и диктатура. Последнее в большей степени имеет отношение к выходу из политического кризиса. Здесь необходимы пояснения в духе К. Шмитта, рассматривавшего диктатуру не в противоположность демократии [Шмитт 2000а: 176, 181], а как средство защиты и обеспечения действия конституции [Шмитт 2005: 9]. Он исходил из существенного различия: «Диктатура, которая не связана зависимостью от отвечающего нормативному представлению, но достигаемого в конкретных обстоятельствах успеха, которая, стало быть, не стремится к тому, чтобы сделаться излишней, есть произвол и деспотизм» [Шмитт 2005: 16]. В этом смысле диктатура представляет собой средство временного назначения. Однако опасность изменения цели и соблазн бесконтрольной власти существует. К тому же, время при длительности диктатуры и чрезвычайного положения способствует опривычиванию практик. Тем более, что как отмечается правоведами, «превращение института чрезвычайного положения в постоянно действующий фактор государственной политики очень часто встречается и в современных условиях. Причем он в равной степени присущ как авторитарным, так и либеральным и буржуазно-демократическим государственно-политическим режимам» [Сальников, Степашин, Янгол 2000: 20]. Часто проблема заключается в соразмерности применяемых чрезвычайных мер возникшему кризису. В международных стандартах прописаны ограничения введения и действия чрезвычайного положения, а также возможные ограничения прав и свобод [Молчаков 2018]. Однако зачастую практика жизни оказывается иной. Результаты режима чрезвычайного положения не всегда оказываются теми, которые прогнозируются властными элитами, использующими этот инструмент. Так, введение чрезвычайного положения в Индии в 1975-1977 гг. правительством Индиры Ганди в условиях политического кризиса привело к консолидации оппозиции и утрате власти правящей партией — Индийским национальным конгрессом.

ЗАДАЧИ ЭЛИТ В КРИЗИСЕ

Прежде всего элиты в кризисе снижают неопределенность. Максимально — они ее устраняют, создавая определенность путем стабили-

зации социальных институтов. Другими словами, элиты создают режим определенности. То есть такого состояния взаимодействия социальных агентов и институтов, когда они полагаются на предсказуемые действия своих контрагентов. Обычно это описывается понятием «институционализация» и «рутинизация». Элиты должны способствовать естественности, «заведенности» социальных действий в новых условиях. Но достижение этого состояния осуществляется посредством экстраординарной активности. Славой Жижек пишет: «Эксперты должны представить ситуацию во всей ее сложности, а Господин должен упростить ее до точки принятия решения. Такая фигура Господина особенно необходима в ситуациях глубокого кризиса. Задача Господина заключается в том, чтобы осуществить подлинное разделение — на тех, кто предпочитает тянуть резину при старых условиях, и тех, кто осознает, какие необходимы перемены» [Жижек 2021: 263]. Здесь существенно разделение труда в описании, оценке, анализе и действии в условиях кризиса, а также фиксация инстанции, принимающей решение.

Вместе с тем Жижек определяет важную внутриэлитную задачу — консолидация элитных групп через разделение, через лояльность новому курсу и определяющим его лицам. Здесь есть проблема. Часто выход из кризисной ситуации может быть не один. Или во всяком случае он не один в различной временной перспективе и в разных контекстах. И разные элитные и/или околоэлитные группы имеют различающиеся представления о возможности выхода из кризиса.

В качестве примера можно рассмотреть военное поражение Франции в 1940 г., сопровождавшееся кризисом правления и управления. Данный пример не является модельным, но на нем можно увидеть проблему дуальности выхода из кризиса. Значительная часть сегодняшней общественности и исследователей рассматривает подписание перемирия (которое часто называют капитуляцией) 22 июня 1940 г. как предательство. Это при том, что большая часть населения не была готова дальше сражаться и с облегчением и воодушевлением восприняла и радиовыступление маршала Филиппа Петена 17 июня «Надо прекратить борьбу», и само перемирие¹. 18 июня Шарль де Голль выступает в Лон-

¹ «Сообщение о прекращении огня распространилось мгновенно. Возникло радостное возбуждение. Горожане сидели на окнах или стояли у дверей и, улыбаясь, махали солдатам. А те ехали, напевая и играя на губных гармошках. Прекращение огня будто приободрило их, придало им уверенности. Мне

доне с призывом продолжать борьбу. Как пафосно пишет С. Жижек, «он заявил, что только он, а не режим Виши говорит от имени истинной Франции (истинной Франции как таковой, а не только от имени “большинства французов”¹). Его слова были решительно верны, даже если с “демократической” точки зрения не только не имели легитимности, но и явно противоречили мнению большинства французского народа» [Жижек 2021: 264]¹. Но вот слова французского крайнего националиста и антигерманиста, основателя «Французского действия» Шарля Морраса: «Для Маршала и допропорядочных французов июньское перемирие (1940 г.) было средством спасения, сохранения чести и будущего» [Моррас 2018: 66]. И это не единственный голос в защиту Петена и решения о перемирии (о столкновении точек зрения см.: [Бурлаков 2022: 121–147, 333–349]).

Кризис часто приводит (если он не является причиной) к расколу элит. Разные «осколки» и бывшие аутсайдеры стремятся консолидироваться, стремятся остаться или стать элитой. В конкретный момент кризиса историческое оправдание и выживание здесь и сейчас сливаются вместе. Де Голль, бросивший свой пост и фактически дезертировавший в военное время (за что был приговорен заочно к смертной казни), и оставшийся на своем посту Петен, которому предлагали уехать из Франции, но который заявил: «Правительство не эмигрирует

казалось, что они внезапно почувствовали себя так, будто им грехи отпустили. Герои, выполнившие свой долг до конца. В городке праздник. Бистро ярко освещены, двери широко распахнуты, алкоголь рекой и песни» [Бобковский 2021: 48–49]. Травмирующее действие Великой войны проявлялось в таком «пацифизме». В 1932 г. Шарль Де Голль писал: «Следствием невероятных испытаний, перенесенных в недавнем прошлом, стали упадок воли, ослабление характеров, падение морали, которые настраивают общественное мнение против военных» [Голль 2006: 55]. Облегчение и радость среди большей части французов в связи с тем, что удалось избежать европейской войны, было и после Мюнхенского соглашения 1938 г. (о результатах социологического опроса в это время см.: [Арон 2006: 72]). О пацифизме во Франции среди различных слоев населения см.: [Бурлаков 2022: 76–92].

¹ Этот пассаж хорошо иллюстрирует тезис о якобинском аргументе: «Теоретически, а в критические эпохи также и практически демократия бессильна перед якобинским аргументом, то есть перед решением отождествить меньшинство с народом и решением перенести понятие из области количественного в область качественного» [Шмитт 2000а: 180].

и не дезертирует: оно не имеет права покидать французскую территорию. Долг правительства — что бы ни случилось, оставаться в стране, иначе оно не сможет называться таковым» (цит. по: [Бурлаков 2022: 135]), персонифицируют разные элитные реакции на кризис и разные стратегии по выходу или смягчению его. Отсюда возникают специфические задачи консолидации элит и общества. В данном случае победители определяют основания консолидации, их ложность и истинность. Проигравшие уничтожаются или, в лучшем случае, удаляются из публичного пространства¹.

Консолидация элит возможна при некотором консенсусе в отношении определенных ценностей. Важно, что эти ценности должны быть когерентны ценностям основной части населения [Манн 2014: 111; Парето 2011а: 143–144; Field, Higley 1980], что связано с легитимностью режима и элит. И здесь мы подходим к важному различию. Базовые ценности, к которым относятся выживание здесь и сейчас, в конкретный момент могут абсолютно доминировать и быть основанием принятия решений и основой сплочения. Отсутствие иных ресурсов для продолжения борьбы, кроме как быть помехой и фактором осложнения действий противника, также выступает существенным рациональным основанием принятия негативного в других условиях решения².

Перемирие 1940 г. было не столько выходом из кризиса, сколько его замораживанием, отсрочкой выхода и разрешения. Формально кризис разрешился сохранением ограниченного суверенитета. Дальнейшее провозглашение Французского государства, заменившего Французскую республику, формирование правительства, сохранение полицейских и значительно усеченных вооруженных сил, принятие конституционных актов создавали видимость нормальности, на основании которой возможна консолидация элит и общества. Хаос сменился относительным порядком, субъектом установления которого выступало правительство

¹ Например, после победы «оранжевой революции» на Украине в 2004 г., как заявил президент В. Ющенко (победитель), было уволено 18 тысяч госслужащих [Шульга 2011: 46].

² «Эти бедные французы, которым так долго вдалбливали, что имеет значение только та их жизнь, только эта штука без всякой духовной подкладки, только аперитив и рыбная ловля — были вытолкнуты на передовую без самолетов, без танков, под защитой этой недостроенной линии Мажино» [Дриё ля Рошель 2000: 265].

Виши, действовавшее как суверен [Шмитт 2000b: 26]. Однако существовали внешние факторы — оккупация значительной части страны врагом, продолжающаяся мировая война, борющаяся антигитлеровская коалиция, формирование контрправительства (Французского комитета национального освобождения) за рубежом. Внутри не все французы приняли сложившийся статус-кво, началась партизанская война (хотя и не интенсивная). Да и сама элита нового государства не была едина (см., напр.: [Бурлаков 2020: 180; Дегрель 2018: 90; Моррас 2018: 66–68]). Последнее было существенным обстоятельством, препятствующим консолидации правящей группы.

Вместе с тем происходила постепенная консолидация контрэлиты (первоначально далеко не единой) по мере расширения действия союзников в Северной Африке и их успехов. Для этой части французских военных и политиков разрешение кризиса состояло в восстановлении довоенной государственности и значительном обновлении властной группы. И здесь важно, что эта сторона опиралась на представление, говоря словами Бертрана Матье, о «“публичном нематериальном порядке”, т.е. не о зафиксированном формальном публичном порядке, а о порядке, отсылающем к неким ценностям» [Матье 2020]. Попытка правительства Виши опереться на традиционные ценности (девиз государства на гербе — «Труд, Семья, Отечество») в конкуренции с патриотически-национальными не была очень успешной. Более актуальной оказалась идея полного суверенитета и освобождения, притом что она была поддержана победой союзников на фронте. Здесь также надо иметь в виду моральный аспект: «[М]ы раз и навсегда прекратим разговоры о нашем сотрудничестве с предателями, которые хотели видеть Францию униженной и поставленной на колени. Нет, не такая страна должна будет вскоре занять свое заслуженное место в ряду достойнейших наций» [Блок 1999: 212–213]. Из кризиса надо выходить с достоинством. Последнее, конечно, определяется победителями и становится одной из основ консолидирующего мифа. Мир в оккупации менее предпочтителен суверенному миру. В процессе борьбы за освобождение и в дальнейшем, конечно, пришлось внутренне упорядочивать элитное сообщество. Проблема его политической и идеологической гомогенности разрешилась через несколько лет. Послевоенный консенсус элит и общества, основанный на мифе Сопrotивления и Освобождения, подвергался серьезным испытаниям в дальнейшем ввиду серьезных кризисов и смены политических режимов. Но он устоял.

Можно предположить, что та часть французской элиты, которая устанавливала режим Виши и организовывала властные структуры и институты, в отведенное историей время консолидироваться вряд ли могла. Она могла существовать только как абстрактная элита [Dahrendorf 1969]¹. Тем более что ее самостоятельность была сильно ограничена со стороны немецкого военного командования и политического руководства. Кроме того, выход из кризиса предполагалось осуществить в рамках общего международного кризиса.

В России (СССР) серьезный кризис государственности и властных элит в 1990-х годах привел также к переформатированию государства с потерей значительных территорий, ставших самостоятельными политическими образованиями. Состояние элит длительное время оставалось неконсолидированным. Хотя надо отметить, что на региональном уровне в условиях серьезного межфракционного элитного конфликта и кризиса, вызванного госпереворотом в 1993 г., властные группы пытались стабилизировать положение и консолидироваться (см., напр.: [Дука, Чугунов 1998: 143; 1999: 194–195]). Однако спустя двадцать лет после смены власти в стране исследовательница отмечала: «[Н]и путинские реформы, ни медведевские новации, ни попытки укрепить властные институты не улучшают качества российских элит. Они остаются разобщенными, думающими о сиюминутных интересах, но самое главное — они не хотят или не могут справиться с теми задачами в обществе, которые диктуются им их элитной отнесенностью. Элита продолжает оставаться в России закрытой социальной группой, для которой внутриэлитные противостояния и сопровождающие это противостояние конфликты оказываются важнее, чем функции общественного управления» [Чирикова 2011: 59]. Следующее десятилетие немного улучшило внутриэлитную ситуацию. Но проблемы остались. Длительность процесса институционализации новых элит, даже если в их составе может оказаться много членов предыдущей властной групп, остается очень серьезным фактором.

¹ Еще в самом начале режима итальянский министр иностранных дел был достаточно скептичен. Г. Чиано 24 июня 1940 года записал в своем дневнике: «Я не хочу делать какого-либо предсказания, однако я не вполне уверен, что правительство Петэна в состоянии навязать свою волю, особенно имперским владениям и военно-морскому флоту» [Чиано 2010: 307].

Помимо консолидации собственных рядов перед властными элитами, стоит задача консолидировать общество горизонтально и вертикально. Сплочение в кризис необходимо в силу ограниченности ресурсов. Достигается это как манипулятивными практиками, так и вполне рациональными пропагандистскими действиями. Но часто объяснять и разъяснять мало. Пандемии в этом отношении демонстрируют пример необходимости применения организационных мер. Общество может быть принуждено к единодействию. Легитимация активности властей в этом направлении может встретить серьезные препятствия. Движение антиваксеров во время пандемии COVID-19 это демонстрирует. В политических кризисах консолидация еще больше затруднена.

Сам кризис создает ограничения по выходу из него. Во-первых, присутствует институциональный дефицит и институциональная неопределенность. Во-вторых, любая активность элит сталкивается с проблемой легитимации. Одним из оснований ее являются базовые ценности и нормы конкретного общества. Только ограничивая себя, ставя себя в рамки, ты легитимен, твои власть и деятельность правомерны. А в условиях прихода новых элит вследствие кризиса легитимация для них становится особой задачей. Существенно, что при принятии решений элиты основываются на тех же базовых ценностях, что и большинство населения, о чем выше уже говорилось. В-третьих, связанное с предыдущим, необходимы общественное мнение и опора на него при принятии решений. Например, В.В. Путин говорил, что при принятии решения о присоединении Крыма в 2014 г. проводились социологические исследования, показавшие, что большинство населения поддержит руководство даже при ухудшении отношений с другими странами [Стоун 2017: 236]. В-четвертых, дефицит ресурсов. В-пятых, дезинтеграция элит и элитные конфликты.

Ограничения могут снижаться в силу автономности элит — нормативной и деятельностной. Первое связано с тем, что институционализирующий институт (элиты) не только задает нормы обществу, но в процессе своей институционализации также формулирует свои. Более того, эти нормы могут расходиться с общими для социума. Но они создают важную демаркацию и идентификацию элит. Высшим группам позволено то, что простым смертным предосудительно или вовсе запрещено. Но при этом автономность должна признаваться низами. И она должна быть очевидна. Второй фактор предполагает относительную независимость элит при принятии решений и при практических шагах

по выходу из кризиса. Причем, как правило это признается не-элитами как данность. При этом не предполагается нарушение закона. Существующий нормативный люфт и ставшие почти традициями практики служат достаточным основанием для такого рода действий. В каждой стране при этом есть своеобразие.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Разрешение кризиса несет определенные риски и опасности для общества, которые могут не рассматриваться властными группами как таковые. Как выразился Хайнрих Бест, «элиты ведут себя как ученик чародея: нередко они не в состоянии контролировать результаты приложения своих сил. У элит нет генерального плана действий; они стараются справиться с разнообразными и неожиданными для них аспектами кризиса по мере их появления» [Бест 2014: 72]. Исследователь имел в виду экономический кризис 2008 г. Но представляется, что действие в ситуации отсутствия плана во время кризиса является типичным. Тем более что любые действия по разрешению кризиса меняют его контекст, актора и сам кризис. Оценка ситуации — нетривиальная задача. Как пишет К. Шмитт, во внутригерманском политическом кризисе 1933 г. «правительство капитулировало перед лицом ложного понятия легальности». А угроза роспуска Рейхстага вкупе с продолжением кризиса толкало к катастрофическим в последующем шагам — «назначение Гитлера рейхсканцлером должно было казаться настоящим выходом из кризиса» [Шмитт 2016: 278] (также см., напр.: [Винклер 2013: 746–747; Дорпален 2008: 440–441; Эванс 2011: 372–373]). Такого рода недалководность — нередкое явление. Это можно наблюдать и в отношении решений отечественных элит. Помимо этого, властные группы редко просчитывают весь набор возможных результатов. А некоторые побочные эффекты вполне удовлетворяют элиты.

Прежде всего надо отметить доминирование элит и государства. В определенном смысле это вполне естественное положение, так как именно эти субъекты регулирования выступают основными агентами разрешения кризиса и определения направления оптимального развития. Тем более что существует, как отмечает К. Шмитт, простая презумпция легальности любого проявления государственной власти. И здесь существует ловушка: «[Н]и одна легальная государственная власть не может отказаться от этой презумпции» [Шмитт 2013: 250].

Искушение властью, тем более «основанной на личном усмотрении, презумпции легальности и немедленном исполнении — основной премии за обладание легальной властью — раскрывается при использовании чрезвычайных полномочий чрезвычайного положения, когда устраняется любая мысль о равенстве шансов» [Шмитт 2013: 252]. То есть происходит уменьшение роли граждан и гражданского общества в определении политической повестки.

В этом же духе рассуждает Дж. Агамбен в связи с действиями итальянского государства во время пандемии COVID-19: «[И]спользование чрезвычайного положения как уловки и невозможность управления иначе, чем через него, — одно и то же. Суверен, действуя абсолютно произвольно, в то же время вынужден непрестанно принимать решение о чрезвычайном положении, которое в конечном счете определяет его природу» [Агамбен 2022: 106]. Страх перед возможным произволом, ставшим легальным и легитимным, демонстрирует не столько «параноидальность» психики исследователя, сколько объективные основания дедемократизации.

Кризис раскрывает институциональные резервы авторитарно ориентированных элит. То, что раньше казалось нарушением и делалось прикровенно, может делаться откровенно и гласно. Например, использование (манипулирование) права и судебных решений в политических целях. Происходит непосредственная политизация права. Комментируя условно-досрочное освобождение из заключения бывшего министра экономического развития России А. Улюкаева, Сергей Марков отметил: «Сейчас происходит консолидация элит в условиях противостояния с Западом. В этих условиях мелкие наказания снимаются. То, что случилось, — жест доброй воли не столько по отношению к Улюкаеву, сколько к тем людям, которые за него просили. Системные либералы — такие, как Кудрин или Набиуллина, все эти годы так или иначе поддерживали товарища. И их сейчас уважили» [Соколов 2022]. Выше говорилось о задаче по консолидации элит. Этот пример показывает инструментальную сторону реализации этой задачи. Проблема заключается в границах возможного манипулирования. При малоактивном или расколотом гражданском обществе грань легко преодолима, а соблазн собственной неограниченной власти усиливается.

Диспропорция между разными акторами в ресурсах и доступе к легальным действиям в условиях кризиса и чрезвычайной ситуации потенциально чревата подрывом демократии и парламентаризма. Ранее

говорилось о действии разделения, совершаемом властной группой в отношении элиты и публики, на тех, кто готов к антикризисной политике, предлагаемой властью, и оппонентов (они же конкуренты). Политико-правовое содержание этого действия заключается в лишении или снижении ресурсного обеспечения последних. Крайней формой здесь выступает упразднение их легальности. Шмитт точно формулирует проблему, когда пишет, что «все привязано к принципу равных шансов достижения власти внутривластным путем. Если этот принцип упраздняется, то парламентское законодательное государство упраздняет само себя, свою справедливость и легальность» [Шмитт 2013: 250]. Возможна только поддержка в публичном пространстве. Конкуренция не приветствуется. И тогда можно будет говорить о решительном изменении политического режима. Тот же автор в условиях кризиса в 1932 г. дает характеристику Веймарской республики: «Ведь выборы стали плебисцитарным процессом. Они уже давно не являются отбором в смысле выдвижения и продвижения элиты и обоснования независимой репрезентации» [Шмитт 2013: 299]. Описанное состояние государства возникает не одномоментно. Кризис и реакция населения и элит на него длительны. Отсюда и известный результат. Надо заметить, что описанное исключение оппонентов из политического процесса часто происходит и в рамках демократического процесса. Да и шансы могут быть достаточно изменчивыми. В отношении Соединенных Штатов Джозеф Шлезингер отмечал: «Структура возможностей определенно не зафиксирована. Войны и изменяющиеся экономические основания имеют свои заметные воздействия на политические шансы» [Schlesinger 1966: 19]. Кризисы усиливают существующие тенденции.

Одним из положительных результатов преодоления кризиса является выход из состояния «абстрактности» элит (в смысле Дарендорфа). Вместе с тем это может вести к бюрократизации элит (особенно политических) и технократии, следствием чего является деполитизация политического пространства. Ситуация в постперестроечной России это отчетливо демонстрирует.

В связи с этим возникает возвратная нормализация. В отношении России это можно предложить в качестве гипотезы. То, что может рассматриваться населением и наблюдателями как опасность для определенных форм социально-политического пространства (например, демократических, как бы это ни понималось) для элит является целью трансформации политического порядка. Нормализация здесь — воз-

вращение к знакомым и удобным формам властвования. Кризис в таком понимании возникает в связи с появлением несвойственных для данных элитных групп условий существования. Разрешение его — возврат к устойчивым в прошлом формам. Здесь заложено и основание поддержки части населения такой трансформации, тем более что легитимация может осуществляться посредством апелляции к историческому прошлому, традициям и эффективности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Элиты — центральный актер по разрешению кризисов (и их провоцированию). Выбор мер реагирования во многом зависит от характера кризиса и качественных характеристик элит.

Кроме того, кризису подвержены не только социальные системы и общество в целом, но и элиты. Их состояние, внутренняя структура, возможности функционировать, ценностные ориентации в процессе разворачивания кризиса могут существенно меняться. Отсюда и первоначальные задачи могут модифицироваться. Фактически речь идет о том, что в начале кризиса и в его конце во главе общества могут стоять разные акторы, хотя персоны могут быть одни и те же.

В условиях кризиса элиты решают вопрос внутреннего разделения — на сторонников курса по выходу из кризиса предложенными способами и методами и на оппонентов. Этот процесс может быть достаточно конфликтным и болезненным для несогласных. Надо заметить, что иногда существует несколько вариантов выхода из кризиса, кардинально различающихся. Выделить какую-нибудь доминирующую группу (контр)элит бывает достаточно сложно. Такая ситуация может привести к внутриэлитному конфликту, а также к конфликту между различными частями общества. Ресурсное обеспечение и легитимность группы и действий здесь могут быть кардинальными в реализации конкурирующих проектов.

При длительности кризиса, его рутинизации происходит институционализация новых форм властвования и структурирования общества. «Ненормальность» ситуации трансформируется в состояние общепринятости. Кризис «снимается». Во всяком случае в том виде, в котором он существовал.

Для элит существуют ограничения в их деятельности, связанные с состоянием общества (включая властные группы), его историей, куль-

турой, нормами, системой ценностей и ресурсами. Ориентация на эти ограничения влияет на легитимность доминирующих групп и их политику, а также на легальность деятельности. Вместе с тем зачастую элиты идут на нарушения ограничений во имя «эффективности» деятельности и решения задач «оптимизации» внутриэлитных отношений. Относительная автономность элит и наличие внутrigрупповых норм облегчает такого рода практики. Помимо этого, существенным оказывается исторический опыт общества и сложившиеся практики во взаимоотношениях элит и не-элит.

Роль элит в процессе выхода из кризиса амбивалентная. Наряду с устранением причин и факторов кризисов, они, создавая условия для своей эффективной деятельности, одновременно снижают антикризисный, а тем самым и политический потенциал иных возможных акторов. При развитии и расширении такой политики возможно изменение политического режима в сторону усиления авторитарных способов осуществления власти, снижение политической конкурентности и отстранение оппонентов от политического процесса. Фактически речь идет о деполитизации публичной сферы.

Такого рода развитие событий следует отличать от «возвращения к нормальности», возникающего в обществах, где в силу недолгого времени наличия демократических институтов их институционализация оказывается неполной. Эффективность централизованных практик властных групп при их значительной автономии от слабого гражданского общества в условиях кризиса воспринимается многими политическими акторами и частью общества как позитивное явление, соответствующее историческому пути.

Литература

- Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / пер. с итал. В. Данилова. М.: Ноократия, 2022. 144 с.
- Арон Р. Пристрастный зритель / пер. с фр. под ред. Б. М. Скуратова. М.: Проксис, 2006. 416 с.
- Бест Х. «Европа» — меньшее из зол? Границы путей выхода из безграничного кризиса с точки зрения элит // Власть и элиты. Т. 1 / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 70–95. EDN: XIEMRP.
- Блок М. Странное поражение: свидетельство, записанное в 1940 г. / пер. с фр. Е.В. Морозовой. М.: РОССПЭН, 1999. 287 с.
- Бобковский А. Наброски пером (Франция 1940–1944) / пер. с пол. И. Киселёвой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 740 с.

Бурлаков А.Н. Петэн. Последний великий француз. СПб.: Владимир Даль, 2022. 383 с.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

Веннер Д. Самурай Запада. Настольная книга непокоренных / пер. с фр. О. Молотов. М.: Тотенбург, 2017. 236 с.

Винклер Г.А. Веймар, 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. Е. Земсковой, А. И. Савина. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.

Голль Ш. де. На острие шпаги / пер. с фр. О. Дубицкой. М.: Европа, 2006. 240 с.

Дегрель Л. Воспоминания и размышления // Дегрель Л. Вторая мировая война. Взгляд европейца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Тотенбург, 2018. С. 5–204.

Дорпален А. Германия на заре фашизма / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 479 с.

Дриё ла Рошель П. Дневник 1939–1945 / пер. с фр. под ред. С.Л. Фокина. СПб.: Владимир Даль; Ювента, 2000. 602 с.

Дука А.В., Чугунов А.В. Городская элита в контексте конституционного кризиса (контент-анализ городских газет, 1993 г.) // Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты: материалы междунар. симпозиума. Санкт-Петербург, 25–26 июня 1997 г. / под общ. ред. С.А. Кугеля. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. С. 129–145.

Дука А., Чугунов А. Конституционный кризис и консолидация элиты Санкт-Петербурга // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара (Тверь, 20–22 февраля 1998 г.) / под ред. А. Мельвиля. М.: Моск. обществ. научн. фонд, Изд. Центр научных и учебных программ, 1999. С. 186–196.

Жижек С. Неприятности в Раю. От конца истории к концу капитализма / пер. с англ. М. Леоновича. Екатеринбург: Гонзо, 2021. 320 с.

Карабущенко П.Л. Элита и война: фальсификация побед и поражений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 334–339. EDN: VEEWCB.

Латыпов Р.Ф., Тимашева К.Т. Циклы ротации правящей элиты как фактор кризисов политической системы России // Власть. 2016. № 12. С. 73–78. EDN: XIQZGL.

Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского. М.: ВШЭ, 2014. 204 с.

Матье Б. Кризис ценностей, кризис демократии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1 (80). С. 7–9. EDN: ЕКТВВФ.

Молчаков Н.Ю. Международно-правовые стандарты ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения // Международный правовой курсер. 2018. № 5 (29). С. 49–53. EDN: VCWGXP.

Моррас Ш. О франко-германском сотрудничестве и правительстве Виши // Моррас Ш. Фрагменты. Об Англии, Германии, Франции и монархии / пер. с фр. А.М. Иванова. М.: Тотенбург, 2018. С. 66–94.

Осипов Ю.М. Кризис мира и мир кризиса // Философия хозяйства. 2014. № 5 (95). С. 167–178. EDN: TENXSH.

Парето В. Два государственных деятеля // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011а. С. 142–151.

Парето В. Трансформация демократии // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011б. С. 23–94.

Парето В. Учебник политической экономии. 2-е изд. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2018. 591 с.

Парето В. Феномен фашизма // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011с. С. 196–200.

Протасеня Ю.Е. Теоретические основы понятия «кризис» // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 1. С. 127–130. EDN: SCLRHT.

Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Правовой институт чрезвычайного положения: понятие и сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 2 (6). С. 19–28. EDN: CRXXLE.

Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным / пер. с англ. В. Ионов. М.: Альпина Паблишер, 2017. 350 с.

Хоффманн-Ланге У. Граждане и элиты во времена экономического кризиса и общественных волнений // Власть и элиты. Т. 1 / под ред. А.В. Дуки. СПб.:Интерсоцис, 2014. С. 96–136. EDN: XIEMRZ.

Чиано Г. Дневник фашиста, 1939–1943. XVII–XXI Е. Ф. М.: Плацъ, 2010. 672 с.

Чурикова А.Е. Власть, элиты и кризис: стратегии политического поведения // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: ежегодник 2010. М.: РОССПЭН, 2011. С. 43–59.

Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. СПб.: Наука, 2005. 326 с.

Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000а. С. 155–256.

Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова. М.: Территория будущего, 2013. С. 221–305.

Шмитт К. Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.) // Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 270–279.

Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000б. С. 7–98.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: Двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: Бізнесполіграф, 2011. 448 с.

Эванс Р.Дж. Третий рейх. Зарождение империи, 1920–1933 / пер. с англ. Б. Кобрицова. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 640 с.

Юнгер Э. Сады и дороги / пер. с нем. Е. Воропаев. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 364 с.

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. Garden City; New York: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi+457 p.

Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Ithaca; New York: Cornell Univ. Press, 1962. xx+618 p.

Field G.L., Higley J. Elitism. London; Boston: Routledge; Kegan Paul, 1980. xi+135 p.

Gerth H.H., Mills C.W. The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964. xxi+490 p.

Guttsman W.L. The British Political Elite. London: MacGibbon and Kee, 1963. 398 p.

Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”. With the first English translation of the final version of “The Ruling Class”. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962. viii+432 p.

Pareto V. The Parliamentary Regime in Italy // Pareto V. The ruling class in Italy before 1900. New York: Vanni, 1950. P. 11–82.

Schlesinger J.A. Ambition and Politics: Political careers in the United States. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 p.

Tarrow S., Smith V.L. Crisis Recruitment and the Political Involvement of Local Elites: Some Evidence from Italy and France // Elite Recruitment in Democratic Politics: Comparative Studies across Nations / ed. by H. Eulau, M.M. Czudnowski. Beverly Hills: Sage; New York: distributed by Hasted Press, 1976. P. 205–237.

Источники

Соколов Д. «Его опыт сейчас необходим». Почему Улюкаев выходит на свободу? // Аргументы и факты. 30.04.2022. URL: https://aif.ru/politics/russia/ego_opyt_seychas_neobhodim_pochemu_ulyukaev_vyehodit_na_svbodu (дата обращения: 30.04.2022.)

ELITES IN A CRISIS SOCIETY

A. Duka

(alexander-duka@yandex.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Duka A. Elity v krizisnom obshchestve [Elites in a crisis society]. *Vlast'i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 5–36. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>

Abstract. *The article analyzes the actions of political and administrative elites in a crisis. A crisis is defined as the maximum uncertainty of the existence of a societal (sub)system due to the inadequacy of the previous mechanisms for its regulation. Elites are seen as a dynamic part of the crisis situation. The implementation of anti-crisis policy also implies an internal division in relation to the measures taken by the dominant elite group — into supporters and opponents. The very response to the crisis depends on its nature and the capabilities of elite groups. A way out of a crisis situation may involve more than one option. Competition within the elite community, apart from programs, is based on attracting resources and securing legitimation. There are restrictions on the activities of the elites. They are of a societal, normative, value and other nature. Following the restrictions provides legality and legitimacy to the actions of power groups. At the same time, elites can act in defiance of restrictions, trying to justify this with expediency and efficiency. The basis of this practice is the relative autonomy of the elites. At the same time, in a crisis, the elites seek to maximize their potential at the expense of other actors, narrowing their opportunities in the public sphere. The expansion of this kind of activity can lead to a decrease in the role of democratic forms of exercising power and the rise of authoritarian ones. The weak development of civil society and the low institutionalization of democratic forms provoke support for authoritarian tendencies not only by elite groups, but also by part of the population. The legitimization of such a trend can be carried out through the discourse of normalization and following the historical path.*

Keywords: *elites, abstract elites, crisis, institutions, consolidation, authoritarianism, restrictions on elite activity, depoliticization.*

References

- Agamben G. *Kuda my prishli? Epidemiya kak politika* [A che punto siamo? Lepidemia come politica]. Moscow: Nookratia, 2022. 144 p. (In Russian)
- Aron R. *Pristrastnyy zritel'* [Le Spectateur engagé]. Moscow: Praksis, 2006. 416 p. (In Russian)

Best H. «Yevropa» — men'sheye iz zol? Granitsy putey vykhoda iz bezgranichnogo krizisa s tochki zreniya elit [Is 'Europe' the Lesser Evil? Limits of Elite Crisis: Resolution in a Limitless Crisis)], *Vlast' i jelity* [Power and elites], 2014, 1, pp.70–95. EDN: XIEMRP. (In Russian)

Bloch M. *Strannoye porazheniye: Svidetel'stvo, zapisannoye v 1940 g.* [L'Étrange Défaite. Témoignage écrit en 1940]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 287 p. (In Russian)

Bobkowski A. *Nabroski perom (Frantsiya 1940–1944)* [Szkice piórkiem (Francja 1940—1944)]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2021. 740 p. (In Russian)

Burlakov A.N. *Peten. Posledniy velikiy frantsuz* [Pétain. The last great Frenchman]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 383 p. (In Russian)

Chirikova A.Ye. *Vlast', elity i krizis: strategii politicheskogo povedeniya* [Power, Elites and Crisis: Strategies of Political Behavior]. In: *Mirovoy krizis i politicheskiye izmeneniya. Politicheskaya nauka: Yezhegodnik 2010* [World Crisis and Political Changes. Political Science: Yearbook 2010]. Ed. by A.I. Solov'yev. Moscow: ROSSPEN, 2011, pp. 43–59. (In Russian)

Ciano G. *Dnevnik fashista, 1939-1943. XVII-XXI E. F.* [Diary, 1939–1943. XVII-XXI E. F.] Moscow: Plats, 2010. 672 p. (In Russian)

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi+457 p.

Degrelle L. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections]. In: Degrelle L. *Vtoraya mirovaya voyna. Vzglyad yevropeytsa* [World War II. European view]. 3rd ed. Moscow: Totenburg, 2018, pp. 5–204. (In Russian)

Dorpalen A. *Germaniya na zare fashizma* [Hindenburg and the Weimar Republic]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. 479 p. (In Russian)

Duka A.V., Chugunov A.V. *Gorodskaya elita v kontekste konstitutsionnogo krizisa: (kontent-analiz gorodskikh gazet, 1993 g.)* [Urban elite in the context of the constitutional crisis: (newspapers content analysis, 1993)]. In: *Sotsial'nyye i politicheskiye oriyentatsii Sankt-Peterburgskoy elity: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Sankt-Peterburg, 25–26 iyunya 1997 g.* [Social and political orientations of St. Petersburg elite. Papers of the International symposium, St. Petersburg, June 25–26, 1997]. Ed. by S.A. Kugel. St. Petersburg: St. Petersburg University of Economics & Finances Press, 1998, pp. 129–145. (In Russian)

Duka A., Chugunov A. *Konstitutsionnyy krizis i konsolidatsiya elity Sankt-Peterburga* [The constitutional crisis and the consolidation of the St. Petersburg elite]. In: *Transformatsiya rossiyskikh regional'nykh elit v sravnitel'noy perspektive: Materialy mezhd. seminara (Tver', 20–22.02.1998)* [Transformation of the Russian regional elites in a comparative outlook. Materials of an international seminar (Tver, February 20–22 1998)]. Ed. by A. Melville. Moscow: Mosk. obshchestv. nauchn. Fond [The Moscow Public Science Foundation], 1999, pp. 186–196. (In Russian)

Drieu la Rochelle P. *Dnevnik 1939–1945* [Journal (1939–1945)]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2000. 602 p. (In Russian)

Evans R.J. *Tretiy reykh. Zarozhdeniye imperii, 1920–1933* [The Coming of the Third Reich]. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel, 2010. 640 p.

Feith H. *The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia*. Ithaca, New York: Cornell Univ. Press, 1962. xx+618 p.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; Boston: Routledge; Kegan Paul, 1980. xi+135 p.

Gerth H.H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964. xxi+490 p.

Gaulle Ch. de. *Na ostriye shpagi* [Le Fil de l'Épée]. Moscow: Evropa, 2006. 240 p. (In Russian)

Guttsman W.L. *The British Political Elite*. London: MacGibbon and Kee, 1963. 398 p.

Hoffmann-Lange U. Grazhdane i elity vo vremena ekonomicheskogo krizisa i obshchestvennykh volneniy [Citizens and elites in times of economic crisis and citizen unrest], *Vlast' i jelity* [Power and elites], 2014, 1, pp. 96–136. EDN: XIEMRZ. (In Russian)

Jünger E. *Sady i dorogi* [Gärten und Straben]. 2nd ed. Moscow: Ad Marginem, 2022. 364 p. (In Russian)

Karabushchenko P.L. Elita i voyna: fal'sifikatsiya pobed i porazheniy [Elite and War: Falsification of Victories and Defeats], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2015, 4, pp. 334–339. EDN: VEEWCB. (In Russian)

Latypov R.F., Timasheva C.T. Tsikly rotatsii pravayashchey elity kak faktor krizisov politicheskoy sistemy Rossii [The rotation cycles of the ruling elite as a factor of crises of Russia's political system], *Vlast' [Power]*, 2016, 12, pp. 73–78. EDN: XIQZGL. (In Russian)

Mann M. *Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Khollom* [Power in the 21st century: Conversations with John Hall]. Moscow: HES, 2014. 204 p. (In Russian)

Mathieu B. Krizis tsennostey, krizis demokratii [Crisis of values, crisis of democracy], *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2020, 1, pp.7–9. EDN: EKTBBF. (In Russian)

Maurras Ch. O franko-germanskom sotrudnichestve i pravitel'stve Vishi [On Franco-German Cooperation and the Vichy Government]. In: Maurras Ch. *Fragmenty. Ob Anglii, Germanii, Frantsii i monarkhii* [Fragments. About England, Germany, France and the Monarchy]. Moscow: Totenburg, 2018, pp. 66–94. (In Russian)

Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the "Elite"*. With the first English translation of the final version of "The Ruling Class". Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962. viii+432 p.

Molchakov N.YU. Mezhdunarodno-pravovyye standarty ogranicheniya prav i svobod v usloviyakh chrezvychaynogo polozheniya [International legal standards

for limiting rights and freedoms in a state of emergency], *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'yer* [International Legal Courier], 2018, 5, pp. 49–53. EDN: VCVGXP. (In Russian)

Osipov Yu.M. Krizis mira i mir krizisa [The Crisis of the World and the World of the Crisis], *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy], 2014, 5, pp. 167–178. EDN: TENXSH. (In Russian)

Pareto V. Dva gosudarstvennykh deyatela [Due statisti]. In: Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. Moscow: Territoriya budushchego, 2011a, pp. 142–151. (In Russian)

Pareto V. Fenomen fashizma [El fenómeno fascismo]. In: Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. Moscow: Territoriya budushchego, 2011c, pp. 196–200. (In Russian)

Pareto V. The Parliamentary Regime in Italy. In: Pareto V. *The ruling class in Italy before 1900*. New York: Vanni, 1950, pp. 11–82.

Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. In: Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. Moscow: Territoriya budushchego, 2011b, pp. 23–94. (In Russian)

Pareto V. *Uchebnik politicheskoy ekonomii* [Manuel d'économie politique]. 2nd ed. Moscow: RIOR; INFRA-M. 591 p. (In Russian)

Protasenya Yu.Ye. Teoreticheskiye osnovy ponyatiya «krizis» [Theoretical foundations of the concept of “crisis”], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics], 2014, 1, pp. 127–130. EDN: SCLRHT. (In Russian)

Sal'nikov V.P., Stepashin S.V., Yangol N.G. Pravovoy institut chrezvychaynogo polozheniya: ponyatiye i sushchnost' [Legal institution of the state of emergency: concept and essence], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg university of the Ministry of internal affairs of Russia], 2000, 2, pp. 19–28. EDN: CRXXLE. (In Russian)

Schlesinger J.A. *Ambition and Politics: Political careers in the United States*. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 pp.

Schmitt C. *Diktatura: ot istokov sovremennoy idei suvereniteta do proletarskoy klassovoy bor'by* [Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf]. St. Petersburg: Nauka, 2005. 326 p. (In Russian)

Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoye polozheniye parlamentarizma [Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus]. In: Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Politische Theologie]. Moscow: KANON-press-C, 2000a, pp. 155–256. (In Russian)

Schmitt C. Lega'nost' i legitimnost' [Legalität und Legitimität]. In: Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics]. Moscow: Territoriya budushchego, 2013, pp. 221–305. (In Russian)

Schmitt C. Lega'nost' i legitimnost' (poslesloviye k izdaniyu 1958 g.) [Legalität und Legitimität (Nachwort zur Ausgabe von 1958)]. In: Schmitt C. *Ponyatiye*

politicheskogo [Der Begriff des Politischen]. St. Petersburg: Nauka, 2016, pp. 270–279. (In Russian)

Schmitt C. Politicheskaya teologiya [Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität]. In: Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Politische Theologie]. Moscow: KANON-press-C, 2000b, pp. 7–98. (In Russian)

Shulga N.A. *Dreyf na obochinu: Dvadsat' let obshchestvennykh izmeneniy v Ukraine* [Drifting to the Roadside: Twenty Years of Social Change in Ukraine]. Kyiv: Drukarnya Businesspoligraph LLC, 2011. 448 p. (In Russian)

Stone O. *Interv'yu s Vladimirom Putinym* [The Putin interviews]. Moscow: Al'pina Publisher, 2017. 350 p.

Tarrow S., Smith V.L. Crisis Recruitment and the Political Involvement of Local Elites: Some Evidence from Italy and France. In: *Elite Recruitment in Democratic Politics: Comparative Studies across Nations*. Ed. by H. Eulau and M.M. Czudnowski. Beverly Hills: Sage Publications; New York: distributed by Hasted Press, 1976, pp. 205–237.

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress, 1984. 367 p. (In Russian)

Venner D. *Samuray Zapada. Nastol'naya kniga nepokorenykh* [Un samourai d'Occident: Le Bréviaire des insoumis (posthume)]. Moscow: Totenburg, 2017. 236 p. (In Russian)

Winkler H.A. *Veymar, 1918–1933: istoriya pervoy nemetskoj demokratii* [Weimar, 1918–1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokratie]. Moscow: ROSSPEN, 2013. 878 p.

Žižek S. *Nepriyatnosti v Rayu. Ot kontsa istorii k kontsu kapitalizma* [Trouble in Paradise. From the end of history to the end of capitalism]. Yekaterinburg: Gonzo, 2021. 320 p. (In Russian)

ДЕИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВЯЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

А.И. Соловьев

(solovyev@spa.msu.ru)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Цитирование: Соловьев А.И. Деинституализация правящей политической элиты: в поисках теоретической модели // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 37–55

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.2>

Аннотация. *Историческая логика развития правящего меньшинства отражает ряд фаз и стадий в его многогранной эволюции. Как показано в статье, одним из таких исторических этапов является образование элитарных слоев, которые формируют новые грани политического господства в рамках государственного устройства, существующего с Нового времени. В свою очередь, исторический опыт элитогенеза продемонстрировал три основные формы осуществления политической гегемонии этого корпуса правящего меньшинства — институализацию, деинституализацию и реинституализацию. Каждая из них знаменует особый стиль применения власти и управления, в конечном счете отражающих характер взаимодействия государства и общества. В контексте этого теоретического подхода раскрываются специфические особенности деинституализации правящей элиты в современном российском обществе, описываются типичные для этого состояния формы взаимодействия верхов с гражданским населением, делаются прогнозы относительно перспектив сохранения и изменения сложившегося типа правления.*

Ключевые слова: *власть, политика, управление, правящее меньшинство, правящая элита, общество граждан, неформальные ассоциации правящего класса, перераспределительные коалиции.*

ПРАВЯЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО И СПЕЦИФИКА ЭЛИТАРНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Историческая трансформация правящего меньшинства является едва ли ни решающим показателем динамики отношений государства и общества. Несколько огрубляя характер эволюции этой доминирующей страты, можно утверждать, что условной точкой отсчета ее возникновения можно считать трансформацию различных форм самоорганизации общества в устойчивые иерархические конструкции [Бардаков 2007]. Исторический перелом, породив властные диспозиции правящего меньшинства, создал предпосылки для его дальнейшей трансформации и конституализации. Вождизм сменялся более продвинутыми протогосударственными, а затем и государственными формами, а способы группового доминирования принимали все новые и новые очертания, сигнализируя о постепенной трансформации сообщества. Последовательное укрепление его социально-экономических и политических возможностей, а также механизмов самовоспроизводства в рамках государственного правления не только еще больше дистанцировали эту группу от основной части населения, но и превратили ее в особый общественный класс. Тот общественный класс, который объединил как представителей статусных группировок (имеющих право говорить от лица государства), так и собственников и контролеров крупных общественных ресурсов вместе с аффилированными с ними лицами. Другими словами, рамки правящего класса вмещали в себя не только статусных лиц, но и тех крупных политических игроков, которые размещались за рамками государственной иерархии, но при этом поддерживали всю экономическую и политическую мощь структур и институтов официальной власти.

Параллельно динамика правящего класса усложнялась за счет противоречивого единения позиций «властвующих и подвластных» с коммуникациями «управляющих и управляемых», внесших новые черты доминирования как в механизмы самовоспроизводства этой социальной страты, так и в технологическое обновление механизмов распределения и перераспределения общественных благ и ресурсов. Впоследствии в условиях индустриального и постиндустриального циклов к этим формам правящего меньшинства добавились и деловые контакты «менеджеров и клиентов», расширивших объем правящего

класса и дополнивших иерархические связи новыми формами вертикального взаимодействия.

В Новое время, отметившееся усилением политического влияния массового актора и формированием механизмов социального представительства, были не только скорректированы диспозиции правящего класса, но и возникли новые — собственно элитарные формы его исторического господства. Прежде всего эта форма политического доминирования зафиксировала основную историческую отсечку своего возникновения, а именно системную зависимость верхов от коллективного актора, получившего инструменты оспаривания их позиций на контролируемой государством территории¹. Другими словами, формировавшаяся система социального представительства превратила общественное мнение и различные формы организованной презентации гражданских интересов (в партийной форме или деятельности иных медиаторов) в структурный фактор, не только повлиявший на рекрутирование правящих кругов, но и предполагавший, пусть и нестрогий, но тем не менее гражданский контроль за их деятельностью. Такая ситуация усилила требования к деловому и морально-этическому облику правящих кругов, заставив последних обратить самое пристальное внимание на способности к продуцированию массовых ценностей, способных как утвердить в общественном мнении нужные властям ориентиры развития, так и сохранить доверие к своей деятельности.

Под влиянием этих механизмов складывавшийся тип взаимодействия государства и общества качественно усилил зависимость позиционирования правящего меньшинства от общественного мнения и организованной активности населения как политического актора. Это, в свою очередь, повысило общегражданское содержание деятельности контролируемых правящей элитой институтов власти и управления. Одновременно такая ситуация придала новое значение существовавшему в государстве конфликту институализации и партикуляризации, сохранявшему возможность элиты использовать свои институциональные права не только в общегражданских, но и в частных и корпоративных целях [Каспэ 2008]. Однако именно структурная зависимость правящей элиты от населения превратила институциональный формат

¹ Впрочем, история дает немало, в том числе современных, примеров, когда центры власти пытаются распространять свое легальное доминирование на территории, не находящиеся под их силовым контролем.

ее деятельности в важнейший показатель политического функционала и одновременно исторического облика этой разновидности правящего меньшинства. Именно этот критерий стал определяющим в оценке отношения властей к политической роли населения, выбора направлений распределения общественных ресурсов и, как следствие, восприятия людьми государства как гражданского антрепренера.

Исторический подход к генезису правящего меньшинства противостоит не только нормативным подходам (подчас вызывающим к жизни такие удивительные феномены, как «элитный управленец») [Ефимова 2019: 233], но и попыткам ретроспективного означивания всех форм его существования в качестве элитарных образований [Понеделков 2010: 15–63]. Однако еще важнее, что такие идеи снижают понимание особенностей функционала правящей элиты как таковой. Так, в двух основных вопросах — в сохранении существенной автономности правления (отражающей нетипичность этого слоя в каждом конкретном обществе), а также в контроле за принятием политических решений (демонстрирующих фактический характер распределения и перераспределения общественных благ и ресурсов) — правящие элиты сохраняют преемственность с предыдущими формами доминирования правящего класса. Однако исторический отрезок их собственного существования показывает структурную зависимость господства правящего меньшинства от его взаимоотношений с обществом, признаваемым уже в качестве политического актора, обладающего собственными компетенциями и способностями в плане как самоорганизации, так и осуществления власти. Так что именно в институализированном дуализме власти и общества, представляющих два основных центра политического влияния, и состоит главная особенность элитарного функционала.

Другими словами, в своем историческом измерении собственно элитарный характер правления выражен в формах институционального господства, основанных на взаимной ответственности властвующих и подвластных, управляющих и управляемых, которые в конечном счете ориентируют органы государственной власти и управления на общегражданские интересы, поддержание открытого характера правового регулирования и соблюдение морально-этических норм профессионального администрирования.

В литературе существует немало попыток определения критериев эффективности правления политической элиты. Так, О.В. Леонтьева выделяет собственно политические критерии, отражающие свободу

рекрутирования, наличие консолидирующей идеи, соблюдение базовых политических свобод, отстаивание элитой интересов государства и независимость СМИ; «математические», демонстрирующие показатели доверия населения; соотношение благосостояния населения и высших должностных лиц и т.д.; организационно-правовые, показывающие зависимость зарплаты представителей государственного аппарата от установленных в законодательстве критериев эффективности, открытость сведений об имуществе высших должностных лиц, независимость судебной власти, возможность контроля гражданского общества; а также иные, касающиеся уровня культуры и образования политической элиты и т.д. [Леонтьева 2015].

Показательно, что даже такой формализованный подход фиксирует возможность перехода элиты от аутентичного представителя государства, призванного превратить политические институты из гарантов воплощения интересов общества и соблюдения гражданских прав и интересов, в фактор развертывания всей мощи государственной власти в сторону частных интересов правящего меньшинства.

И это неслучайно, ибо при элитарном правлении существует целый ряд структурных факторов, позволяющих властям вполне автономно реализовывать свои институциональные возможности. Прежде всего это связано с тем, что элиты быстрее и лучше граждан овладевают политическими компетенциями, достаточными для использования государственных институтов в целях продвижения собственных интересов. Другими словами, они лучше используют особенности своего позиционирования по отношению к населению, которое хоть и не лишено возможностей влияния на институты власти, но явно проигрывает в этом отношении правящим кругам. В этом смысле институализация политического господства элиты, дистанцирующей население от центров принятия решений, и поныне остается краеугольным камнем ее доминирования в современном государстве,

Опыт, однако, наглядно показал, что правящие элиты не просто быстрее осваивают необходимые для правления навыки, но и учатся сохранять свое доминирование с учетом использования новых инструментов конструирования властных отношений, одновременно реагируя на новые технологические возможности, которые появляются у населения. В этом контексте власти активно используют технологии управления (конструирования) электорального процесса, активизируют механизмы преэминичества и имитации каналов представительства,

снижения и вытеснения гражданского контроля из публичного поля, создают видимость сотрудничества с гражданским населением и т.д. В то же время гражданское население, политические возможности которого, как правило, кроются в повышении уровня политического сознания и организации коллективной деятельности, как правило, постоянно уступают своим более изобретательным партнерам в использовании потенциала институционального дизайна. И хотя в различных системах власти параметры политической и гражданской активности населения весьма различны, все же у правящей элиты сохраняется устойчивое преимущество в политических компетенциях, которые позволяют ей последовательно снижать ответственность перед населением и осуществлять асимметричное распределение ресурсов.

Еще одно структурное преимущество политических элит состоит в их практически непрекращаемой возможности формулировать государственные интересы и, соответственно, разрабатывать их соответствующие целевые параметры. Как показывает опыт, даже прямые формы фабрикации и имитации целей государственной политики практически не имеют шансов на изменение под влиянием населения. Причем даже легальные формы оспаривания этих целей со стороны граждан, как правило, не имеют никакого кардинального управленческого значения. При этом информационно-символическое сопровождение элитарных проектов не позволяет отношениям государства и общества достигать критических значений, способных спровоцировать воспламенение массовой протестной активности. Неудивительно, что при отсутствии серьезных шансов населения на масштабную диссиминацию низовых политических символов (демонстрирующих интересы населения и их политические позиции, надежды на будущее, протесты и конфликты идентификации, и т.д.), идейно-образные формы правления не только усиливают манипуляцию массовым сознанием¹, но и подчас создают предпосылки для вырождения элитарного слоя².

¹ Ряд авторитарных государств достигают в этом вопросе буквально космических высот. Например, северо-корейские СМИ постоянно уверяют читателей не только в воплощении в своей стране светлого будущего, но и подтверждают это успехами отечественных спортсменов, которые якобы постоянно выигрывают Олимпийские игры и другие крупные международные турниры.

² Так, в начале XX в. в аристократических кругах европейских стран элиты для укрепления морального духа властвующей корпорации и достижения

Неудивительно поэтому, что опыт последнего столетия дает постоянные примеры деинституализации правящей элиты, проявляющейся в разрушении ее исторически заданных параметров. Предпосылками этого процесса можно считать ориентацию представительных органов власти на преимущественную (абсолютную) поддержку правящей политической силы, увеличение административных барьеров в системе государственного управления, повышение централизации власти и усиление политико-административного контроллинга (особенно в условиях автократий), снижение эффективности представительных механизмов, ограничение политической роли оппозиции, демонстрирующей несанкционированные формы активности, распространение патрон-клиентской этики в аппарате госслужбы и т.д.

Современные стадии элитогенеза показали, что даже в странах западной демократии этот процесс неразрывно связан с углублением социально-экономического неравенства элитарных и неэлитарных слоев (что, впрочем, не означает отсутствие там экономического роста). Институты исполнительной власти сохраняют едва ли ни предельную дистанцию от непосредственных интересов граждан. Ну а межпартийная конкуренция и общественные движения, активность парламентов и парламентские расследования, деятельность структур гражданского общества и проведение систематических выборов, краудсорсинг и современные формы гражданского активизма способны лишь частично ограничить возможности элитарных группировок по распоряжению общественными ресурсами. Принятие же ключевых политических решений, оказывающих принципиальное влияние на социальные возможности населения, и во все исключают участие общественных сил. Одним словом, активность и участие общественности не способствуют ни развитию государственных институтов, ни корректировке их стиля решения общественных проблем [Xu et al. 2016]. В то же время внутри элитарная конкуренция, не только обуславливает постоянные межинституциональные трения (сказывающиеся на рациональном формате функционирования органов власти и управления), но и способствуют массовому формированию субститутов и деградации моральных принципов в зоне правления.

успеха в борьбе с соперниками власти нередко апеллировали к ценностям спиритуализма. Сегодня же кризисные обстоятельства отдельных режимов в ряде случаев побуждают представителей правящей элиты обращаться к языческим обрядам вроде шаманизма и сатанизма.

Ранними симптомами снижения элитой своих исторических кондиций следует считать усиление недоверия граждан к фигурам и институтам власти, ограничение субъектности государственно-общественных институтов (парламентов, легислатур), дефицит легитимной поддержки и расширение механизмов самолегитимации власти, отсутствие обратной связи и широкое распространение деструктивных образов государственных институтов, дискредитацию и некомпетентность управляющих. Более зрелая степень обрушения элитой своих статусных характеристик проявляется в ее институциональном полураспаде в виде открытой политизации судебной системы и произвольном правоприменении, создании законодательных оснований для легализации казнокрадства и коррупционных практик, качественном расширении масштабов партикулярно-корпоративного распределения и перераспределения общественных ресурсов, доминировании в госаппарате ценностей патрон-клиентской этики, перерастании ренто-ориентированной активности и дискреционных полномочий бюрократии в устойчивые формы коррупции и теневых отношений, государственном рейдерстве и других фактах подобного рода. Вытеснение норм профессиональной этики из системы государственного управления, а равно создание искусственной конфигурации публичной политики ведут к постепенному, но неуклонному исчерпанию органами исполнительной и представительной власти общегражданской направленности своих действий.

В конечном счете суммарный эффект изменений подобного рода ведет к трансформации функционала органов власти и управления, позволяя элите рассматривать свой суверенитет как условие пренебрежения законами и даже использования военной силы в качестве своих личных инструментов (М. Вебер). Тем самым приоритет государственных институтов превращается в набор инструментов, используемых на основе «личного усмотрения» правителей [Linz, Stepan 1996], что в итоге предполагает неизбежное установление диктатуры, уничтожающей зависимость власти от населения и ликвидирующей политические и гражданские права населения.

И хотя практика показывает, что в рамках республиканского правления трудно достичь политического единения государства и общества (с эффективными механизмами социального представительства, гражданского контроля и взаимным уважением сторон), все же во многих государствах (в том числе в рамках переходных процессов и последо-

вательной демократизации) существует немало примеров, демонстрирующих либо аутентичный функционал элитарного правления, либо его частичное или полное восстановление¹.

Обобщая эти весьма разнородные факты, а также учитывая, что процессы деинституализации правящей элиты, как правило, носят национальный характер (касаясь как правления в целом, так и отдельных группировок правящего меньшинства), можно с уверенностью говорить о том, что историческая логика функционирования элитарной формы правления располагается в рамках трех базовых стадий: *институализации* — *деинституализации* и *реинституализации*. В этом плане каждая современная полития дает собственные примеры характерной для нее стадии элитогенеза (в том числе с учетом морально-этической оснащенности правящего слоя). Однако в реальном политическом пространстве элитарное правление, соответствующее своей исторической природе, проявляется лишь время от времени, по сути, копируя точно такой же «мерцающий» характер своего функционала, который демонстрирует государство, действующее в качестве общегражданского антрепренера [Tilly 1985].

ДЕИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современном Российском государстве также проявляются различные грани этой триады элитарного правления. В целом системный характер современной власти чаще описывается через концепты «ручного управления», «кликократии», «популистского варианта авторитаризма», «суперпрезидентализма», «институциональной коррупции», «сетевого» и других оттенков господства, отражающих деформации институционального доминирования элиты. Вместе с тем в научном пространстве по-прежнему распространены нормативные трактовки правящего режима и политической элиты, что выражается в широком

¹ В то же время следует подчеркнуть особый формат деинституализации и реинституализации, который складывается у элитарных группировок, действующих в межрегиональном или транснациональном пространстве, где их политические функции определяются интересами зарубежных центров силы (включая криминальные сообщества), тайными союзами и сделками крупных мировых игроков.

дискурсе о неизбежной «демократизации российского общества», требованиях неукоснительной ориентации управленцев на этические нормы политической ответственности перед обществом или же оправдания злоупотреблений «благонамеренных автократов» кризисными условиями. И что в последнем случае не исключает их превращения даже в «креативную элиту».

На фоне этих благонамеренных пожеланий нельзя не поддержать подход В. Гельмана, который вслед за Б. де Мескита определяет сложившуюся в стране форму власти не как дефектную систему, отклоняющуюся от лучших практик демократического правления, а как вполне сформировавшееся средство «удержания и сохранения власти и экономического господства в руках правящих групп», как особый и устойчивый «механизм управления страной» (в виде специфического проявления «недостойного правления») [Гельман 2019: 12]. В нашем случае данный подход обретает особую ценность еще и потому, что обращает внимание как на внутреннюю диверсификацию правящей элиты (первые отмеченную Миллсом в 1960-х годах), так и на то, что в постсоветское время «строительство новых институтов» происходило именно в интересах этих сегментов правящего меньшинства [Гельман 2019: 13]. Собственно, этот институциональный дизайн и укрепил ту систему правления, которая воплотила рациональную стратегию «правлящих групп, направленную на максимизацию власти и господства» и предполагающую протяжение «максимально доступного для них... времени» политического доминирования [Гельман 2019: 12]. Думается, к этим оценкам стоит добавить лишь то, что наиболее влиятельными группировками в «выигрышных коалициях», доминирующих при принятии решений, являются латентные, неформальные сообщества правящего класса.

Именно сетевые коалиции, рассосредоточенные как в рамках, так и за рамками официальной иерархии, оказывают существеннейшее, а временами и решающее влияние на формирование повестки дня, согласование частных и групповых интересов, политическую оценку реализованных целей и другие аспекты принятия государственных решений [Baumgartner 2013; Culpepper 2011]. Формируя «переплетенные институты» и сложную констелляцию (ассамбляж) постоянных и временных акторов принятия государственных решений, эти неформальные игроки создают невидимую структуру государственной власти, постоянно меняющую конфигурацию межинституциональных комму-

никаций и нарушающую формальное «институциональное равновесие» (Дж. Найт). Благодаря скрытой форме своего доминирования правящие элиты могут не только противодействовать коллективным формам оспаривания власти или оценивания общественных проблем, но и предавать неудобные для себя вопросы «политически обеспечиваемому забвению» [Crenson 1971: 184].

Отечественный опыт государственного развития убедительно подтверждает растущую мощь неформальных коалиций правящего класса, не только формирующих в пространстве власти широкий круг субститутов (гибридных, ложных, институтов-«пустышек»), но и провоцирующих логику последовательного создания параллельного официальному дизайну «второго ядра государственного управления» [Соловьев 2021], выносящее принятие решений за рамки обязательств статусной политической элиты.

Преимущественное влияние сетевых коалиций, использующих эффективные схемы влияния на центры принятия решений, заставляет со скепсисом относиться к идее «коллаборативной демократии» [Полтерович 2021], демонстрирующей традиционную рамку рассуждений о якобы неизбежных перспективах воплощения демократических коммуникаций государства и общества. Однако практика показывает, что нынешняя форма республиканского правления в России неспособна ни повысить участие граждан в разработке решений, ни обеспечить приверженность аппарата моральным принципам госслужбы. Скорее наоборот. Опыт показал, что реальный механизм принятия решений в лучшем случае показывает склонность отдельных сегментов элиты не к соучастию с обществом, а к пониманию его интересов. Но не более того.

Другими словами, последовательная деинституализация правящей элиты в российском обществе явилась продуктом сознательного проектирования властными группировками базовых оснований своего политического господства. Эта стратегия доминирования, пусть и с разным успехом, но вполне последовательно разрушала дискурсивные формы публичной политики и предписанные элитам правовые формы регулирования общественных отношений, насаждая принципы патрон-клиентской этики (как своей цивилизационной пан-идеи) и приучая людей к неинституциональным формам обретения ресурсов даже там, где они были доступны в легальной форме [Ledeneva 2013]. Иначе говоря, политическое и этическое давление этих сетевых сообществ

распространилось на все сегменты общественной жизни, растлевая сознание граждан и деформируя даже их микроскопические коммуникации с властью.

Новейшая политическая история страны позволяет даже увидеть некую цикличность в динамике правящих элит в позднее советское и постсоветское время, выраженную в последовательной смене элитарных группировок, играющих решающую роль в процессе распределения общественных благ и ресурсов. Так, в сталинские времена внешне приглушенная внутренняя конкуренция правящих группировок проходила при широком использовании силовых методов подавления и уничтожения соперников, в условиях систематических чисток госаппарата (показательно, что похожие факты мы можем наблюдать и в сегодняшних условиях), что усилило возможности монопольной коалиции внутри правящей элиты. В условиях господства партийно-хозяйственной номенклатуры в годы застоя ведущая роль принадлежала представителям высшей партийно-государственной прослойки. На стадии окончательного разложения советского строя стала укрепляться роль коалиции, связанной с создаваемыми за рубежом коммерческими структурами, аккумулировавшими пресловутое «золото партии». После ухода коммунистов архитектура распределения общественных благ и ресурсов складывалась уже под влиянием картельных группировок, капитализировавших в своих интересах государственные активы и практически колонизировавших высшие центры принятия решений. Причем политический вес этих группировок позволял определенным кругам даже экспериментировать с изменением конституционных оснований политического порядка (в частности, в 1990-е годы разрабатывался проект установления в стране конституционной монархии) [Дука 2017]. Начало «нулевых» возвестило уход с политической арены лидировавших «олигархических группировок» и знаменовало выход на сцену новых «выигрышных коалиций» (по мнению большинства аналитиков, в основном представлявших финансово-экономические интересы руководителей спецслужб).

Как можно видеть, в последние десятилетия (охватившие различные режимы правления и даже политические системы) на старые схемы взаимоотношений и лидерства «выигрышных коалиций» политической элиты неизбежно и последовательно накладывались формы доминирования новых победителей, создававших собственные траектории распределения ресурсов, но при этом сохранявших в неприкосновенности

принцип корпоративно-партикулярной эксплуатации и колонизации государственных институтов.

Незамкнутость этого цикла корпоративно-партикулярного правления показывает, что обрушение позиций ранее доминировавших «выигрышных коалиций» неизбежно меняется на главенство других неформальных коалиций, до этого находящихся в шаговой доступности от центров принятия решения. В этой связи, думается, имеет смысл подчеркнуть, что глубина диспозиций таких околоставных группировок правящего класса служит предупреждением и сигналом о безуспешности любых революционных преобразований. В любом случае следует иметь в виду, что собственно экономические результаты правления при групповой конструкции политического доминирования не оказывают принципиального влияния на цикличность смены таких элитарных сообществ, а ужесточение методов госрегулирования не сопрягается с эффективным характером выполнения планов, сохраняя в неприкосновенности декларативность правления и асимметричное распределение ресурсов. В то же время сам факт чередования фаз группового доминирования позволил ряду ученых констатировать, что сложившиеся в стране формы элитарного правления, обуславливавшие «гегемонию и рост перераспределительных коалиций, нацеленных на борьбу за большую долю общественного продукта», ведут к «деэволюции социального порядка», «уменьшению общественного благосостояния и увеличению политических противоречий» [Павроз 2022: 35].

В целом деинституализация российской элиты в новейшей политической истории осуществлялась в рамках, условно говоря, двойного формата: с одной стороны, за счет укрепления административных барьеров по отношению к гражданскому населению, а с другой — устранения ограничений для неформальных контактов центров принятия решений с влиятельными политическими инвесторами. Такие процессы, по сути, породили внутренний раскол правящей элиты, с одной стороны, демонстрирующий образование слоя «одноразовой элиты», которая вынуждена поддерживать общение с населением и символизировать ответственность правящего слоя (оправдывая, к примеру, непопулярные правительственные решения, к которым они зачастую не имеют никакого отношения), а с другой — выделение смешанной (состоящей из государственных и негосударственных акторов) группы лиц, которые «реально правят» без какой-либо потребности в поддержании контактов с обществом и даже с низко статусными кругами правящего класса.

Одним словом, групповая и сетевая система господства правящей элиты, предпочитающей договорные и неформальные нормы принятия решений, разрушает как институциональные формы правления, так и принципы политической конкуренции. Это превращает первых лиц государства в арбитров между разноликими центрами влияния, до крайности минимизируя их роль как руководителей, призванных проектировать стратегические цели управления развитием общества. Понятно и то, что в теоретическом описании такого административно-политического и властно-управленческого порядка рассмотрение деятельности правящей элиты уже не требует использования классических параметров взаимосвязи «управляемые — управляющие».

Обобщая вышесказанное, не будет преувеличением констатировать, что главным фактором деинституализации правящей элиты в современной России следует считать закрытый от общества характер процесс принятия государственных решений. Именно здесь набирают силу и влияние, способное подчинить институты государства, неформальные коалиции правящего класса, которым не хватает места в институциональном дизайне и которые эффективно конструируют «недекларируемое целеполагание» (А. Коньков). И поскольку официальные власти систематически снижают нормативный контроль за этой ареной власти, политическое и символическое влияние «невидимых элит» на все иные сферы правления и контроля обретает поистине масштабный и всепроникающий характер.

Выстраиваемая с помощью неформальных коалиций внутри элитарная конкуренция не только способствует негативной селекции правящего слоя, но и укрепляет управленческие приоритеты правящей элиты с общегражданских на корпоративные цели. В политическом отношении, видимо, можно с уверенностью говорить о том, что блокирующий эффект институтов по отношению к населению привел не только к окончательному обрушению демократической перспективы, но и к практическому исчерпанию их общегражданского содержания и даже вытеснению норм политического компромисса за рамки публичного пространства. При этом власти продолжают активно использовать институционально-имитационные формы властвования (партии-спойлеры, гонги и квонги и т.д.) и инструменты виртуальной дополненной реальности, снижающие политическую волю населения. По сути, такая политика направлена на превращение коллективного актора в массу, где не существует внутренних различий и позиций, кроме легитими-

рующих созданный властями порядок. На этом фоне органы государственной власти и управления вовлекаются в непрерывную череду межинституциональных войн за наращивание бюджета, расширение привилегий, снижение ответственности и другие чиновничьи ценности, напроць перекрывающих заботу об интересах населения.

Экономические последствия такого элитарного правления не менее драматичны, ибо доминирование «выигрышных коалиций» предопределяет главенство внеинституциональных отношений, приоритет интересов аффилированных с властью слоев населения и привилегированных групп, получение ими дополнительных ресурсов за счет основной части населения. Неслучайно за последние двадцать лет во многих областях жизни (связанных с ростом уровня жизни населения и преодолением бедности, предотвращением избыточной смертности, качеством здравоохранения и другими сферами повседневной человеческой жизни) ситуация не получила какого-либо положительного сдвига или же осталась на прежнем уровне. И даже методы жестко централизованного, императивного регулирования не могут выправить ситуацию. Западные санкции, в значительной степени обуславливающие перспективы длительной экономической рецессии, по-своему сигнализируют об усугублении издержек сложившейся системы правления. Причем военный конфликт с Украиной и поддерживающими ее государствами при сохраняющейся архитектуре власти и усилении военизированных черт экономики провоцирует риски достаточно быстрого истощения материальных и финансовых ресурсов. Истощения, которое не исключает резкого повышения политической неопределенности и острого кризиса власти. Все эти факты позволяют говорить, что нынешняя стадия элитарного правления уже перешагнула границу своего институционального полураспада, продолжая движение к полному исчерпанию правящей элитой своего гражданского функционала.

Могут ли в условиях нынешнего геополитического кризиса быть инициированы процессы реинституализации правящей политической элиты? Время покажет. Однако, учитывая, что нынешний институциональный дизайн не только слабо репрезентативен гражданским интересам, но и предполагает, мягко говоря, сокращенный вариант применения нормативно-правовых инструментов в деятельности правящей элиты, можно предположить сохранение сложившейся ситуации в среднесрочном горизонте. Причем факторами пролонгации деинституционального формата правления можно считать не только микро-

групповые основания межэлитарной конкуренции или усиление политико-административного контроля и централизацию власти. Нельзя сбрасывать со счетов и общественно-политическую пассивность общества, значительная часть которого вполне удовлетворена транслируемой властями символической картиной происходящего.

Литература

Бардаков А.И. Власть в формах организации жизнедеятельности общества: автореф. дис. ... д-ра полит. наук, Волгоград, 2007.

Гельман В.Я. Недостойное правление. Политика в современной России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 255 с.

Дука А.В. Монархический соблазн российской элиты // Власть и элиты. Т. 4 / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 256–337. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.8>. EDN: XYBNXV.

Ефимова Е.В. Перспективные способности и качества российской политической элиты XXI в. // Вестник Пятигорского университета. 2019. № 1. С. 233–236. EDN: LTYHGZ.

Каснэ С.В. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 318 с.

Леонтьева О.В. Политика и право. Критерии качества и эффективности политической элиты. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (дата обращения: 19.11.2022).

Павроз А.В. Группы интересов в политическом процессе: новейшие тенденции взаимодействия государства и российского общества // Трансформации публичной политики в современной России / под ред. В.И. Радикова. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 22–41. EDN: OBPQTY.

Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52–72. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>. EDN: KTMFFO.

Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д.: СКАГС, 2010. 509 с. EDN: QOLZNE.

Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Аспект пресс, 2021. 253 с.

Baumgartner F.R. Ideas and policy change // Governance. 2013. Vol. 26, no. 2. P. 239–258. <https://doi.org/10.1111/gove.12007>.

Crenson M. A. The Un-politics of Air Pollution: A Study of Non-Decisionmaking in the Cities. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971. 227 p.

Culpepper P.D. Quiet Politics and Business Power: Corporate Control in Europe and Japan. New York: Cambridge University Press, 2011. 220 p.

Ledeneva A. V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 314 p.

Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 479 p.

Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back / ed. by P.B. Evans, D. Rueschmeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–191.

Xu J., Wang Z., Shen F., Ouyang C., Tu Y. Natural disasters and social conflict: A systematic literature review // The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR). 2016. Vol. 17, no. 2. P. 38–48. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2016.04.001>.

DEINSTITUTIONALIZATION OF THE RULING POLITICAL ELITE. IN SEARCH OF A THEORETICAL MODEL

A.I. Solovyev

(solovyev@spa.msu.ru)

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

Citation: Solovyev A. Deinstitutionalization of the ruling political elite: in search of a theoretical model. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 37–55. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.2>

Abstract. *The historical logic of the development of the ruling minority reflects a number of phases and stages in its multifaceted evolution. As shown in the article, one of such historical stages is the formation of elite strata that demonstrated new facets of political domination within the framework of the state system that has been formed since Modern times. In turn, the historical experience of elitogenesis has demonstrated three main forms of political hegemony of this corps of the ruling minority — institutionalization, deinstitutionalization and reinstitutionalization. Each of them marks a special style of the use of power and management, ultimately reflecting the nature of the interaction between the state and society. In the context of this theoretical approach, the specific features of the deinstitutionalization of the ruling elite in modern Russian society are revealed, the forms of interaction of the upper classes with the civilian population typical of this state are described, forecasts are made regarding the prospects of preservation.*

Keywords: *power, politics, governance, ruling minority, ruling elite, citizens' society, informal associations of the ruling class, redistributive coalitions.*

References

- Bardakov A.I. *Vlast` v formax organizacii zhiznedeyatel`nosti obshhestva. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch.stepeni doktora politicheskix nauk* [Power in the forms of organization of the life of society]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch. stepeni doktora politicheskix nauk [Abstract of the dissertation for the degree of doctor of political sciences]. Volgograd, 2007 (In Russian)
- Baumgartner F. R. Ideas and policy change, *Governance*, 2013, 26 (2), pp. 239–258. <https://doi.org/10.1111/gove.12007>.
- Crenson M.A. *The Un-politics of Air Pollution: A Study of Non-Decisionmaking in the Cities*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971. 227 p.
- Culpepper P.D. *Quiet Politics and Business Power: Corporate Control in Europe and Japan*. New York: Cambridge University Press, 2011. 220 p.
- Gel`man V.Ya. *Nedostojnoe pravlenie. Politika v sovremennoj Rossii* [Bad Governance: Politics in Modern Russia]. St Petersburg: Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 255 p. (In Russian)
- Duka A.V. Monarxicheskij soblazn rossijskoj e`lity` [The monarchical temptation of the Russian elite]. In: *Vlast` i elity* [Power and Elites]. Vol. 4. Ed. by A.V. Duka. St Petersburg: Intersocis, 2017 pp. 256–337. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.8>. EDN: XYBNXV. (In Russian)
- Efimova E.V. Perspektivny`e sposobnosti i kachestva rossijskoj politicheskoy e`lity` XXI v. [Perspective abilities and qualities of the Russian political elite of the XXI century], *Vestnik Pyatigorskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk University], 2019, 1, pp. 233–236. EDN: LTYHGZ. (In Russian)
- Kaspe` S.V. *Centry` i ierarxii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskix issledovanij, 2008. 318 p. (In Russian)
- Ledeneva A.V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 314 p.
- Leont`eva O.V. *Politika i pravo. Kriterii kachestva i effektivnosti politicheskoy elity* [Politics and law. Criteria for the quality and effectiveness of the political elite.]. Available at: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4899:2015-12-03-05-54-15&catid=230:2013-03-28-11-33-12 (accessed: 19.11.2022). (In Russian)
- Linz J., Stepan A. *Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 479 p.

Pavroz A.V. Gruppy` interesov v politicheskom processe: novejshie tendencii vzaimodejstviya gosudarstva i rossijskogo obshhestva [Interest groups in the political process: the latest trends in interaction between the state and Russian society]. In: *Transformacii publichnoj politiki v sovremennoj Rossii* [Transformations of public policy in modern Russia]. Ed. by V.I. Radikov. Moscow: RUSAJNS, 2022, pp. 22–41. EDN: OBPQTY. (In Russian)

Polterovich V.M. Krizis institutov politicheskoj konkurencii, internet i kollaborativnaya demokratiya [The Crisis of the Institutions of Political Competition, the Internet and Collaborative Democracy]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2021, 1, pp. 52–72. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>. EDN: KTMFFO. (In Russian).

Ponedelkov A.V. *Politicheskaya nauka v elitologicheskom izmerenii* [Political science in the elitist dimension]. Rostov na Donu: SKAGS, 2010. 509 p. EDN: QOLZNF. (In Russian)

Solov`ev A.I. *Politika i upravlenie gosudarstvom. Ocherki teorii i metodologii* [Politics and government. Essays on theory and methodology]. Moscow: Aspekt press, 2021. 253 p. (In Russian)

Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime. In: *Bringing the State Back*. Ed. by P.B. Evans, D. Rueschmeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 169–191.

Xu J., Wang Z., Shen F., Ouyang C., Tu Y. Natural disasters and social conflict: A systematic literature review, *The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR)*, 2016, 17 (2), pp. 38–48. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2016.04.001>.

ЭЛИТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МИНИСТЕРСТВ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРА

Д.Б. Тев

(denis_tev@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники федеральных экономических министерств России: основные каналы рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 56–93

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.3>

Аннотация. *Анализируются каналы рекрутирования и карьера высокопоставленных чиновников министерств экономического блока правительства РФ. Эмпирическую основу исследования составила биографическая база данных 225 заместителей министров и директоров департаментов восьми министерств. Исследование показало, что бюрократическая профессионализация — наиболее выраженная характеристика карьеры чиновников. Основной канал их рекрутирования — федеральная администрация, причем подавляющее большинство перед вхождением в нынешнюю должность уже некоторое время работали в своем министерстве. Эти тенденции могут свидетельствовать о значимости меритократического отбора, основанного на компетентности. Вместе с тем классических бюрократов с чисто административной карьерой, особенно проведенной в одном министерстве, явное меньшинство. Присутствует межведомственная мобильность, а наибольшее распространение получили смешанные карьеры, в которых административный опыт сочетается с небюрократической занятостью. Самым важным, хотя в основном косвенным, источником внешнего рекрутирования чиновников являются коммерческие организации, причем особенно существенна роль крупных государственных*

компаний, принадлежащих к отраслям, курируемым министерствами. При этом опыт работы в бизнесе обнаруживается чаще, а непосредственное внутриведомственное рекрутирование реже на высшем уровне административной иерархии. Заметны и различия между министерствами. В частности, выделяются министерства с наиболее бюрократизированными карьерами и особенно важной ролью внутриведомственного опыта и министерства с наиболее выраженными плутократическим рекрутированием. Наконец, в ряде министерств заметно присутствие пересечений между министрами и их подчиненными в карьере, предшествующей нынешней должности, что может говорить о значимости патримониального рекрутирования чиновников, основанного на личной преданности и патрон-клиентских отношениях.

Ключевые слова: министерства, чиновники, каналы рекрутирования, карьера, администрация, бизнес.

ВВЕДЕНИЕ

Значимость изучения каналов рекрутирования и карьеры федеральной административной элиты вообще и высокопоставленных чиновников экономических министерств в частности определяется рядом обстоятельств. Во-первых, такое исследование способствует прояснению критериев отбора чиновников (например, является ли он меритократическим, когда ведущую роль играет компетентность, или, напротив, основан на личных связях) и в связи с этим типа бюрократии и гражданской службы (в частности, является ли она классической «веберовской», технократической или патримониальной). Во-вторых, такой анализ дает возможность лучше понять структуру социальной и политической власти, лежащую в основе элитного рекрутирования, в частности характер взаимоотношений различных властных институтов и акторов (исполнительных и представительных органов, центральной и региональной власти, государства и бизнеса и пр.). Карьерные переходы властных персон могут служить формой проявления и способом закрепления этих отношений. В-третьих, особенности социально-профессионального происхождения, рекрутирования и карьеры чиновников заслуживают внимания еще и потому, что могут выступать фактором, который дифференцирует их ценности, аттитюды и поведение [Edinger, Searing 1967] и в связи с этим влияет на характер и результаты деятельности государства, в том числе в экономической сфере. Например, сверхпредставленность среди административной элиты выходцев

из определенных социально-экономических групп может обуславливать склонность чиновников к привилегированному учету их интересов в государственной политике при игнорировании требований других категорий. Кроме того, как показано в литературе [Evans, Rauch 1999], такие характеристики «веберовской» бюрократии, прежде всего чиновников ключевых экономических ведомств, как меритократическое рекрутирование (в отличие от отбора, основанного на патронаже), внутреннее продвижение и стабильность карьеры, могут, способствуя ее компетентности, согласованности и несклонности к коррупции, позитивно влиять на эффективность государства в содействии экономическому развитию и в связи с этим на темпы роста (хотя выводы исследователей на этот счет неоднозначны, см.: [Evans, Rauch 2000; Cho, Im, Porumbescu, Lee, Park 2013; Cornell, Knutsen, Teorell 2020]).

Наиболее систематически изучены каналы рекрутирования и карьеры административной элиты, включая чиновников экономических ведомств, развитых капиталистических стран, причем исследования выявили существенные межстрановые различия. В частности, такие государства, как Италия и Япония, наиболее приближаются к закрытому, гильдейскому типу рекрутирования высокопоставленных чиновников [Koh 1979: 288–289; Aberbach, Putnam, Rockman 1981: 70–72; Cassese 1999; Schmidt 2005; Lewanski, Toth 2011: 222–224]. Приток в ряды министерской бюрократии извне, например из бизнеса и политики, очень слаб, межведомственная мобильность сравнительно низкая, распространена пожизненная занятость в одном министерстве. Это, в частности, характерно и для экономических ведомств, например для Министерства финансов и Министерства внешней торговли и промышленности Японии, чиновники которых крайне редко имели предшествующую постоянную небюрократическую занятость, обычно работая в них с момента окончания университета [Kubota 1969: 92–94; Brown 1999: 24]. В США, напротив, хотя карьерная гражданская служба и получила значительное развитие и многие высокопоставленные чиновники рекрутируются непосредственно из федеральных органов исполнительной власти, внешнее рекрутирование административной элиты широко распространено [Mann 1964; Martin, 1991; Etzion, Davis 2008]. Частный сектор (бизнес, юридические фирмы, академическая сфера) выступает важным (в том числе непосредственным) источником пополнения высшего чиновничества, при этом из законодательной власти приходит лишь небольшая его доля. Рекрутирование чиновников из бизнеса

особенно характерно для экономических министерств США, таких как Министерство финансов и Министерство торговли [Mann, Smith 1981: 222–224]. Наконец, в таких странах, как Великобритания и Германия, среди высокопоставленных чиновников существенно распространена занятость вне административной сферы и госсектора на ранних стадиях карьеры, но более или менее непосредственный приток извне (в частности, из бизнеса) на высшие административные должности редок [Harris, Garcia 1966; Derlien 1988; Theakston, Fry 1989]. При этом межведомственная мобильность довольно велика и имеет тенденцию к росту. Впрочем, в последние десятилетия (в связи с реформами гражданской службы в рамках парадигмы нового государственного менеджмента) в этих странах (как и в других европейских государствах) растет также межсекторная мобильность и внешнее рекрутирование на административные посты, в том числе из частного сектора, тогда как доля чиновников с непрерывными административными карьерами падает [Derlien 2003: 407–408; Greer, Jarman 2011: 25–29; Van Thiel, Steijn, Allix 2007: 96–97; Goetz 2011: 54; Talbot 2014: 746, 748].

Что касается России, то существует ряд работ, в которых в той или иной степени анализируются источники рекрутирования и карьера руководства федеральных министерств, включая экономические [Huskey 2010; Ogushi 2010; Тев 2016; Fortescue 2020; Крыштановская 2020]. Показано, что административные органы, прежде всего федеральные, являются важнейшим каналом его рекрутирования, причем заметное меньшинство чиновников провели всю или большую часть карьеры в одном министерстве (такие внутриведомственные карьеры, по данным Ю. Хаски, например, были сильно распространены в министерствах сельского хозяйства и транспорта) [Huskey 2010: 364]. В целом «веберовские» карьерные бюрократы — один из основных типов высокопоставленных чиновников, но их представленность варьируется среди министерств (например, обнаружено их преобладание в Минфине [Борщевский 2018: 92]). При этом за пределами административной сферы важнейшим, но скорее косвенным, источником руководящих кадров министерств является бизнес. Выходцы из коммерческой сферы, прежде всего из подведомственных отраслей, один из распространенных типов ключевых чиновников экономических министерств. В свою очередь, органы представительной власти вообще и федеральный парламент в частности играют слабую роль в качестве источника рекрутирования руководства министерств. Также выявлено, что существенное,

хотя и не широкое распространение получили пересечения между министрами и подчиненными им чиновниками в карьере, предшествующей назначению на должность, что может свидетельствовать об определенной роли личных связей в отборе кадров [Fortescue 2020].

Эти исследования, безусловно, улучшили наше понимание рассматриваемой темы, однако следует отметить, что ни одно из них не было посвящено специально министерствам экономического блока правительства, но включало и иные федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ). Представляется целесообразным провести отдельное исследование именно экономических министерств, в рамках которого возможно более подробно проанализировать основные тенденции и факторы рекрутирования и карьеры их руководителей и выполнить сравнительный анализ чиновников, принадлежащих к различным министерствам и бюрократическим стратам.

ДАННЫЕ И МЕТОД

Объектом исследования стали высокопоставленные чиновники экономических министерств правительства РФ. В научной литературе и СМИ встречаются различные взгляды на то, какие министерства относятся к экономическому блоку (одну из типологий министерств, частично использованную в исследовании, см.: [Shevchenko 2005: 412]). В нашем исследовании к нему были отнесены восемь министерств, в сферу ответственности которых входят вопросы, связанные с экономикой и обеспечением функционирования ее отраслей: Министерство экономического развития (Минэкономразвития), Министерство финансов (Минфин), Министерство промышленности и торговли (Минпромторг), Министерство сельского хозяйства (Минсельхоз), Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства (Минстрой), Министерство транспорта (Минтранс), Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры), Министерство энергетики (Минэнерго). В составе министерств в исследуемую совокупность включены персоны, занимающие должности (а также, в нескольких случаях, исполняющие обязанности) заместителей министра (ЗМ) и директоров департаментов (ДД), которые относятся к высшей группе должностей категории «руководители» [Указ Президента... 2005]. Таблица 1 показывает параметры исследуемой совокупности, которая исчерпывает генеральную совокупность.

Таблица 1

**Количественные характеристики
исследуемой совокупности, чел.**

Министерство	ЗМ	ДД	Всего
Минэкономики	11	37	48
Минфин	10	29	39
Минпромторг	10	27	37
Минсельхоз	8	18	26
Минстрой	5	9	14
Минтранс	8	14	22
Минцифры	9	15	24
Минэнерго	5	10	15
Всего	66	159	225

На каждого чиновника заполнена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию обо всем его карьерном пути до вхождения в нынешнюю должность. Данные о руководстве семи министерств собирались по состоянию на конец февраля — начало марта 2021 г., а о руководителях Минэнерго, которое было в процессе реорганизации, — по состоянию на конец марта 2021 г., когда на его официальном сайте были размещены соответствующие сведения. Источниками информации служили сайты органов государственной власти, коммерческих организаций, бюджетных учреждений и иных структур, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (такие как viperson.ru, lobbying.ru).

КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЧИНОВНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МИНИСТЕРСТВ

В таблице 2 показаны каналы рекрутирования высокопоставленных чиновников экономических министерств.

Как видим, органы представительной власти, в частности Федеральное Собрание, играют в этом плане незначительную роль. Лишь в некоторых министерствах есть персоны с парламентским опытом (например, бывшие член СФ В.Л. Евтухов и депутат ГД Т.Г. Нестеренко являются заместителями соответственно министра промышленности

Таблица 2

Каналы рекрутирования ключевых чиновников экономических министерств, в %

Институциональный канал	Наличие опыта работы (N=225)	Должность		
		Предпредшествующая нынешней должности (N=211)	Предшествующая нынешней должности (N=223)	Предшествующая первой элитной должности в ФА (N=222)
Постсоветские административные органы	89	64	83	73
Коммерческие организации*	64	25	10	16
Научно-образовательные учреждения	21	2	5	4
Постсоветские представительные органы	2	~0	0	1

*Здесь и далее без учета чиновников, входивших по должности в советы директоров компаний.

и торговли и министра финансов). Примечательно, что и среди самих министров нет ни одного с парламентским опытом, что в общем неудивительно, учитывая, что в условиях существующего в России персоналистского режима федеральный парламент — слабый, во многом декоративный орган, полностью подконтрольный главе государства и подотчетность ему исполнительной власти фактически отсутствует. Кроме того, логика функционирования представительных и административных органов и соответственно компетенции, необходимые для успешной работы в них, существенно различаются, что, вероятно, также ограничивает востребованность парламентариев в аппарате министерств.

Из таблицы 2 также видно, что заметную, хотя и довольно скромную роль в качестве источника рекрутирования чиновников играет научно-

образовательная сфера. В экономических министерствах может быть востребована компетентность, приобретенная в профильных для них вузах и НИИ, которые нередко тесно взаимодействуют с административными органами (в частности, в рамках консультативных и экспертных советов) и даже подведомственны им, что также может способствовать обмену кадрами. Таблица 2 показывает, что примерно каждый пятый чиновник имеет опыт работы в учреждениях науки и образования, причем доля таких персон почти одинакова среди ЗМ и ДД. Однако непосредственно из этой сферы пришли очень немногие (не более 5 %), причем, как правило, перед назначением они совмещали работу в ней с административной карьерой. Наиболее востребованы такие кадры в министерствах экономического развития и финансов, где около трети чиновников имеют соответствующий опыт (редким примером чиновника, который большую часть своей карьеры провел в научно-образовательной сфере, является заместитель министра финансов П.А. Кадочников, занимавший, в частности, пост проректора Всероссийской академии внешней торговли). Причем в Минфине непосредственно из этой сферы пришел каждый восьмой руководитель, тогда как в Минстрое и Минэнерго таких прямых выходцев вообще нет.

Как видим из таблицы 2, наиболее распространен среди чиновников опыт работы в административных органах и, в меньшей степени, в коммерческих организациях (бизнесе), роль которых будет подробно рассмотрена ниже.

ОПЫТ РАБОТЫ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНАХ И БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ

Постсоветский административный опыт в целом

Подавляющее большинство чиновников, руководящих экономическими министерствами, имеют предшествующий нынешней должности опыт работы в постсоветских административных органах (табл. 3).

Следует отметить, что, согласно квалификационным требованиям, для замещения рассматриваемых должностей необходимо не менее четырех лет стажа государственной гражданской службы, т.е., по существу, работы в административных органах, правда, они могут быть заменены соответствующим стажем работы по специальности, направлению подготовки [Указ Президента... 2017]. О роли административного опыта в карьере свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых,

**Опыт работы в административных органах до вхождения в нынешнюю должность,
по категориям чиновников, в %**

Административные органы	Наличие опыта работы		Должность										
	Предшествующая нынешней должности		Предшествующая нынешней должности		Предшествующая нынешней должности		Предшествующая первой элитной должности в ФА*						
	ЗМ (N=66)	ДД (N=159) Все (N=225)	ЗМ (N=65)	ДД (N=146) Все (N=211)	ЗМ (N=66) ДД (N=157) Все (N=223)	ЗМ (N=65) ДД (N=157) Все (N=222)	ЗМ (N=65) ДД (N=157) Все (N=222)	ЗМ (N=65) ДД (N=157) Все (N=222)					
Федеральные	83	83	55	55	73	77	76	51	69	64			
<i>В т.ч.</i>													
Данное министерство, его предшественники и подведомственные ему ФОИВ	71	75	41	42	42	42	42	58	71	67	37	61	54
Другие органы	38	32	14	13	13	13	13	15	6	9	14	8	10
Региональные	23	20	12	7	9	6	8	6	8	7	11	9	9
Местные	5	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего**	88	91	67	62	64	64	64	79	85	83	62	78	73

* Здесь и в последующих таблицах — федеральная администрация. К элитным должностям государственной гражданской службы отнесены должности, принадлежащие к высшей группе должностей категории «руководители», но не ниже уровня главы основного структурного подразделения административного органа: департамента — в министерствах и аппарате правительства, управления — в администрации президента (АП).

** Сумма в этой строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку одна и та же persona могла работать в различных органах.

50 % чиновников (из тех, о карьерном пути которых есть более или менее полная информация) провели в административных органах того или иного уровня половину и более своей постсоветской карьеры, т.е. такой опыт у них доминирует. Тем не менее чисто бюрократических постсоветских карьер немного — 14–15 % (например, карьера директора департамента развития отрасли ИТ Минцифры Д.С. Никитина, который пришел в Минцифры из Министерства экономического развития). Во-вторых, как показывает таблица 3, именно административный пост, как правило, служил прямым трамплином к нынешней должности. В меньшей степени, но в целом тоже в большинстве случаев административной была позиция, предпредшествующая занимаемой ныне должности, а также предшествующая первой элитной позиции в федеральной администрации.

Исходя из этого можно утверждать, что административная (бюрократическая) профессионализация в широком смысле — ведущая тенденция рекрутирования и карьеры ключевых чиновников экономических министерств. Распространенность среди них предшествующего административного опыта может свидетельствовать о меритократическом характере отбора чиновников, когда основным критерием продвижения является компетентность (знание административной сферы, управленческие навыки и пр.), формированию которой, при прочих равных условиях, должна способствовать более или менее длительная бюрократическая карьера. Вместе с тем продолжительная работа в административных органах (особенно в одном ведомстве) способствует накоплению социальных связей, формированию патрон-клиентских отношений с вышестоящими администраторами, выступающих вытягивающим фактором рекрутирования и играющих первостепенную роль при его патримониальном типе (подробнее о распространенности такой практики в России см.: [Гимпельсон, Магун 2004; Fortescue 2020]).

Впрочем, за этой общей тенденцией скрываются различия между административными стратами. Причем здесь ситуация неоднозначна. Хотя распространенность административного опыта во всей постсоветской карьере ЗМ и ДД почти одинакова, последние, как видно из таблицы 3, гораздо чаще занимали административный пост перед вхождением в первую элитную должность и несколько чаще — непосредственно перед назначением на нынешний пост. Между тем у ЗМ немного чаще была административной позиция, предпредшествующая нынешней должности, а кроме того, среди них несколько больше тех, кто провел

в администрации не менее половины своей постсоветской карьеры (53 % против 49 %). При этом среди двух этих категорий чиновников доля прямых выходцев с административных позиций существенно больше, чем среди федеральных министров, у которых непосредственное внешнее, внебюрократическое рекрутирование выражено сильнее всего (каждый второй министр на момент назначения работал вне администрации).

Представляет интерес и проявление указанной тенденции в различных министерствах. Как видно из таблицы 4, персоны, имеющие предшествующий административный опыт, доминируют в руководстве всех министерств: от 82 % в Минфине до почти 100 % в Минцифры.

Таблица 4

**Опыт работы в административных органах до вхождения
в нынешнюю должность, по министерствам, в %**

Министерство	Наличие опыта	Должность		
		Предшественствующая нынешней должности	Предшественствующая нынешней должности	Предшественствующая первой элитной должности в ФА
Минэкономики	92 (N=48)	66 (N=44)	90 (N=47)	81 (N=47)
Минфин	82 (N=39)	64 (N=39)	80 (N=39)	69 (N=39)
Минпромторг	89 (N=37)	84 (N=31)	92 (N=36)	83 (N=36)
Минсельхоз	88 (N=26)	46 (N=26)	66 (N=26)	58 (N=26)
Минстрой	93 (N=14)	77 (N=13)	86 (N=14)	86 (N=14)
Минтранс	86 (N=22)	60 (N=20)	77 (N=22)	71 (N=21)
Минцифры	100 (N=24)	57 (N=23)	83 (N=24)	79 (N=24)
Минэнерго	87 (N=15)	47 (N=15)	87 (N=15)	40 (N=15)

Однако роль такого опыта в карьере значительно различается. Так, менее 40 % чиновников Минтранса и Минэнерго, но три четверти руководителей Минстроя провели в администрации половину и более своей постсоветской карьеры. С точки зрения предшествующей, предшествующей и предэлитной должностей наиболее бюрократизированными являются карьеры чиновников Минпромторга, чей министр Д.В. Мантуров до своего назначения свыше четырех лет занимал административные посты, тогда как в Минсельхозе, глава которого Д.Н. Патрушев почти всю карьеру провел в бизнесе, эта тенденция выражена относительно слабо.

Опыт работы в региональной и федеральной администрациях

Если говорить об уровне административных органов, в которых работали чиновники министерств до вхождения в нынешнюю должность, то мы видим заметное присутствие выходцев из региональных администраций (как показывает приведенная выше таблица 3, более одной пятой всей совокупности). Различия между ЗМ и ДД в смысле распространенности такого опыта невелики, но первые чаще были региональными чиновниками по своей предпредшествующей работе. При этом стоит отметить, что сами министры гораздо чаще своих подчиненных являются выходцами из региональных администраций (трое из восьми работали в них).

Более существенны различия между министерствами, показанные в таблице 5.

Безусловным лидером по укорененности в региональных администрациях является Минстрой (большинство его чиновников имеют соответствующий опыт и примерно каждый пятый пришел прямо оттуда). Напротив, в Минэнерго, которое руководит гораздо более централизованной отраслью, находящейся преимущественно в федеральной собственности, такой опыт вообще не встречается (крайне редок он и в Минцифры).

Будущие высокопоставленные чиновники экономических министерств занимали в региональных администрациях различные должности: заместителей губернаторов, министров и др. Причем есть выраженная тенденция к соответствию их специализации в региональных властных структурах функциям федерального министерства, в котором они ныне работают. Подобные чиновники могут не только обладать специализированной компетентностью, востребованной в министер-

**Опыт работы в федеральной и региональной администрациях до вхождения в нынешнюю должность,
по министерствам, в %**

Министерство	Федеральная администрация				Региональная администрация			
	Наличие опыта	Должность		Наличие опыта	Должность			
		Предпринимательская	Предшествующая		Предпринимательская	Предшествующая	Предшествующая	
Минэкономразвития	81 (N=48)	61 (N=44)	77 (N=47)	68 (N=47)	27 (N=48)	5 (N=44)	13 (N=47)	13 (N=47)
Минфин	82 (N=39)	61 (N=39)	77 (N=39)	59 (N=39)	21 (N=39)	3 (N=39)	3 (N=39)	10 (N=39)
Минпромторг	86 (N=37)	71 (N=31)	83 (N=36)	75 (N=36)	16 (N=37)	13 (N=31)	9 (N=36)	8 (N=36)
Минсельхоз	81 (N=26)	35 (N=26)	58 (N=26)	50 (N=26)	19 (N=26)	11 (N=26)	8 (N=26)	8 (N=26)
Минстрой	71 (N=14)	31 (N=13)	64 (N=14)	57 (N=14)	57 (N=14)	46 (N=13)	22 (N=14)	29 (N=14)
Минтранс	81 (N=22)	45 (N=20)	73 (N=22)	66 (N=21)	23 (N=22)	15 (N=20)	4 (N=22)	5 (N=21)
Минцифры	96 (N=24)	57 (N=23)	83 (N=24)	75 (N=24)	8 (N=24)	0 (N=23)	0 (N=24)	4 (N=24)
Минэнерго	87 (N=15)	47 (N=15)	87 (N=15)	40 (N=15)	0 (N=15)	0 (N=15)	0 (N=15)	0 (N=15)

ствах, но и по роду своей работы находиться с руководством министерств в тесном взаимодействии, в ходе которого формируются знакомства и связи, способствующие обмену кадрами. Шире всего в министерствах представлены выходцы из администраций таких субъектов РФ, как Москва, Санкт-Петербург, Пермский край, Краснодарский край. В этой связи следует отметить, что в некоторых случаях министры, ранее работавшие в региональной администрации, приводили с собой бывших коллег. Прежде всего это министр экономического развития М.Г. Решетников, работавший в исполнительных органах Пермского края и Москвы (это министерство занимает второе место после Минстроя по распространенности такого опыта). В частности, в администрации Пермского края ранее работали пять чиновников Минэкономики, не считая министра (при этом еще двое также пересекались с ним в ходе предшествующей карьеры в других органах). Например, директор департамента организационного обеспечения и коммуникаций Минэкономики Д.А. Пучко, который ранее работал в департаменте экономической политики и развития Москвы (до 2017 г. его возглавлял Решетников), а затем в аппарате правительства и администрации губернатора Пермского края (в бытность Решетникова главой региона). В Минстрое подобным примером является директор административного департамента Ю.П. Муценек, который ранее работал управделами Министерства строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Республики Татарстан (министром был будущий глава Минстроя И.Э. Файзуллин). Подобные карьерные пересечения могут указывать на нехарактерную для бюрократии веберовского типа, но присущую патримониализму значимость личных связей как вытягивающего фактора рекрутирования, важность личной преданности и лояльности как критериев отбора чиновников, присутствие в министерствах «управленческих команд», связанных патрон-клиентскими отношениями. Впрочем, рекрутирование, основанное на личном знакомстве и совместной работе в прошлом, вовсе не обязательно отрицает важность деловых качеств, о которых руководителю, естественно, легче судить, если он мог непосредственно наблюдать работу подчиненного более или менее длительное время.

При значимости региональной власти как источника рекрутирования подавляющее большинство нынешних чиновников экономических министерств, как показывает приведенная таблица 3, являются выходцами из самой федеральной администрации. Однако роль работы в ней

в карьере существенно варьируется. Почти одинаковые доли чиновников провели там не более четверти и не менее половины своей постсоветской карьеры. Только у 19 % в федеральной администрации прошла практически вся карьера (непрерывная карьера) либо почти вся карьера, за исключением первых нескольких лет (отсроченная карьера). Однако шире распространены смешанные карьеры (в которых существенный опыт работы в федеральной власти сочетается со значительным внешним опытом) и в меньшей мере внешние карьеры (с отсутствующим или минимальным опытом работы в федеральной администрации) (типологию карьер см.: [Derlien 1988]). Тем не менее, как видно из таблицы 3, у подавляющего большинства чиновников федеральный административный пост служил прямым трамплином к нынешней должности. Реже административной была должность, предшествующая первой элитной позиции, и еще реже, но тоже в большинстве случаев должность, предпредшествующая занимаемой ныне позиции. Словом, хотя подавляющее большинство чиновников имеет опыт работы за пределами федеральной администрации и более или менее «чистых» федеральных бюрократов явное меньшинство, на этапах карьеры, предшествующих нынешней должности, они уже преимущественно работали в ней.

Следует отметить, что, хотя общая распространенность опыта работы в федеральной администрации примерно одинакова в различных бюрократических структурах, ДД немного чаще занимали в ней должность, предшествующую нынешней должности и значительно чаще — предшествующую первой элитной позиции (хотя понятно, что у них в сравнении с ЗМ предшествующая и предэлитная должности в большей степени совпадают). В связи с этим стоит отметить, что такие «политические» фигуры, как министры, чаще своих подчиненных приходят извне федеральной администрации: лишь меньшинство их занимали в ней предшествующую, предпредшествующую и предэлитную позиции. В общем чем выше уровень руководителя министерства, тем реже он является прямым выходцем из федеральной администрации.

Примечательны и различия между министерствами, показанные в приведенной выше таблице 5. Пожалуй, слабее всего укоренены в федеральной администрации чиновники наиболее регионализованного Минстроя, а также Минсельхоза, где много выходцев из бизнеса. Эти министерства курируют довольно децентрализованные отрасли и возглавляются министрами с минимальным опытом работы в федеральных

органах исполнительной власти. Напротив, в карьерах чиновников Минпромторга и Минцифры соответствующий опыт играет, пожалуй, самую важную роль.

В целом тенденция рекрутирования руководства министерств из рядов самой федеральной бюрократии может служить показателем (в этой связи см.: [Хантингтон, 2004: 40]) и одновременно фактором ее автономии от иных институтов (бизнеса, парламента и пр.), во взаимоотношениях с которыми она в целом доминирует. С одной стороны, такая автономия необходима, в частности, для того чтобы федеральные чиновники могли сдерживать эгоизм особенных интересов в подведомственных сферах, регулируя и агрегируя их в соответствии с общегосударственной рациональностью. С другой стороны, она может вырождаться в отчуждение от общества, вести к недостаточной осведомленности и восприимчивости, даже слепоте к потребностям иных институциональных секторов. Впрочем, если судить по источникам рекрутирования чиновников, эту автономию и ее последствия все же не стоит переоценивать. В частности, как будет показано ниже, экономические, прежде всего отраслевые, интересы довольно широко представлены в руководстве целого ряда министерств.

Внутриминистерская карьера и межведомственная карьерная мобильность

Говоря о федеральном административном опыте, нужно отметить, что выражена административная профессионализация в узком смысле: для подавляющего большинства чиновников характерна некоторая предшествующая карьера внутри того министерства, где они ныне работают (а также в министерствах-предшественниках и подведомственных министерству органах). Причем, как видно из приведенной выше таблицы 3, в целом для двух третей чиновников позиция в данном министерстве или родственных ему органах была прямым трамплином к нынешней должности. Вместе с тем только у меньшинства в этих структурах была и должность, предпредшествующая нынешней. При этом, как показывает таблица 6, имеется значительный разброс в плане продолжительности опыта работы в данном министерстве и родственных ему органах.

В частности, есть чиновники, которые всю карьеру провели в своем ведомстве. Например Н.А. Бегчин, прошедший за двенадцать лет путь от специалиста первого разряда до директора департамента программно-

Таблица 6

Распределение чиновников, имеющих опыт работы в данном министерстве до вхождения в нынешнюю должность, по стажу работы и категориям руководителей, в %

Стаж работы	Категории чиновников		
	ЗМ (N=47)	ДД (N=105)	Все (N=152)
Не более 1 г.	19	21	20
2–4 г.	21	30	28
5–9 л.	39	29	32
10 л. и более	21	20	20

целевого планирования и эффективности бюджетных расходов Минфина. Однако, хотя внутриведомственное рекрутирование, прежде всего непосредственно на нынешнюю должность, довольно выражено, полностью или преимущественно ведомственные, «гильдейские» карьеры являются исключением.

Примечательна вариация внутриведомственного рекрутирования в бюрократических странах. В общем, как видно из таблицы 3, здесь проявляется закономерность, уже обнаруженная ранее [Борщевский 2018: 89]: чем выше уровень руководителя, тем чаще он непосредственно приходит извне соответствующего административного органа (кстати, реже всего работали в своем министерстве сами министры: лишь половина имела такой опыт вообще и трое из восьми на момент занятия должности). Впрочем, на относительность этой тенденции указывает то, что хотя в сравнении с ДД ЗМ чаще напрямую рекрутируются извне своих министерств, но, как показывает таблица 6, среди них больше персон, проработавших в этих органах не менее пяти лет. Кроме того, следует отметить, что среди них довольно широко распространены элементы последовательной ступенчатой карьеры внутри данного ведомства: 45 % (в половине министерств — большинство) прежде возглавляли департаменты в том же самом министерстве, чаще всего непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность.

Что касается различий между министерствами, то, как видно из таблицы 7, они существенны, но везде большинство чиновников имеют предшествующий опыт работы в данном министерстве (его предшественнике) и подведомственных ему ФОИВ вообще и непосредственно

Таблица 7
Опыт работы в федеральной администрации до вхождения в нынешнюю должность, по министерствам, в %

Министерство	Данное министерство, его предшественники и подведомственные ему ФОИВ				Другие органы федеральной администрации			
	Должность				Наличие опыта	Должность		
	Наличие опыта	Предпринимательская внешняя должность	Предшествующая внешняя должность	Предшествующая первая элитная должность в ФА		Предпринимательская внешняя должность	Предшествующая внешняя должность	Предшествующая первая элитная должность в ФА
Минэкономики	65 (N=48)	45 (N=44)	58 (N=47)	53 (N=47)	40 (N=48)	16 (N=44)	19 (N=47)	15 (N=47)
Минфин	77 (N=39)	51 (N=39)	67 (N=39)	54 (N=39)	31 (N=39)	10 (N=39)	10 (N=39)	5 (N=39)
Минпромторг	89 (N=37)	58 (N=31)	77 (N=36)	64 (N=36)	27 (N=37)	13 (N=31)	6 (N=36)	11 (N=36)
Минсельхоз	65 (N=26)	23 (N=26)	54 (N=26)	42 (N=26)	31 (N=26)	12 (N=26)	4 (N=26)	8 (N=26)
Минстрой	64 (N=14)	31 (N=13)	64 (N=14)	57 (N=14)	43 (N=14)	0 (N=13)	0 (N=14)	0 (N=14)
Минтранс	64 (N=22)	35 (N=20)	64 (N=22)	52 (N=21)	41 (N=22)	10 (N=20)	9 (N=22)	14 (N=21)
Минцифры	75 (N=24)	35 (N=23)	71 (N=24)	58 (N=24)	33 (N=24)	22 (N=23)	12 (N=24)	17 (N=24)
Минэнерго	87 (N=15)	47 (N=15)	87 (N=15)	40 (N=15)	20 (N=15)	0 (N=15)	0 (N=15)	0 (N=15)

перед нынешней должностью (и это без учета занятости, например, в подчиненных ему бюджетных учреждениях). Среди министерств с наиболее развитым внутриведомственным рекрутированием — Минпромторг, чей глава до назначения свыше четырех лет работал в нем и его предшественнике.

В целом распространенность предшествующего опыта работы в данном министерстве указывает на значимость такого критерия меритократического и технократического отбора, как специализированная, специфическая для данного ведомства компетентность. Также следует отметить, что более или менее длительная восходящая карьера чиновников в одном ведомстве может благоприятствовать развитию у них самоидентификации с ним (а не с внешними по отношению к нему институтами и группами), лояльности данному министерству, корпоративного духа, что может повышать эффективность деятельности административных органов. Напротив, значительная распространенность рекрутирования вышестоящих чиновников извне министерств, ограничивая возможности карьерного роста нижестоящих администраторов, может подрывать их моральный дух, приверженность организации и, как следствие, эффективность деятельности [Fortescue 2020: 19]. Вместе с тем ведомственность карьер способна иметь и негативные последствия, а именно способствовать формированию у чиновников «бункерного менталитета», благоприятствовать проявлениям узковедомственного эгоизма, соперничества министерств, препятствовать межведомственной координации, подрывать единство и вести к фрагментации федеральной административной элиты в целом [Huskey 2009: 262; Huskey 2010].

Впрочем, одной из заметных тенденций, противостоящих внутриведомственному рекрутированию и сдерживающих его, является обмен кадрами между федеральными административными органами, межведомственная карьерная мобильность федеральных чиновников. Как показывает таблица 3, примерно треть чиновников имела опыт работы в ином ведомстве: других федеральных органах исполнительной власти (не считая министерств-предшественников и подведомственных данному министерству органов), аппарате Правительства и Администрации Президента РФ. Однако, как видим, непосредственное рекрутирование из других административных органов происходит сравнительно редко. Причем указанный опыт чаще встречается у ЗМ, чем у ДД (например, заместители министра экономического развития Т.А. Илюшникова

и министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Б.М. Черкесова ранее работали в АП). Как показывает таблица 7, среди министерств, довольно открытых для выходцев, особенно непосредственных, из других федеральных административных структур, Минэкономики, имеющее сравнительно широкую компетенцию (почти каждый пятый его чиновник напрямую рекрутирован из них). Напротив, наиболее закрытыми являются такие ведомства с гораздо более узкой специализацией, как Минэнерго и Минстрой (ни один из их руководителей на момент вхождения в нынешнюю должность не работал в ином административном органе). Примечательно, что Минэкономики и его предшественники одновременно наиболее активно поставляют кадры для других экономических министерств (среди прочих министерств в этом отношении выделяется также уже упраздненный Мингерцион). Межведомственная мобильность (как и приток в федеральные министерства кадров из региональных администраций) может способствовать формированию у чиновников более широкой компетентности и лояльности, более общей самоидентификации со всем бюрократическим классом и в связи с этим интеграции административной элиты, преодолевающей ведомственные границы.

БИЗНЕС КАК ИСТОЧНИК РЕКРУТИРОВАНИЯ ЧИНОВНИКОВ

Распространенность опыта работы в коммерческой сфере

Несмотря на выраженную бюрократическую профессионализацию ключевых чиновников, экономические министерства довольно существенно зависят от бизнеса как источника рекрутирования своего руководства. Именно коммерческая сфера является главным внешним поставщиком высокопоставленных федеральных администраторов (что подтверждается и предыдущими исследованиями [Тев 2016: 124–126; Fortescue 2020: 14]). Как показывает таблица 8, почти две трети чиновников имели в постсоветский период опыт работы в коммерческой сфере на любых должностях, причем более трети занимали ключевые посты.

При этом примерно четверть провела в бизнесе половину и более постсоветской карьеры. В качестве примера можно привести Д.А. Огуряева, который перед вхождением в нынешнюю должность почти все время работал в бизнесе, в 2018 г. победил в конкурсе «Лидеры России»,

Таблица 8
Постсоветский опыт работы в коммерческих организациях до вхождения в нынешнюю должность, по категориям чиновников, в %

Тип позиции	Должность															
	Наличие опыта работы				Предшествовавшая нынешней должности				Предшествовавшая нынешней должности				Предшествовавшая первой элитной должности в ФА			
	ЗМ (N=66)	ДД (N=159)	Все (N=225)		ЗМ (N=65)	ДД (N=146)	Все (N=211)		ЗМ (N=66)	ДД (N=157)	Все (N=223)		ЗМ (N=65)	ДД (N=157)	Все (N=222)	
Ключевая*	42	32	36	8	14	12		9	4	6		14	8	9		
Любая	71	60	64	20	27	25		12	10	10		23	13	16		

*К ключевым должностям были отнесены позиции (генеральных) директоров, председателей правления, президентов и их заместителей, председателей и членов советов директоров, директоров по направлениям, индивидуальных предпринимателей.

в 2020 г. был назначен сначала советником, а через полгода заместителем министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Важно, впрочем, отметить, что рекрутирование из бизнеса носит в основном косвенный характер: лишь каждый десятый чиновник работал в коммерческой организации на момент назначения на нынешнюю должность, у каждого шестого в бизнесе была предэлитная, а примерно у каждого четвертого — предпредшествующая позиция.

Общая распространенность опыта работы в бизнесе больше на высших уровнях административной иерархии министерств, однако эта картина может быть обманчивой в силу того, что в сравнении с ЗМ среди ДД гораздо больше тех, о чьей карьере есть лишь фрагментарная информация. Кроме того, как показывает таблица 8, хотя первые чаще работали в коммерческой сфере перед занятием первой элитной должности в федеральной администрации и среди них больше персон, проводивших в бизнесе не менее половины своей постсоветской карьеры (31 % против 24 %), у вторых в бизнесе чаще была предпредшествующая должность. Стоит отметить, что среди самих министров выходцев из бизнеса гораздо больше, чем среди их подчиненных (шесть из восьми имели опыт работы на ключевых постах в коммерции, половина непосредственно пришла из бизнеса, а пятеро провели там половину или более своей постсоветской карьеры).

Что касается различий между министерствами, то они показаны в таблице 9.

Как видим, относительно слабо рекрутирование чиновников из бизнеса выражено в Минпромторге. Его глава Д.В. Мантуров перед назначением более или менее длительное время работал в административной сфере (хотя до этого занимал ключевые посты в бизнесе), а карьера его чиновников, как отмечалось выше, характеризуется высоким уровнем бюрократической и внутриведомственной профессионализации. Также представителей бизнеса сравнительно немного в таком не связанном с конкретной отраслью ведомстве, как Минэкономики, чей глава М.Г. Решетников сделал карьеру в основном в административных структурах. Напротив, в целом наиболее сильно плутократизация проявляется в таких отраслевых ведомствах, как Минсельхоз, Минэнерго (правда, непосредственных выходцев из бизнеса в нем почти нет) и Минтранс. Их главы (Д.Н. Патрушев, Н.Г. Шульгинов и В.Г. Савельев) не только провели в бизнесе основную часть предшествующего карьерного пути, но и работали в нем на момент назначения.

Таблица 9

**Опыт работы в коммерческих организациях
(в том числе на ключевых постах) до вхождения в нынешнюю
должность, по министерствам, в %**

Министерство	Наличие опыта работы	Должность		
		Предшественствующая нынешней должности	Предшественствующая нынешней должности	Предшественствующая первой элитной должности в ФА
Минэкономики	58 (23*) (N=48)	18 (9) (N=44)	9 (6) (N=47)	11 (6) (N=47)
Минфин	59 (23) (N=39)	26 (5) (N=39)	15 (3) (N=39)	21 (5) (N=39)
Минпромторг	49 (38) (N=37)	6 (3) (N=31)	3 (3) (N=36)	6 (6) (N=36)
Минсельхоз	69 (46) (N=26)	46 (19) (N=26)	23 (12) (N=26)	31 (12) (N=26)
Минстрой	64 (43) (N=14)	15 (8) (N=13)	7 (7) (N=14)	7 (7) (N=14)
Минтранс	73 (45) (N=22)	30 (25) (N=20)	18 (14) (N=22)	19 (14) (N=21)
Минцифры	67 (38) (N=24)	26 (13) (N=23)	4 (4) (N=24)	8 (8) (N=24)
Минэнерго	87 (53) (N=15)	47 (33) (N=15)	7 (0) (N=15)	40 (33) (N=15)

*В скобках указана доля чиновников, занимавших ключевые посты в бизнесе.

Тип бизнеса, выходцы из которого рекрутируются в министерства

Из какого бизнеса приходят ключевые чиновники экономических ведомств? Выходцы из крупных компаний заметно представлены в них. Так, каждый пятый чиновник имеет опыт работы в фирмах, входящих в рейтинг журнала «Эксперт» (даже не считая тех, кто состоял в их советах директоров, будучи чиновниками), причем 7 % занимали в них ключевые посты, принадлежа, таким образом, к общенациональной экономической элите. Впрочем, всего 4 % работали в таких компаниях непосредственно перед назначением, 6 % занимали в них предэлитную, а 9 % — предпредшественствующую должность. Если учитывать также работу

в фирмах, подконтрольных таким компаниям, то из крупного бизнеса вышло около половины чиновников, более или менее непосредственно рекрутированных из коммерческой сферы (занимали в ней предшествующую, предпредшествующую или предэлитную должности). Что касается формы собственности, то в качестве источника подобного рекрутирования из бизнеса государственные компании важнее частных фирм. Также следует отметить, что среди более или менее прямых выходцев из бизнеса преобладают персоны, работавшие в подведомственных министерствам отраслях. Так, в Минфине мы видим чиновников, ранее занятых в финансовом секторе («Группе ВТБ», дочерней компании «Сбербанка» «Сбербанк-КИБ», «Номос-банке», «Россельхозбанке» пр.), в Минэнерго — представителей энергетических компаний («Русгидро», «Россети» и пр.), в Минтрансе — транспортных фирм (прежде всего «Аэрофлота», но также «РЖД»), в Минсельхозе — Россельхозбанка (отраслевого банка АПК). В общем довольно выраженный паттерн рекрутирования министерских чиновников из бизнеса — это их приток из крупных государственных компаний, принадлежащих к отраслям, курируемым соответствующими министерствами.

Факторы и значение плутократического рекрутирования

Говоря о факторах, лежащих в основе рекрутирования выходцев из бизнеса в руководство экономических министерств, следует отметить, что ему благоприятствует ряд ресурсов и способностей, которыми обладают такие персоны. К ним можно, в частности, отнести навыки управления организациями, компетентность в экономических вопросах и особенно знание специфики отраслей, курируемых данными министерствами, авторитет, доверие и связи в деловом сообществе. Следует отметить, что назначения на важные административные должности (например, в Минфине и Минэкономике) таких персон могут производиться в том числе в качестве позитивного сигнала бизнесу, инвесторам, которые обладают структурной властью в отношении государства, зависящего от экономического роста в плане своих материальных возможностей и легитимности. Рекрутирование выходцев из бизнеса, прежде всего из подведомственных отраслей, в руководство министерств может свидетельствовать о важности меритократических критериев отбора чиновников, его технократическом характере и способствовать эффективности деятельности административных органов. Однако не следует переоценивать востребованность бизнесменов

в министерствах: логики функционирования административной сферы и бизнеса и компетенции, необходимые для успешной работы в них, все же существенно различаются. При этом государственные компании, особенно монополии, по характеру своей деятельности относительно близки к административным органам, и их менеджерам, вероятно, легче адаптироваться, применить свои знания и навыки в госаппарате. Впрочем, тесная связь с конкретной компанией или отраслью может восприниматься и как недостаток кандидата на административный пост, поскольку, как уже отмечалось, одним из важных условий эффективного регулирования чиновниками экономики и ее секторов является их известная автономия от специфических коммерческих интересов (в этом смысле профессиональные бюрократы могут быть предпочтительнее).

Значимую роль в рекрутировании на видные посты в министерствах могут играть и финансовые средства бизнесменов, благодаря которым в принципе возможна покупка должностей (и тогда, конечно, не приходится говорить об автономии административных кадров от деловых интересов) (см., напр.: [Более половины... 2012]). Наконец, знакомства, связи, отношения доверия менеджеров бизнеса с государственными деятелями, складывающиеся в ходе их повседневного функционального взаимодействия, существенно облегчают обмен кадрами. Формы такого взаимодействия различны, в частности чиновники заседают в советах директоров коммерческих организаций, а менеджеры — в консультативных советах при органах власти. Причем его тесноте должна способствовать принадлежность компании к отрасли, подведомственной министерству, а также к государственному сектору, менеджеры которого могут рассматриваться как предпочтительные кандидаты на административные посты, поскольку профессионально социализированы как проводники «государственного интереса» в коммерческой сфере. Кроме того, важным вытягивающим фактором рекрутирования могут выступать знакомства, сформировавшиеся в ходе совместной работы в бизнесе. В ряде случаев мы видим пересечения между министрами и их подчиненными с точки зрения предшествующей карьеры в коммерческом секторе. Нередко министр приводит с собой в министерство своих коллег из компаний, откуда пришел сам. Наиболее ярким примером служат целые группы выходцев из «Аэрофлота» в Минтранс (трое, не считая министра) и «Россельхозбанка» в Минсельхозе (семеро, не считая министра). В частности, заместитель министра

транспорта К.И. Богданов, который почти всю свою предшествующую карьеру в бизнесе провел под началом будущего главы ведомства В.Г. Савельева, поработав вместе с ним в таких крупных компаниях, как банк «Россия», «Газпром», АФК «Система» и «Аэрофлот». Или заместитель министра сельского хозяйства О.Н. Лут, которая ранее вместе с будущим главой ведомства Д.Н. Патрушевым работала в «Банке ВТБ» и «Россельхозбанке». Впрочем, подобные примеры встречаются и в других министерствах. Так, директор департамента проектной деятельности и цифровых технологий Минэнерго Э.М. Шереметцев ранее работал в компании «Русгидро», которую возглавлял будущий министр Н.Г. Шульгин. Такое рекрутирование из бизнеса может, хотя и необязательно, говорить о характерной для патримониализма важности личной преданности и лояльности, патрон-клиентских отношений как фактора отбора чиновников.

Словом, представители бизнеса обладают рядом ресурсов, благоприятствующих их рекрутированию в экономические министерства, но в какой степени они заинтересованы в их «колонизации»? Надо сказать, что вообще, бизнесу могут быть довольно выгодны политические связи, в частности в форме присутствия выходцев из него в административных органах (и в первую очередь в экономических ведомствах, непосредственно влияющих на функционирование соответствующих компаний и отраслей). Особенно это может быть верным для стран со слабой правовой системой и высоким уровнем коррупции, к которым относится Россия [Faccio 2010; Grigoriev, Zhirkov 2020]. По мнению ряда аналитиков, в нашей стране сложился «кумовской» капитализм, при котором такие связи первостепенны для накопления капитала [Волкова 2016; Planet Plutocrat 2014]. Вместе с тем правомерен вопрос о том, какой степени персональные переплетения с госаппаратом важны для компаний госсектора, которые и так тесно связаны с ним отношениями собственности? Как бы то ни было, хотя бизнесмены вовсе не обязательно занимают административные посты с целью продвижения интересов соответствующих компаний, отраслей или делового сообщества в целом, профессиональная социализация чиновников в бизнесе способствует формированию у них, с одной стороны, аттитюдов, дружественных или сочувственных по отношению к нему, а с другой — сильных социальных связей в коммерческой сфере [Wirsching 2018: 3–5]. Это повышает вероятность восприимчивости таких государственных деятелей к потребностям и аргументам бизнеса, облегчает доступ

бизнесменов к чиновникам и в целом может способствовать формированию экономической политики благоприятной накоплению капитала.

В общем тот факт, что бизнес является основным внешним поставщиком руководства экономических министерств (прежде всего самих министров), вероятно, ставит его в привилегированное в сравнении с другими группами положение в процессе выработки и осуществления экономической политики. Особенно те отрасли и компании, которые имеют сразу несколько представителей в соответствующих министерствах, в том числе и на посту министра. Впрочем, возможность «захвата» министерств коммерческими интересами, манипулирования ими со стороны бизнеса в ущерб интересам государства и общества трудно оценить, основываясь только на анализе источников рекрутирования их чиновников, и такая оценка не входит в задачи исследования. Однако в этой связи следует отметить три момента.

Во-первых, как было показано, бюрократическая профессионализация и внутреннее рекрутирование руководства министерств, при прочих равных условиях, способствующие автономии их от внешних акторов, являются ведущей и более выраженной, чем плутократизация, тенденцией. Подавляющее большинство чиновников, даже в наиболее плутократизированных министерствах, непосредственно перед назначением на нынешнюю должность занимали административные посты, и только меньшинство работало в коммерции. Впрочем, что касается предпредшествующей позиции, то в Минсельхозе и Минэнерго доля чиновников, работавших в бизнесе, уже равна или даже превышает долю тех, кто занимал федеральный административный пост. Во-вторых, хотя в некоторых министерствах (Мисельхоз и Минтранс) преобладают выходцы из одной компании (что может давать ей особенно сильные рычаги влияния), для большинства министерств характерна относительная диверсификация карьерных связей чиновников с фирмами (однако, возможно, не отраслями). В-третьих, как уже говорилось, наиболее активными непосредственными поставщиками бюрократических кадров выступают государственные компании, которые, в свою очередь, сами зависят от административных органов как своего фактического владельца и важного источника рекрутирования топ-менеджеров и членов совета директоров.

Взаимная зависимость сближает интересы бизнеса и чиновников, для которых государственные компании часто служат местом не только предшествующей карьеры, но и трудоустройства после отставки.

Она может быть асимметричной, сильно «скошенной» в пользу министерств, осуществляющих от имени РФ права собственника государственных компаний и нередко подчиняющих их работу политическим соображениям (фирмы могут быть, по существу, орудием административных органов). Но ведущую роль в отношениях с министерствами могут играть и экономические структуры, возглавляемые политически сверхвлиятельными менеджерами. В этом смысле примечательно, что, например, министра промышленности и торговли Д.В. Мантурова, ранее руководившего компанией «Оборонпром», называют протеем гендиректора ГК «Ростех» С.В. Чемезова, а сам Минпромторг, несмотря на сильную бюрократическую профессионализацию его чиновников, — «административным аппаратом» этой госкорпорации, являющейся «реальным министерством промышленности» [Становая 2012; Fortescue 2020: 18].

Говоря о заинтересованности бизнеса в «колонизации» аппарата экономических министерств, нельзя не отметить, что она не исчерпывается соображениями накопления капитала, процветания компаний и отраслей. Важно учитывать, так сказать, личные карьерные расчеты и амбиции персон, переходящих из коммерческой сферы в госаппарат. Соотношение издержек и выгод такого перехода может существенно варьироваться, и в общем не следует переоценивать привлекательность для бизнесменов бюрократической карьеры. Хотя видные административные посты престижны и дают значительные властные возможности, как уже отмечалось, профессиональные роли чиновника и менеджера компании, даже при общем управленческом характере, существенно различаются [Буравцева 2013] и работа бюрократа может казаться бизнесмену, например, слишком косной и несамостоятельной. Кроме того, зарплаты в коммерции могут быть существенно выше, чем на госслужбе, но это относится прежде всего к ключевым должностям в крупных фирмах. В целом же, как показывают исследования, оплата труда заместителей министров и директоров департаментов существенно превосходит средние доходы руководителей коммерческих организаций [Шклярук 2021: 31–32]. Однако следует помнить, что административная карьера часто начинается на более низких и существенно хуже оплачиваемых постах — заместителей директоров департаментов, начальников отделов и пр. Впрочем, чиновники обычно обладают более стабильным и гарантированным доходом и вдобавок разнообразными льготами и привилегиями, а кроме того, возможностями коррупционного обо-

гащения, что также может делать госслужбу привлекательной для выходцев из бизнеса (особенно для тех, кто оказался не слишком удачлив в коммерческой сфере).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что бюрократическая профессионализация в целом является наиболее выраженной характеристикой предшествующей карьеры ключевых чиновников экономических министерств. Основным каналом их рекрутирования служит федеральная администрация (хотя и региональные исполнительные органы играют заметную роль), причем подавляющее большинство чиновников на момент вхождения в нынешнюю должность уже некоторое время работали в своем министерстве. Эти тенденции могут свидетельствовать о роли меритократического и технократического отбора, основного на компетентности.

Вместе с тем классических «веберовских» бюрократов с чисто административной карьерой, особенно проведенной в одном министерстве, явное меньшинство. В этом смысле картина заметно отличается от той, которая наблюдается в таких странах, как Италия и Япония. Присутствует межведомственная мобильность, и, что особенно важно, наибольшее распространение получили смешанные карьеры, в которых административный опыт сочетается с существенной небюрократической занятостью. Самым значимым, хотя в основном косвенным источником внешнего рекрутирования чиновников являются коммерческие организации, причем особенно важную роль в качестве поставщиков кадров играют крупные государственные компании, принадлежащие к отраслям, курируемым соответствующими министерствами. Распространенность в карьерах министерской элиты опыта работы в бизнесе, особенно в подведомственной сфере, может отчасти указывать на ее технократический характер, а также, напоминая практику США, во многом согласуется с рекрутированием чиновников в духе парадигмы нового государственного менеджмента [Fortescue 2020].

Что касается различий между ЗМ и ДД, то в известном противоречии с принципами кадровой бюрократии на высшем уровне административной иерархии реже распространено непосредственное внутриведомственное рекрутирование на нынешнюю и первую элитную должность. При этом внешний опыт работы в других ведомствах

и бизнесе там обнаруживается чаще (хотя отчасти это может быть связано с меньшей полнотой данных о карьерах ДД). Различия между министерствами также существенны. В частности, выделяются министерства с наиболее бюрократизированными карьерами и особенно важной ролью внутриведомственного рекрутирования (например, Минпромторг) и министерства с наиболее выраженными плутократическим рекрутированием чиновников (например, Минсельхоз). Также министерства заметно различаются по степени укорененности своего руководства в региональных администрациях (сильнее всего Минстрой, слабее всего Минэнерго) и открытости для непосредственных выходцев из других федеральных административных органов (больше всего Минэкономики, меньше всего Минэнерго и Минстрой).

Кроме того, следует отметить заметное присутствие в некоторых министерствах пересечений между министрами и подчиненными им чиновниками в ходе карьеры, предшествующей вхождению в нынешнюю должность (в частности, это совместная работа в региональных администрациях и бизнесе). Данная тенденция может, хотя и необязательно, свидетельствовать о значимости патримониального рекрутирования чиновников, основанного на личных связях, личной преданности и лояльности, патрон-клиентских отношениях.

Выявленные в ходе исследования тенденции могут иметь существенное значение. В принципе предшествующий опыт работы, более или менее длительная восходящая карьера в данном министерстве способствует формированию у чиновников специализированной компетентности, корпоративного духа, лояльности своему ведомству, что может повышать эффективность работы административных органов. Вместе с тем ведомственность карьер может служить благоприятной почвой для узковедомственного эгоизма и подрывать сплоченность федеральной административной элиты в целом, тогда как межведомственная мобильность чиновников, напротив, может благоприятствовать ее единству. Впрочем, учитывая ограниченность обеих тенденций, эти их возможные следствия не стоит преувеличивать. Выраженное в ряде министерств плутократическое рекрутирование, вероятно, ставит сверхпредставленные компании и отрасли в привилегированное положение в процессе выработки и осуществления политики, формирует предвзятость чиновников в их пользу. Однако говорить о «захвате» бизнес-интересами министерств в целом вряд ли правомерно, учитывая, в частности, то, что сами эти компании, будучи государственными,

сильно зависят от отраслевых ведомств, выполняющих от имени РФ функции их собственника и являющихся важным источником рекрутирования их руководства.

В целом следует отметить, что выводы исследования имеют ограниченный характер, поскольку отражают характеристики лишь действовавшего на момент сбора данных руководства экономических министерств. Чтобы понять, насколько устойчивы выявленные тенденции, необходимо исследование высокопоставленных чиновников, охватывающее длительный временной интервал.

Литература

Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // *Полития*. 2018. № 1 (88). С. 82–99. EDN: YNMZFB.

Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе государства российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2004. № 5 (73). С. 19–36. EDN: HTLRNR.

Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения / под ред. М.С. Шклярук. М.: Счетная палата Российской Федерации; Центр перспективных управленческих решений, 2021. 118 с.

Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2020. № 5 (102). С. 117–134. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-102-05-117-134>. EDN: RUSPVK.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. EDN: WEBMZF.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. EDN: QODDDF.

Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1981. 322 p.

Brown Jr. J.R. *The Ministry of Finance: Bureaucratic Practices and the Transformation of the Japanese Economy*. Westport; Connecticut; London: Quorum Books, 1999. 288 p.

Cassese S. *Italy's Senior Civil Service: An Ossified World // Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials / ed. by E.C. Page, V. Wright*. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 55–64.

Cho W., Im T., Porumbescu G.A., Lee H., Park J. *A Cross-Country Study of the Relationship between Weberian Bureaucracy and Government Performance // In-*

ternational Review of Public Administration. 2013. Vol. 18, no. 3. P. 115–137. <https://doi.org/10.1080/12294659.2013.10805266>.

Cornell A., Knutsen C.H., Teorell J. Bureaucracy and Growth // Comparative Political Studies. 2020. Vol. 53, no. 14. P. 2246–2282. <https://doi.org/10.1177/0010414020912262>.

Derlien Y-U. Repercussions of Government Change on the Career Civil Service in West Germany: The Cases of 1969 and 1982 // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 1988. Vol. 1, № 1. P. 50–78. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1988.tb00059.x>.

Derlien H-U. Mandarins or Managers? The Bureaucratic Elite in Bonn, 1970 to 1987 and Beyond // Governance: an International Journal of Policy and Administration. 2003. Vol. 6, no. 3. P. 401–428. <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00222>.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, no. 2. P. 428–445. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/1953255>.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials // Journal of Management Inquiry. 2008. Vol. 17, no. 3. P. 157–161. <https://doi.org/10.1177/1056492608316918>.

Evans P., Rauch J.E. Bureaucratic structure and bureaucratic performance in less developed countries // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 75, no. 1. P. 49–71. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00044-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00044-4).

Evans P., Rauch J.E. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth // American Sociological Review. 1999. Vol. 64, no. 5. P. 748–765. <https://doi.org/10.2307/2657374>.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis // Financial Management. 2010. Vol. 39, no. 3. P. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fortescue S. Russia’s civil service: professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36, no. 4. P. 365–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Goetz K.H. The development and current features of the German civil service system // Civil Service Systems in Western Europe, Second Edition / ed. by F.M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 37–65.

Greer S.L., Jarman H. The British civil service system // Civil Service Systems in Western Europe, Second Edition / ed. by F.M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 13–35.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010 // Research and Politics. 2020. Vol. 7, no. 4. P. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Harris J.S., Garcia T.V. The Permanent Secretaries: Britain’s Top Administrators // Public Administration Review. 1966. Vol. 26, no. 1. P. 31–44. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x>.

Huskey E. The Politics-Administration Nexus in Post-communist Russia // *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom From Alexander III to Vladimir Putin* / ed. by D.K. Rowney, E. Huskey. Basingstoke; Hants; New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 253–272.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, no. 4. P. 363–372. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

Koh B.C. Stability and Change in Japan's Higher Civil Service // *Comparative Politics*. 1979. Vol. 11, no. 3. P. 279–297. <https://doi.org/10.2307/421823>.

Kubota A. Higher Civil Servants in Postwar Japan. Their Social Origins, Educational Backgrounds, and Career Patterns. Princeton: Princeton University Press, 1969. 214 p.

Lewanski R., Toth F. The Italian civil service system // *Civil Service Systems in Western Europe, Second Edition* / ed. by F.M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 217–241.

Mann D.E. The Selection of Federal Political Executives // *The American Political Science Review*. 1964. Vol. 58, no. 1. P. 81–99. <https://doi.org/10.2307/1952757>.

Mann D.E., Smith Z.A. The Selection of U.S. Cabinet Officers and Other Political Executives // *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. 1981. Vol. 2, no. 2. P. 211–234. <https://doi.org/10.1177/019251218100200206>.

Martin J.M. An Examination of Executive Branch Appointments in the Reagan Administration by Background and Gender // *Western Political Quarterly*. 1991. Vol. 44, no. 1. P. 173–184. <https://doi.org/10.2307/448753>.

Ogushi A. Russian Bureaucratic Elites: Patrimonial or Technocratic? Paper presented to ICCEES VIII World Congress, July 27, Stockholm, 2010. URL: <http://euro.sutyajnik.ru/documents/3127.pdf> (дата обращения: 14.12.2022).

Schmidt C. Japan's Circle of Power: Legitimacy and Integration of a National Elite // *ASIEN — The German Journal on Contemporary Asia*. 2005. Vol. 96. P. 46–67.

Shevchenko I. Easy Come, Easy Go: Ministerial Turnover in Russia, 1990–2004 // *Europe-Asia Studies*. 2005. Vol. 57, no. 3. P. 399–428. <https://doi.org/10.1080/09668130500073373>.

Talbot C. The British Administrative Elite. The Art of Change without Changing? // *Revue française d'administration publique*. 2014, no. 151–152. P. 741–761. <https://doi.org/10.3917/rfap.151.0741>.

Theakston K, Fry G.K. Britain's Administrative Elite: Permanent Secretaries 1900–1986 // *Public Administration*. 1989. Vol. 67, no. 2. P. 129–147. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x>.

Van Thiel S., Steijn B., Allix M. 'New Public Managers' in Europe: Changes and Trends // *New Public Management in Europe: Adaptation and Alternatives* / ed. by C. Pollitt, S. Van Thiel, V. Homburg. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 90–106.

Wirsching E. The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation. Working Paper no. 222. Prepared in November 2018. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door> (дата обращения: 07.08.2021).

Источники

Более половины должностей в РФ — купленные // PASMI.RU. 07.08.2012. URL: <https://pasmi.ru/archive/45848/> (дата обращения: 01.09.2021).

Буравцева М. Есть ли жизнь после госслужбы // Ведомости. 21.06.2013. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gossluzhby (дата обращения: 09.08.2021).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // РБК. 11.03.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 14.02.2021).

Становая Т. Министр промышленности, торговли и Чемезова // ПОЛИТКОМ.RU. 01.02.2012. URL: <http://politcom.ru/13243.html> (дата обращения: 31.08.2021).

Указ Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 (ред. от 04.08.2021) «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57545/ (дата обращения: 31.08.2021).

Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 16 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы». URL: <https://base.garant.ru/71587648/> (дата обращения: 31.08.2021).

Planet Plutocrat // The Economist. 15.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politicallyconnected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (дата обращения: 14.02.2021).

HIGH-RANKING OFFICIALS OF THE FEDERAL ECONOMIC MINISTRIES OF RUSSIA: THE MAIN RECRUITMENT CHANNELS AND CAREERS

D. Tev

(denis_tev@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Citation: Tev D. Vysokopostavlennyye chinovniki federal'nykh ekonomicheskikh ministerstv Rossii: osnovnyye kanaly rekrutirovaniya i kar'yera [High-ranking officials of the federal economic ministries of Russia: the main recruitment channels and careers]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 56–93. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.3>

Abstract. *The article analyzes the recruitment channels and careers of high-ranking officials of the economic ministries of the Russian government. The empirical basis of the study was a biographical database of 225 deputy ministers and department directors of eight ministries. The study showed that bureaucratic professionalization is the most pronounced characteristic of their career. The main channel of recruitment is the federal administration, and the overwhelming majority have already worked in their ministry before entering current position. These trends are likely to indicate the importance of competency-based meritocratic selection. At the same time, classical bureaucrats with a purely administrative career, especially in one ministry, are a clear minority. Interdepartmental mobility is present, and the most common are mixed careers, when administrative experience is combined with non-bureaucratic employment. The most important, albeit mostly indirect, source of external recruitment of officials is commercial organizations, and the role of large state-owned companies from the sectors supervised by ministries is especially significant. Business experience is found more often, and direct intradepartmental recruitment is less common at the highest level of the administrative hierarchy. Differences between ministries are also noticeable. Ministries with the most bureaucratic careers and a particularly important role of intradepartmental experience and ministries with the most pronounced plutocratic recruitment are singled out. Finally, in a number of ministries, there is a noticeable overlap between ministers and their subordinates in a career preceding the current position, which may indicate the importance of patrimonial recruitment of officials based on personal loyalty, patron-client relationships.*

Keywords: *ministries, officials, recruitment channels, career, administration, business.*

References

Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1981. 322 p.

Borshchevskiy G. Vysshie gosudarstvennye sluzhashhie kak politiko-administrativnaja jelita sovremennoj Rossii [Senior Civil Servants as Russian Political and Administrative Elite]. *Politija* [Politeia], 2018, 1, pp. 82–99. EDN: YNMZFB (In Russian).

Brown Jr. J.R. *The Ministry of Finance: Bureaucratic Practices and the Transformation of the Japanese Economy*. Westport, Connecticut, London: Quorum Books, 1999. 288 p.

Cassese S. Italy's Senior Civil Service: An Ossified World. In: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 55–64.

Cho W., Im T., Porumbescu G.A., Lee H., Park J. A Cross-Country Study of the Relationship between Weberian Bureaucracy and Government Performance. *International Review of Public Administration*, 2013, 18 (3), pp. 115–137. <https://doi.org/10.1080/12294659.2013.10805266>.

Cornell A., Knutsen C.H., Teorell J. Bureaucracy and Growth. *Comparative Political Studies*, 2020, 53 (14), pp. 2246–2282. <https://doi.org/10.1177/0010414020912262>.

Derlien Y-U. Repercussions of Government Change on the Career Civil Service in West Germany: The Cases of 1969 and 1982. *Governance: An International Journal of Policy and Administration*, 1988, 1 (1), pp. 50–78.

Derlien H-U. Mandarins or Managers? The Bureaucratic Elite in Bonn, 1970 to 1987 and Beyond. *Governance: an International Journal of Policy and Administration*, 2003, 6 (3), pp. 401–428. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1988.tb00059.x>.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry. *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/1953255>.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials. *Journal of Management Inquiry*, 2008, 17 (3), pp. 157–161. <https://doi.org/10.1177/1056492608316918>.

Evans P., Rauch J.E. Bureaucratic structure and bureaucratic performance in less developed countries. *Journal of Public Economics*, 2000, 75 (1), pp. 49–71. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00044-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00044-4).

Evans P., Rauch J.E. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of «Weberian» State Structures on Economic Growth. *American Sociological Review*, 1999, 64. (5), pp. 748–765. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00044-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00044-4).

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis. *Financial Management*, 2010, 39 (3), pp. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fortescue S. Russia's civil service: professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries. *Post-Soviet Affairs*, 2020, 36 (4), pp. 365–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Gimpel'son V.E., Magun V.S. Na sluzhbe gosudarstva rossijskogo: perspektivy i ogranichenija kar'ery molodyh chinovnikov [In the service of the Russian state: prospects and limitations of the career of young officials]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], 2004, 5 (73), pp. 19–36. EDN: HTLRNR (In Russian).

Goetz K.H. The development and current features of the German civil service system. In: *Civil Service Systems in Western Europe, Second Edition*. Ed. by Van der Meer F.M. Cheltenham: Edward Elgar, 2011, pp. 37–65.

Greer S.L., Jarman H. The British civil service system. In: *Civil Service Systems in Western Europe, Second Edition*. Ed. by Van der Meer F.M. Cheltenham: Edward Elgar, 2011, pp. 13–35.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010. *Research and Politics*, 2020, 7 (4), pp. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Harris J.S., Garcia T.V. The Permanent Secretaries: Britain's Top Administrators. *Public Administration Review*, 1966, 26 (1), pp. 31–44. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x>.

Huntington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 480 p. EDN: QODDDF (In Russian).

Huskey E. The Politics-Administration Nexus in Post-communist Russia. In: *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom From Alexander III to Vladimir Putin*. Ed. by Rowney D.K., Huskey E. Basingstoke, Hants; New York: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 253–272.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x>.

Kadrovaja politika na gossluzhbe: tekushhie problemy i neobhodimye izmenenija [Personnel policy in the civil service: current problems and necessary changes]. Ed. by Shkljaruk M. Moscow: Schetnaja palata Rossijskoj Federacii, Centr perspektivnyh upravlencheskih reshenij, 2021. 118 p. (In Russian).

Koh B.C. Stability and Change in Japan's Higher Civil Service. *Comparative Politics*, 1979, 11 (3), pp. 279–297. <https://doi.org/10.2307/421823>.

Kryshtanovskaya O. Osnovnye trendy formirovanija upravlencheskoj jelity Ros-sii 2020–2030 gg. [The Key Trends in Forming the Governance Elite in Russia in 2020–2030]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*. [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences], 2020, 5 (102), pp. 117–134. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-102-05-117-134>. EDN: RUSPVK (In Russian).

Kubota A. *Higher Civil Servants in Postwar Japan. Their Social Origins, Educational Backgrounds, and Career Patterns*. Princeton: Princeton University Press, 1969. 214 p.

Lewanski R., Toth F. The Italian civil service system. In: *Civil Service Systems in Western Europe, Second Edition*. Ed. by Van der Meer F.M. Cheltenham: Edward Elgar, 2011, pp. 217–241.

Mann D.E. The Selection of Federal Political Executives. *The American Political Science Review*, 1964, 58 (1), pp. 81–99. <https://doi.org/10.2307/1952757>.

Mann D.E., Smith Z.A. The Selection of U.S. Cabinet Officers and Other Political Executives. *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*, 1981, 2 (2), pp. 211–234. <https://doi.org/10.1177/019251218100200206>

Martin J.M. An Examination of Executive Branch Appointments in the Reagan Administration by Background and Gender. *Western Political Quarterly*, 1991, 44 (1), pp. 173–184. <https://doi.org/10.2307/448753>.

Ogushi A. *Russian Bureaucratic Elites: Patrimonial or Technocratic? Paper presented to ICCEES VIII World Congress, July 27*. Stockholm, 2010. Available at: <http://euro.sutyajnik.ru/documents/3127.pdf> (accessed: 14.12.2022).

Schmidt C. Japan's Circle of Power: Legitimacy and Integration of a National Elite. *ASIAN — The German Journal on Contemporary Asia*, 2005, 96, pp. 46–67.

Shevchenko I. Easy Come, Easy Go: Ministerial Turnover in Russia, 1990–2004. *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (3), pp. 399–428. <https://doi.org/10.1080/09668130500073373>.

Talbot C. The British Administrative Elite. The Art of Change without Changing? *Revue française d'administration publique*, 2014, 151–152, pp. 741–761. <https://doi.org/10.3917/rfap.151.0741>.

Tev D. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovaniya [Federal Administrative Elite of Russia: Career Paths and Channels of Recruitment]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis: Political Studies], 2016, 4, pp. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. EDN: WEBMZF (In Russian).

Theakston K., Fry G.K. Britain's Administrative Elite: Permanent Secretaries 1900–1986. *Public Administration*, 1989, 67 (2), pp. 129–147. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x>.

Van Thiel S., Steijn B., Allix M. 'New Public Managers' in Europe: Changes and Trends. In: *New Public Management in Europe: Adaptation and Alternatives*. Ed. by Pollitt C., Van Thiel S., Homburg V. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007, pp. 90–106.

Wirsching E. *The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation*. Working Paper No. 222, 2018. Available at: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door> (accessed: 07.08.2021).

ПОЛОЖЕНИЕ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ ВЛИЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Д.А. Соловьев

(dmitry.a.solovlev@yandex.ru)

Центр исследования
политических трансформаций
ТГУ им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия

Цитирование: *Соловьев Д.А.* Положение бизнес-элиты в региональных моделях
влиятельности (на примере Тамбовской области) // *Власть и элиты.* 2022. Т. 9,
№ 1. С. 94–138

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.4>

Аннотация. *Цель статьи — построение модели позиционной влияния лиц, принимающих решения в сфере экономики на региональном уровне. Концепция позиционного метода идентификации элит реализуется посредством анализа документов (списков аффилированных лиц и финансовой отчетности корпораций за N год), а контрольные мероприятия проведены с использованием результатов репутационного исследования. В качестве объекта изучения выбраны корпорации с выручкой более 2 млрд рублей в 2018 г., зарегистрированные в Тамбовской области. Объекты выборки классифицированы на основании состава участников обществ. Это позволило выделить принципы, по которым можно устанавливать отдельных представителей бизнес-элиты: топ-менеджеров и собственников компаний. Бизнесмены, влияние которых идентифицирована с помощью позиционного и репутационного методов, чаще всего принадлежат к когорте собственников компаний. Большинство в этой прослойке бизнес-элиты являются лица федерального уровня влияния. Позиции топ-менеджеров заметно скромнее, их влияние обусловлено доминирующим положением материнской компании и, как следствие, объемом контролируемых экономических ресурсов. Теоретическая значи-*

мость работы заключается в создании унифицированных правил, позволяющих учитывать российскую специфику при определении персонального и качественного составов бизнес-элиты.

Ключевые слова: бизнес-элита, позиционный метод, репутационный метод, влияние, региональный уровень.

ВВЕДЕНИЕ

Привлечение инвестиций в регион главным образом зависит от политики высшего должностного лица субъекта РФ. При грамотном управлении, губернатор и члены его команды уступают в экономической сфере свое лидерство крупным бизнесменам, подчеркивая, что краевая администрация настроена на диалог и сотрудничество с бизнес-сообществом. Можно сказать, что это главный фактор в их работе. Если баланс нарушен и в экономике всецело властвует политическая элита, то, к сожалению, регион теряет инвестиции не только потенциальных бизнес-партнеров, но и местных предпринимателей. Они стараются вести дела уже на других территориях. Поэтому довольно сложно переоценить важность изучения влияния региональных предпринимателей в субъектах РФ, особенно в тех условиях, когда инвестиционный климат большинства российских регионов не имеет конкурентных преимуществ.

На наш взгляд, суть исследовательской работы можно изложить следующим образом: сначала мы установим персональный состав богатых дельцов, действующих на одной конкретной территории, далее из этой группы отберем лишь тех предпринимателей, которые имеют амбиции и стараются влиять на принимаемые в области решения, а затем изучим реальные возможности влиятельных бизнесменов, сопоставив их с властными ресурсами региональной политической элиты.

Позиционный метод идентификации бизнес-элиты является основным в этом исследовании. В работе «Властвующая элита» Ч.Р. Миллс писал о том, что «200–300 гигантских корпораций держат в своих руках ключи ко всем важным решениям [в Америке], связанным с экономикой» [Миллс 1959: 28]. Экономическую элиту он разделил на прослойки крупнейших богачей и ведущих администраторов из мира корпораций.

Крупнейшие богачи основные доходы получают от собственности [Миллс 1959: 206]. Это бенефициарные владельцы корпораций, чье могущество основано на праве собственности.

Ведущие администраторы — это персоны, «занимающие высшие посты в 100 (или около того) крупнейших по своему обороту и капиталу корпорациях» [Миллс 1959: 171–172]. Таким образом, для того чтобы определить руководящую верхушку из мира корпораций, согласно позиционному методу идентификации элит, необходимо составить «перечень крупнейших корпораций за какой-либо год, охватывающий все отрасли промышленности, а из их командного состава выделить президентов и председателей советов директоров» [Миллс 1959: 172]. Лица, пребывающие в верхах корпоративного мира, использовали этот критерий для определения относительного веса каждого из них с точки зрения занимаемых командных позиций.

Для проверки полученных результатов мы используем репутационную технику. Уточним влияние персон, замещающих важные командные позиции в бизнесе, опросив субъекты властных отношений в контрольном регионе, и сопоставим полученные данные с персональным составом экономической элиты из мира крупнейших корпораций. Таким же образом можно изучать распределение власти в экономической сфере субъекта РФ. Этот алгоритм состоит из двух частей: первая — уточнение списка влиятельных бизнесменов и вторая — изучение положения бизнесменов в региональной иерархии власти.

Под экономической элитой мы понимаем «сообщество лиц, обладающих (или контролирующих) наибольший объем экономических ресурсов и принимающих стратегические решения в сфере экономики» [Самые влиятельные... 2004: 37].

По мнению координатора Экспертного совета при Правительстве РФ А.С. Волошина, «у бизнеса есть всегда понятные параметры существования — деньги, либо они есть, либо их нет» [Президентский центр Бориса Ельцина 2020]. Применительно к настоящему исследованию для измерения объема контролируемых экономических ресурсов используется критерий «выручка корпораций».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Обзор научной литературы

Положения Ч.Р. Миллса о структуре власти в Америке могут быть отнесены к институциональному и функциональному типам анализа властных элит [Дука 2008], а его интерпретация категорий элит является моноиерархической [Dogan 2003], так как главенствующие инсти-

туты американского общества имеют «взаимопереплетающееся руководство».

Известно, что Миллс изучил годовые доходы американцев в 1949 г. Согласно статистике, доходы более 100 тыс. долларов задекларировали 13 822 человека — это «богачи из мира корпораций» [Миллс 1959: 204–205]. Помимо богачей, к управленческой элите относятся администраторы из мира корпораций, но когорты богачей и администраторов не имеют четко обособленных границ [Миллс 1959: 162–163]. Заметим, что определения владельцев капитала и корпоративных менеджеров М. Догана [Dogan 2003] по смыслу похожи на определения богачей и администраторов Миллса. Эта преемственность косвенно доказывает, что позиционный метод не потерял свою актуальность в начале XXI в.

Есть ли возможность для того, чтобы с помощью позиционного метода идентифицировать региональные бизнес-элиты в России? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, сможем ли мы выполнить следующие условия: во-первых, выделить базовый принцип построения экономических иерархий в российских регионах, схожий с представлениями Миллса о богачах и администраторах из мира корпораций, а во-вторых, установить, что региональные элиты в России надо рассматривать в монолитной интерпретации. Выполнив оба условия, получим положительный ответ.

У нас нет возможности доподлинно изучить истинную структуру годовых доходов физических лиц в России, но можно воспользоваться следующим правилом: богачи из мира корпораций получают главную долю доходов от владения собственностью [Миллс 1959: 205]. Этот принцип будет действовать и на субнациональном уровне в России. Таким образом, первое условие выполнимо.

Для соблюдения второго условия требуется определить точки зрения в научном сообществе, характерные для монолитной и плюралистической позиций относительно вопроса о субнациональных элитах в России, а затем выделить доминирующую из них.

По мнению элитолога Г. К. Ашина, «структура региональных элит [в России] гораздо менее плюралистична, чем структура федеральных элит» [Ашин 2010: 490]. Между тем общая картина такова: в современной России доминирующее положение занимает политико-административная элита, существенную роль в принятии политических решений играет экономическая элита, а культурная элита, к сожалению, нахо-

дится на «периферии политической жизни». Для целей настоящей работы важно, что Ашин разделял бизнес-элиту и финансовую элиту, которые являются сегментами экономической элиты. Ведь с помощью позиционного метода мы идентифицируем только представителей бизнес-элиты. Состав бизнес-элиты, по Ашину, включает в себя «предпринимателей и директорский корпус государственных предприятий» [Ашин 2010: 475–484].

Определив персональный состав бизнес-элиты, также необходимо понять, из каких групп она состоит и каков ход мыслей ее представителей. Особая роль в этом направлении принадлежит О. В. Крыштановской [Крыштановская 2005], Н. Ю. Лапиной [Лапина 2004] и А. Е. Чириковой [Чирикова 2018]. Они использовали в своих исследованиях метод интервью, опрашивая лиц, включенных в процессы принятия решений.

Развивая тему внутриэлитного баланса, выделим две работы. В них указаны детали, которые помогут установить особенности взаимоотношений между элитными группами. Так, индикатором независимости регионального политического Олимпа является доминирование финансово-политических групп, которые формируются вокруг глав субъектов федерации. В «оппозиционных» же группах ведущую роль играет финансовая составляющая, поэтому их приход в политику означает снижение самостоятельности политического истеблишмента, приведенного бизнесменами [Куколев 1995]. В этой работе мы не задаемся вопросом «Кто играет приоритетную роль в региональных финансово-политических группах?», но считаем его важным и актуальным, перспективным для дальнейшего изучения.

Вторая работа о национальных элитах Мексики, но косвенные признаки, свидетельствующие о конкуренции политической и экономической элит, мы можем переработать в концепт, пригодный для анализа региональных элит. Тогда индикатором независимости деловой и финансовой элит станет отказ от сотрудничества с региональным правительством при реализации проектов развития субъекта федерации и вместо этого инвестирование в другие регионы или за границу. К такому выводу мы пришли, ознакомившись с исследованием Сильвии Максфилд [Maxfield 1997].

В России находятся производства некоторых зарубежных корпораций, поэтому важно установить: можно ли рассматривать их руководителей в составе региональных элит? Да, можно. Ведь в работе, по-

священной изучению генезиса башкирской бизнес-элиты Р. Р. Галлямов и И. Н. Сакаев рассматривают менеджмент зарубежных транснациональных корпораций как один из сегментов бизнес-элиты Башкортостана [Галлямов, Сакаев 2010]. Думается, что менеджмент госкорпораций также является одним из сегментов региональных бизнес-элит. Более того, персональный состав руководителей «зарубежного» и «государственного» сегментов можно попытаться найти, применив позиционную технику идентификации элит.

На определенном этапе развития бизнес-отношений усилилось проникновение в регионы всероссийских компаний, которые выкупили местные бизнесы (например, в сфере розничной торговли). При этом зачастую российские корпорации не регистрируют филиалы в субъекте федерации, хотя имеют на его территории обособленные подразделения. Можно ли в таком случае рассматривать менеджмент российских федеральных корпораций как один из сегментов региональной бизнес-элиты? Да, но установить ее состав с помощью позиционного метода нельзя.

С помощью позиционного метода идентификации элит невозможно также установить чиновников, оказывающих влияние на принимаемые решения в сфере экономики. Вместе с тем А. А. Мордасов заметил, что влияние политико-административной элиты обеспечивается в том числе «адаптивно-редистрибутивным образом экономического поведения и политического участия» [Мордасов 2004]. По его мнению, довольно заметная часть когорты руководителей корпораций (топ-менеджеров) представляет интересы бенефициарных владельцев, принадлежащих к бюрократической сфере. Поэтому в структуре ответственных работ хотелось бы выделить два всероссийских исследования, реализованных в соответствии с принципами репутационного метода: персона считается влиятельной, если она обладает властью и эксперты подтверждают этот факт.

Социологическое исследование «Все влиятельные люди России — 2000» (ЦРПИ) посвящено выявлению всех влиятельных людей страны [Шмаров, Полуниин 2000: 50–69]. Изучение механизмов власти в России показало, что аппарат исполнительной, законодательной и судебной власти является важнейшим ресурсом влияния как среди политиков (24,3 %), так и среди бизнесменов (17,6 %). Это отчасти подтверждает утверждение о господстве кланового капитализма в нашей стране. Среди лиц, влиятельных в сфере экономики, лишь в 15 из 52 регионов встречаются по 1–2 персоны из обладминистраций.

В книге «Самые влиятельные люди России — 2003» (ИСАНТ) также описываются федеральные и региональные элиты [Самые влиятельные... 2004]. Прямое сравнение результатов исследований ЦРПИ и ИСАНТа невозможно в силу того, что набор критериев влиятельности и география проектов были различными. Однако мы хотим акцентировать внимание на следующих особенностях. Во-первых, к 2003 г. объем контролируемых властных ресурсов для бизнеса перестал играть решающее значение (от 17,6 до 3 %), экономические ресурсы (60 %) стали главным ресурсом влияния [Самые влиятельные... 2004: 18–35]. Во-вторых, с 2000 по 2003 г. увеличилось среднее число представителей исполнительной власти, названных влиятельными в экономике: губернаторов (от 0,63 до 0,98), заместителей губернаторов (от 0,85 до 1,98) и мэров (от 0,74 до 2,09) [Самые влиятельные... 2004: 36–44]. Неслучайно объяснению открытого или теневого характера контроля над экономическими ресурсами, обусловившими вхождение в экономическую элиту руководителей региональных администраций, посвящен целый блок в структуре экспертных комментариев.

Заметим, что исследования ЦРПИ и ИСАНТа оказали значительное влияние на довольно широкий круг авторов [Мордасов 2004, Леденева 2006, Очирова 2012 и др.].

Перечисленные работы относятся к плюралистическому направлению. Теперь разберем другую точку зрения. Для этой совокупности исследований характерны моноцентристские взгляды авторов.

Д. В. Покатов и З. М. Дыльнова составили классификацию субъектов федерации по типам регионального развития и формам взаимодействия политических и бизнес-элит [Покатов, Дыльнова 2016]. Сегменты региональной элиты они рассматривают как взаимодействующие группы, обладающие относительной автономностью друг от друга. Исследователь Ю. К. Драганова также установила, что в Ставропольском крае наблюдается сращивание политической и бизнес-элит [Драганова 2012]. Вызывает интерес работа С. Ю. Бычкова, который с помощью контент-анализа публикаций в СМИ пришел к выводу, что между крупным бизнесом и региональной властью в Нижегородской области существуют «партнерские отношения» [Бычков 2012]. Применение контент-анализа в связке с позиционным методом — один из перспективных вариантов при изучении региональных бизнес-элит.

Некоторые российские ученые акцентируют внимание на том, что топ-менеджеры могут быть частью политической элиты. Например,

К. В. Востриков писал, что в Кузбассе при А. Тулееве управляющие финансово-промышленных групп безусловно входили в политическую элиту [Востриков 2020], а Т. Е. Бейдина и А. В. Новикова рассматривали руководителей крупного бизнеса, поддерживающих политику руководства Забайкальского края, как членов региональной политической элиты [Бейдина, Новикова 2017]. Вместе с тем думается, что топ-менеджеры имеют значительно меньше ресурсов по сравнению с собственниками компаний, следовательно, они должны иметь меньшее представительство в региональной элите. Поэтому мы выдвигаем следующую гипотезу: «в числе самых влиятельных лиц в экономике субъекта РФ топ-менеджеры менее представлены, чем собственники компаний».

Кроме этого, есть работы, которые сложно отнести к какому-либо направлению. Например, в поле зрения молодых ученых кадровый [Крицкая 2014] и инвестиционный [Савкин 2015] аспекты взаимоотношений бизнеса и власти, а также гендерный аспект: модели рекрутирования женщин в экономическую элиту [Воронкова 2019].

Итак, однозначного ответа о доминирующей конфигурации власти на региональном уровне в России нет. Есть работы, в которых авторы приходят к выводам о «монолитности» элитных групп, но также существуют исследования, подчеркивающие очевидность плюрализма постсоветских элит. Таким образом, выполнимость второго условия под вопросом. Однако считаем, что с некоторыми допущениями применение позиционного анализа для идентификации региональных бизнес-элит возможно.

Мы установили, что предприниматели являются одним из сегментов экономической элиты. Они существуют в системе не сами по себе, а взаимодействуют с другими субъектами властных отношений. Опишем тенденции развития российской системы, по сути сделав акцент на внешнюю для бизнеса среду — политическую иерархию. Это необходимо для понимания существующих правил игры и ценностных установок действующих лиц.

Консенсусная модель структуры элиты М. Бёртона и Дж. Хигли описывает политические соглашения, которые возникали в результате достаточно сильных кризисов между национальными политическими элитами и приводили к созданию картелей по разделению власти [Higley, Burton 1998]. Соглашения возникают как исторические случайности, но это датируемые события, особенности которых могут быть изучены в значительной мере. Падение коммунистического режима в Советском

Союзе рассматривается Бёртоном и Хигли как результат глубоких разногласий между элитами, после того как испарились партийное и доктринальное единства. Одна часть элиты полагала, что природа советской системы «фундаментально здоровая», а другая — что она «фундаментально нездоровая». На рубеже тысячелетия виделось и то, что эта проблема актуальна и для новой России. Думается, что природа российской системы продолжает волновать умы политической элиты и при правлении Владимира Путина. Ну и что?

Сергей Петрович Перегудов считал, что в России существует «тенденция» корпоративно-бюрократического симбиоза, при котором чиновники и корпоративная элита вовлечены в коррупционные отношения [Peregudov 2009]. И если подсистема политико-экономических кланов продолжит консолидироваться, то ее недостатки станут более заметными, а значит появится больше сторонников ее демонтажа. Таким образом, укрепление коррупционного симбиоза следует рассматривать как одну из предпосылок к возникновению системного кризиса, при котором мнения правящей элиты о природе российской системы и ее «подсистемы» будут полярными.

Пока же влиятельные российские бюрократы рассматривают занимаемые официальные должности в качестве бизнеса. Высшие должностные лица субъектов федерации входят в «верхний этаж» политической системы, но их замы монополизировали административные функции и имеют еще большие аппетиты. Это представители нового правящего класса, которые стремятся «приватизировать функции принятия решений». Например, первый вице-губернатор, руководитель аппарата главы администрации Тамбовской области в 2016–21 гг. [Соловьев 2021].

Перегудов полагал, что на региональном и локальном уровнях между чиновниками и крупными корпорациями распространены договорные отношения [Peregudov 2009]. Таким образом, идентифицировав бизнес-элиту Тамбовской области с помощью позиционного и репутационного методов, можно установить представителей крупного бизнеса, вовлеченных в договорные отношения.

Рейтинги

В работе «Властвующая элита» Ч.Р. Миллса экономическая сфера рассматривается как одна из трех главенствующих в американском обществе иерархий. Согласно позиционному методу идентификации

экономической элиты, влиятельными являются владельцы крупных частей акционерной собственности, а также руководители крупнейших по своему обороту и капиталу корпораций. Эти же экономические показатели корпораций используются для составления десятков, если не сотен всевозможных рейтингов. В качестве примера приведем наиболее известные из них. Так, среди глобальных экономических рейтингов на общем фоне выделяются аналитические отчеты PwC, Fortune и Forbes, финансовые показатели российских компаний находятся в центре внимания РБК, а экономические районы центральной России — агентства ABIREG.RU.

PwC составляет ежегодные отчеты Global Top 100. Крупнейшие публичные компании мира ранжируются по их рыночной капитализации в долларах США [Global Top 100... 2021].

Американский журнал Fortune также занимается изучением экономических процессов. С 1955 г. ежегодно составляется рейтинг 500 крупнейших компаний мира по версии Fortune. Компании ранжируются по общей выручке за соответствующие финансовые годы [Methodology for Global 500 2021].

Американский журнал Forbes с 2003 г. ежегодно составляет рейтинг GLOBAL 2000. Крупнейшие публичные компании мира оцениваются по четырем параметрам: продажи, прибыль, активы и рыночная стоимость. Используя доступные финансовые данные за последние 12 месяцев, Forbes составляет четыре отдельных списка по каждому из параметров. По состоянию на 22 апреля 2022 г. в список «Продажи 2000» вошли компании, перешагнувшие минимальные значения отсечения в 5,5 млрд долларов, «Прибыль 2000» — 493 млн долларов, «Активы 2000» — 13,7 млрд долларов и «Рыночная стоимость 2000» — 7,6 млрд долларов. Компания имеет право на включение в GLOBAL 2000, если соответствует по крайней мере одному из показателей. Метрики компании — это значения, соответствующие позициям организации внутри списков 2000. В том случае если показатели компании ниже, чем минимальные значения отсечения, то метрика компании по этому показателю равна нулю. Для каждой компании рассчитывается и сводная оценка (общий балл), которая получается в результате сложения всех четырех метрик компании. Компании ранжируются по убыванию параметра «сводная оценка» [The Global 2000... 2022].

Информационное агентство РБК составляет ежегодный рейтинг РБК 500. Участники рейтинга — крупнейшие российские компании.

Согласно методике, их список ранжируется по выручке [В рейтинге крупнейших... 2020].

Агентство бизнес-информации (ABIREG.RU) при составлении рейтинга крупнейших компаний Черноземья использует ранжирование участников рейтинга по убыванию на основании критерия «Выручка» [Топ-100 — живи и процветай... 2016].

Нормативно-правовая база

В выборке исследования находятся юридические лица, зарегистрированные на территории Российской Федерации, следовательно на них распространяется действие российского законодательства. Гражданско-правовые отношения в России регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ), а также другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами в сфере гражданского права.

Во-первых, нам понадобится редакция ГК РФ, действующая на момент, соответствующий контрольной точке исследования. Согласно структуре части первой ГК РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Часть первая... 1994], информация о юридических лицах содержится в главе 4. Однако за исключением параграфа 1 главы 4 нас интересуют только те части этой главы, в которых описываются правовые отношения, свойственные объектам выборки. Чтобы выделить из структуры документа нужные параграфы, мы рассмотрим данные об организационно-правовых формах объектов выборки. Это можно сделать на основании кодов, присвоенных организациям, в соответствии с общероссийским классификатором организационно-правовых форм (ОКОПФ) [О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора организационно-правовых форм ОК 028-2012... 2012].

Согласно перечню юридических лиц, каждой организации присвоен один из трех кодов по ОКОПФ: 12300, 12247 или 12267. Все они принадлежат коммерческим корпоративным организациям (далее — корпорациям), являющимся хозяйственными обществами. В главе 4 ГК РФ правила, регулирующие деятельность корпораций, изложены в параграфе 2. И снова нам необходимо отсеять «лишнее». В этот раз мы отберем лишь те статьи федерального закона, которые касаются только хозяйственных обществ.

Для начала выделим информацию, которая относится к каждому объекту. В статьях 66–68 ГК РФ законодатель приводит «Общие положения

о хозяйственных товариществах и обществах». Следовательно, эти положения необходимы для нашей работы. Теперь мы снова обратимся к статистическим кодам корпораций. Одна часть корпораций имеет организационно-правовую форму «общество с ограниченной ответственностью» (код 12300 по ОКОПФ). Положения об обществах с ограниченной ответственностью перечислены в статьях 87–94 ГК РФ. Другая часть корпораций — это «акционерные общества» (коды 12247 и 12267 по ОКОПФ). Для них действуют правила, описанные в статьях 96–104 ГК РФ.

Во-вторых, нам понадобятся федеральные законы, определяющие правовое положение корпораций, права и обязанности их участников, порядок создания, реорганизации и ликвидации обществ. Это Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Об обществах с ограниченной ответственностью... 1998] и Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об акционерных обществах» [Об акционерных обществах... 1995].

В-третьих, необходимы документы, регламентирующие присвоение юридическим лицам, их филиалам и обособленным подразделениям территориальными органами Росстата в субъектах Российской Федерации кодов по Общероссийскому классификатору государственной власти и управления (ОКОГУ) [О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора органов государственной власти и управления ОК 006-2011... 2011], Общероссийскому классификатору форм собственности (ОКФС) [О принятии и введении в действие Общероссийских классификаторов... 2008] и ОКОПФ [О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора организационно-правовых форм ОК 028-2012 ... 2012].

В-четвертых, положение Банка России от 30.12.2014 № 454-П (ред. от 25.05.2018) «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» [О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг... 2015], в котором урегулированы вопросы обязательного раскрытия информации акционерными обществами. На основании списка аффилированных лиц составляется список основных акционеров (участников) общества.

В-пятых, Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. 28.11.2018) [О бухгалтерском учете... 2011]. Исходя из пункта 1 статьи 18 организации государственного сектора и Банк России не обязаны предоставлять «по одному обязательному экзем-

пляру годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности в орган государственной статистики по месту государственной регистрации». Кроме того, согласно части 7.1 статьи 13, существуют случаи, когда «законодательством Российской Федерации или договором предусмотрено представление бухгалтерской (финансовой) отчетности другому лицу или в государственный орган». Здесь идет речь в том числе об организациях, представляющих бухгалтерскую (финансовую) отчетность в Центральный банк Российской Федерации. Таким образом, организации, на которые распространяется действие пункта 1 статьи 18 и части 7.1 статьи 13 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ, не попадут в нашу выборку и у организаций, предоставляющих услуги проверки контрагентов, не будет сведений об объектах бухгалтерского учета этих экономических субъектов. Значит, в выборке не окажется государственных университетов, банков и т.д.

Методы

Методом сбора и обработки информации является контент-анализ. На основании финансовой отчетности хозяйственных обществ мы сочли возможным построение модели иерархии крупнейших региональных корпораций. Это можно сделать путем ранжирования по показателю «Выручка», выборки компаний, зарегистрированных на территории субъекта РФ. В качестве смысловых единиц анализа выступают названия компаний, а показателем их значимости — объем выручки.

Объект исследования — корпорации. Перед началом анализа нам необходимо конкретизировать объект исследования с точки зрения его производственно-территориальной общности. Его пространственные границы — регион регистрации; временные границы — контрольная точка исследования. Для достижения цели нашей работы мы укажем следующие характеристики: Тамбовская область, 2018 г. Кроме этого, нам понадобится определить минимальное значение отсечения корпораций по показателю «Выручка». То есть в выборке окажутся только те компании, чьи показатели выручки превышают минимальное значение отсечения. Оценка минимального значения отсечения определяется экспертом. В нашем случае это 2 млрд рублей.

Теперь мы построим выборку компаний с соблюдением следующих условий запроса: А) статус — действующие, в состоянии банкротства, в состоянии ликвидации; В) регион регистрации — Тамбовская область; С) вид деятельности/отрасль — любая; D) выручка — за 2018 г. (фильтр:

в отчетном периоде от 2 млрд рублей); Е) код налогоплательщика. К полученному списку организаций применяем операцию «ранжирование по убыванию» на основании критерия «Выручка». Ранжирование объектов на основании количественного признака — выручки за N год — дает рейтинг, вероятно, самых крупных корпораций в субъекте РФ.

Также нам понадобятся коды статистики, присвоенные объектам выборки, а именно ОКОГУ, ОКФС и ОКОПФ. Коды статистики необходимы для того, чтобы все множество объектов поделить на участки и каждой области присвоить метку класса — тип. В данном случае у нас M классов, которые могут пересекаться. Например, корпорации, имеющие организационно-правовую форму «общество с ограниченной ответственностью» (ОКОПФ: код 12300), и корпорации, относящиеся к «непубличным акционерным обществам» (ОКОПФ: код 12267), по форме собственности могут быть частными (ОКФС: код 16).

Сведения о кодах статистики могут быть получены посредством обращения к базам сайтов проверки контрагентов. Для этого воспользуемся поиском внутри сайта, указав ИНН корпорации. Заметим, что вне зависимости от выбранной базы данные о кодах статистики, присвоенных объектам, указываются на момент обращения к базе. Исторические изменения, в том числе статистических кодов, могут быть доступны на сайтах проверки контрагентов и отслеживаются отдельно. Однако мы не можем получить сведения об исторических изменениях кодов статистики организации на сайте Росстата [Получение данных о кодах статистики и перечня форм...]. Более того, поиск на сайте Росстата выдает результаты запроса только для действующих организаций. Если организация ликвидирована, то система выдаст следующее сообщение: «По вашему запросу ничего не найдено». Поэтому мы обращались к данным, представленным на портале Rusprofile.ru.

Выписав для каждого объекта соответствующие статистические коды, установим ФИО руководителя или наименование и ФИО руководителя управляющей организации корпорации, а также названия их должностей. Информация доступна на сайтах проверки контрагентов, в том числе на портале Rusprofile.ru.

На следующем этапе мы получим сведения о совладельцах хозяйственных обществ. Изучим составы участников обществ с ограниченной ответственностью (ООО), а также списки аффилированных лиц акционерных обществ. Только в первом случае для выполнения этого действия нам понадобится сервис проверки контрагентов, а во втором —

сервер раскрытия информации либо сайты корпораций. В том случае, если при анализе акционерного общества списки аффилированных лиц, соответствующие контрольной точке исследования, по каким-либо причинам нам недоступны, мы обращаемся к аудиторскому заключению о годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности общества либо к пояснению к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах за год, закончившийся 31 декабря 2018 г. Они также могут быть недоступны. Тогда мы можем обратиться к документам, составленным за 2019 г. Нередко сведения о структуре акционерного (складочного) капитала, основных акционерах (участниках) указываются сразу за несколько лет, предшествующих последнему отчетному периоду.

После того как мы составили перечень корпораций, получивших самый высокий рейтинг, и провели их классификацию, приступим к определению персонального состава бизнес-элиты. Согласно концепции позиционного метода, в составе экономической элиты существуют две когорты: А) ведущие администраторы из мира корпораций (далее — топ-менеджеры) и В) крупнейшие богачи из мира корпораций (далее — собственники компаний). Четких границ между этими двумя группами нет, ведь их составы тесно переплетаются в сложной структуре корпоративной собственности. Однако с учетом того, что оптика нашего исследования настроена под идентификацию экономической элиты на региональном уровне, мы приводим следующие авторские определения.

Персона, осуществляющая полномочия единоличного исполнительного органа общества (генеральный директор, директор), либо руководитель управляющей организации является топ-менеджером.

Собственники компаний — это физические лица — владельцы крупных частей уставного капитала корпорации.

В наиболее общем упрощенном виде таковы главные условия отнесения персоны к той или иной группе. В зависимости от типа корпорации могут меняться условия отнесения персоны к когортам топ-менеджеров и собственников компаний.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

(А) Крупнейшие компании Тамбовской области и их классификация

Несмотря на то что сфера влияния бизнесмена редко совпадает с территориальными границами российских регионов, активы размещаются

там, где существует определенная договоренность с действующей властью. В обмен на региональные субсидии из бюджета и/или иные блага предприниматели инвестируют в производственные мощности именно этой территории. Поэтому вначале нам следует очертить круг крупных корпораций.

Составим таблицу, в которой будет представлена выборка крупнейших компаний Тамбовской области с указанием их вида деятельности и объемов их выручки за 2018 г. (табл. 1). Порядок корпораций выбран на основании операции «Ранжирование по убыванию» по критерию «Выручка».

Таблица 1

Ранжирование компаний, зарегистрированных в Тамбовской области, с выручкой более 2 млрд руб. в 2018 г.

Ранг	Краткое наименование	Вид деятельности/отрасль	Выручка, млн руб.
1	2	3	4
1	ООО «Русагро-сахар»	Торговля оптовая сахаром, шоколадом и сахаристыми кондитерскими изделиями	23 593 717
2	ООО «Тамбовский бекон»	Разведение свиней	21 445 614
3	АО «Тамбовнефтепродукт»	Торговля розничная моторным топливом в специализированных магазинах	14 851 996
4	ОАО «Токаревская птицефабрика»	Разведение сельскохозяйственной птицы	11 483 001
5	ООО «Русагро-Тамбов»	Производство сахара	10 268 885
6	ООО «Газпром межрегионгаз Тамбов»	Торговля оптовая твердым, жидким и газообразным топливом и подобными продуктами	9 713 505
7	ООО ГК «Надежда-Фарм»	Торговля оптовая фармацевтической продукцией	7 723 105
8	ПАО «Пигмент»	Производство красителей и пигментов	7 676 218
9	АО «Инжавинская птицефабрика»	Разведение сельскохозяйственной птицы	7 341 781
10	АО «Избердеевский элеватор»	Хранение и складирование зерна	6 434 208
11	ООО «Юго-Восточная агрогруппа»	Выращивание сахарной свеклы	6 373 544

Продолжение табл. 1

Ранг	Краткое наименование	Вид деятельности/отрасль	Выручка, млн руб.
1	2	3	4
12	АО «ТОСК»	Торговля электроэнергией	6 258 487
13	ПАО «Тамбовская энергосбытовая компания»	Торговля электроэнергией	6 239 547
14	ООО «Агротехнологии»	Выращивание сахарной свеклы	6 080 914
15	ООО «ТД «Транссервис»	Торговля оптовая твердым, жидким и газообразным топливом и подобными продуктами	5 708 097
16	ООО «Металл сервис»	Производство профилей с помощью холодной штамповки или гибки	5 610 221
17	ООО «Тамбовская индейка»	Разведение сельскохозяйственной птицы	5 514 893
18	ПАО «Электроприбор»	Производство навигационных, метеорологических, геодезических, геофизических и аналогичного типа приборов, аппаратуры и инструментов	5 205 911
19	ООО «Кристалл»	Производство сахара	5 026 694
20	ООО «Тамбовстрой»	Строительство жилых и нежилых зданий	4 299 526
21	ООО «СКХ»	Производство продуктов мукомольной и крупяной промышленности	4 091 032
22	ЗАО «Уваровский сахарный завод»	Производство сахара	4 051 682
23	ООО «Группа компаний Русагро»	Консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления	3 881 586
24	ООО «Роспромстрой»	Производство профилей с помощью холодной штамповки или гибки	3 847 409
25	ООО «Эйджи-ойл»	Торговля оптовая специализированная прочая	3 729 377
26	АО «Октябрьское»	Торговля оптовая машинами, оборудованием и инструментами для сельского хозяйства	3 414 672

Продолжение табл. 1

Ранг	Краткое наименование	Вид деятельности/отрасль	Выручка, млн руб.
1	2	3	4
27	ООО «АБЗ Ленинский»	Производство товарного бетона	3 212 849
28	ООО «КЗНМ»	Производство нетканых текстильных материалов и изделий из них, кроме одежды	3 205 237
29	АО «ЗАВКОМ»	Производство оборудования для обработки материалов с использованием процессов, включающих изменение температуры, не включенного в другие группировки	3 022 007
30	ООО «Бегемот»	Торговля розничная в неспециализированных магазинах	2 938 981
31	АО «МЛРЗ «Милорем»	Предоставление услуг по восстановлению и оснащению (завершению) железнодорожных локомотивов, трамвайных моторных вагонов и прочего подвижного состава	2 822 716
32	ООО «ФосАгро-Тамбов»	Торговля оптовая удобрениями и агрохимическими продуктами	2 778 966
33	ООО «Э.П.Ф.»	Торговля оптовая неспециализированная	2 707 713
34	АО «ТСК»	Передача электроэнергии и технологическое присоединение к распределительным электросетям	2 575 153
35	ООО «Воронежсахар»	Производство сахара	2 465 902
36	АО «Изорок»	Производство минеральных тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий	2 452 035
37	ООО «Агрохимцентр Тамбов»	Торговля оптовая химическими продуктами	2 321 657
38	ООО «Андора»	Торговля розничная преимущественно пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями в неспециализированных магазинах	2 254 027

Окончание табл. 1

Ранг	Краткое наименование	Вид деятельности/отрасль	Выручка, млн руб.
1	2	3	4
39	ЗАО «Корпорация Малком»	Торговля оптовая удобрениями и агрохимическими продуктами	2 213 374
40	АО МПК «Максимовский»	Производство масел и жиров	2 206 672
41	ОАО «Крахмалопродукт»	Производство крахмала	2 121 419
42	ОАО «ТАКФ»	Производство шоколада и сахаристых кондитерских изделий	2 110 776
43	ООО «Мега»	Торговля оптовая лесоматериалами, строительными материалами и санитарно-техническим оборудованием	2 064 229
44	ООО «Черноземье»	Строительство жилых и нежилых зданий	2 058 837

Вычислим совокупную выручку участников рейтинга и дадим ей краткую характеристику. В 2018 г. совокупная выручка участников рейтинга составила 245,39 млрд рублей. На первые десять компаний списка приходится почти половина совокупной выручки рейтинга. Средняя выручка участников рейтинга в 2018 г. — 5,57 млрд рублей.

Составим алгоритм, позволяющий определить персональный состав бизнес-элиты субъекта РФ. Для начала поделим совокупность объектов выборки по типам на основании наименования формы собственности (табл. 2).

Согласно ОКФС, существует три группировки кодов форм собственности организаций — российская собственность, иностранная собственность и совместная российская и иностранная собственность. Назовем эти группировки типами. Организации, имеющие одинаковые коды позиций в ОКФС, принадлежат к одному подтипу. Название подтипов соответствует коду позиции в ОКФС. Таким образом, существует 15 подтипов организаций, принадлежащих к типу 1, а также по пять подтипов организаций типов 2 и 3 (табл. 2). Например, орган государственной статистики по месту государственной регистрации юридического лица присвоил ему цифровой код 16, соответствующий его

Таблица 2

Типы корпораций на основании формы собственности

Тип	Наименование формы собственности организации	Код позиции в ОКФС
1	2	3
Тип 1	Российская собственность	11 (12, 13)*; 14; 15 (50–54)*; 16 ; 17 (40 (41, 42 , 43)*, 49)*; 18; 19; 61
Тип 2	Иностранная собственность	21; 22; 23 ; 24; 27
Тип 3	Совместная российская и иностранная собственность	31; 32; 33; 34 ; 35
* В скобках указаны уточняющие коды.		
Полужирное начертание применено к кодам, присвоенным компаниям, встречающимся в нашей выборке.		

позиции в ОКФС. Согласно нашей методологии, это хозяйственное общество относится к типу 1 подтипу 16.

Теперь мы рассмотрим каждый объект выборки на основании цифрового кода его позиции в ОКФС. Это позволит распределить корпорации по типам и подтипам, присвоив им соответствующие значения. В выборке встречаются только четыре подтипа организаций, каждый из которых имеет свои специфические особенности.

Далее установим принадлежность объектов каждого подтипа к одной из двух категорий. Для этого нам понадобятся коды позиций организаций в ОКОПФ. Как мы уже писали, корпорации в нашей выборке имеют организационно-правовую форму либо «общество с ограниченной ответственностью» (категория А), либо «акционерное общество» (категория В).

Обе категории хозяйственных обществ могут быть различными по составу участников. В зависимости от подтипа корпорации и категории, к которой она относится, можно выделить несколько видов корпораций. Количество видов в зависимости от региона может меняться. При анализе выборки тамбовских корпораций мы выделили восемь видов (табл. 3). Чтобы завершить данный этап классификации объектов, присвоим каждой организации соответствующие значения.

Также существует разделение корпораций по подвидам (табл. 4) на основании детального анализа состава участников обществ. Подвид не имеют только корпорации типа 8. Ведь нам неизвестен состав участников общества, а значит, и уточнить его особенности мы не можем.

Таблица 3

Виды корпораций на основании анализа состава их участников

Вид	Состав участников	Подтип и категория корпорации
1	2	3
1	Граждане РФ	Подтип 16 кат. А, В
2	Российские компании	Подтип 16 кат. А, В
3	Российские компании и граждане РФ	Подтип 16 кат. А, В
4	Граждане РФ, а также исполнительный орган власти субъекта РФ, осуществляющий управление собственностью субъекта РФ	Подтип 42 кат. В
5	Иностранные юридические лица	Подтип 23 кат. В
6	Иностранные юридические лица и граждане РФ	Подтип 34 кат. А
7	Иностранные и российские компании	Подтип 34 кат. А
8	Установить не удалось	Подтип 16 кат. В

Таблица 4

Подвиды корпораций

Вид	Подвид	Участники общества
1	2	3
1	1-1	Физическое лицо
1	1-2	Несколько физических лиц
2	2-1	Общество с ограниченной ответственностью
2	2-2	Акционерное общество
2	2-3	Несколько обществ с ограниченной ответственностью
2	2-4	Общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество
2	2-5	Несколько акционерных обществ
3	3-1	Акционерное общество и физическое лицо
3	3-2	Общество с ограниченной ответственностью и несколько физических лиц
4	4-1	Физические лица, а также исполнительный орган власти субъекта РФ, осуществляющий управление собственностью субъекта РФ
5	5-1	Иностранные юридические лица
6	6-1	Иностранные юридические лица и гражданин РФ
6	6-2	Иностранные юридические лица и граждане РФ
7	7-1	Иностранное юридическое лицо и российское акционерное общество

Завершив операцию по систематизации корпораций на основании состава их участников, переходим к следующему шагу, непосредственно к работе со списками топ-менеджеров и собственников компаний.

Собственниками компаний являются физические лица — владельцы уставного капитала обществ.

Основываясь на нормативно-правовой базе исследования, заметим, что в статье 3 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. 28.11.2018) приводится следующее определение: «руководитель экономического субъекта — лицо, являющееся единоличным исполнительным органом экономического субъекта, либо лицо, ответственное за ведение дел экономического субъекта, либо управляющий, которому переданы функции единоличного исполнительного органа» [О бухгалтерском учете... 2011]. Руководители экономических субъектов (далее — руководители) являются представителями когорты топ-менеджеров. Однако не каждого руководителя мы однозначно будем считать топ-менеджером. Так, существуют корпорации, в которых мы можем установить руководителей, но эти персоны будут принадлежать к когорте собственников компаний, поскольку каждый из них владеет некоторой долей уставного капитала общества. Из этого следует, что все корпорации имеют одну из двух форм: форма 1 — обществом руководит один из его участников; форма 2 — обществом руководит наемный топ-менеджер. Корпорации, имеющие форму 1 вне зависимости от подвида, не имеют представителей когорты топ-менеджеров.

Составим таблицу 5, в которой объекты выборки разделены на группы в соответствии с предложенной классификацией. Для улучшения качества восприятия информации выделим ячейки таблицы для организаций с формой 1.

Таблица 5

Классификация компаний, зарегистрированных на территории Тамбовской области, с оборотом выше 2 млрд рублей по итогам 2018 г.

Тип	Подтип	Кат.	Вид	Подвид	Форма	Участники рейтинга
1	2	3	4	5	6	7
1	16	A	1	1-1	1	ООО «АБЗ Ленинский»; ООО «Бегемот»; ООО «ГК «Надежда-Фарм»; ООО «Мега»; ООО «Металл сервис»; ООО «Черноземье»

Продолжение табл. 5

Тип	Подтип	Кат.	Вид	Подвид	Форма	Участники рейтинга
1	2	3	4	5	6	7
1	16	A	1	1-2	1	ООО «ТД «Транссервис»; ООО «Эйджи-Ойл»
1	16	A	1	1-2	2	ООО «Андора»; ООО «Воронежсахар»; ООО «КЗНМ»; ООО «Кристалл»; ООО «СКХ»; ООО «Э.П.Ф.»; ООО «Юго-Восточная агро-группа»
1	16	A	2	2-1	2	ООО «Агротехнологии»; ООО «Русагро-Сахар»; ООО «Русагро-Тамбов»; ООО «Тамбовский бекон»; ООО «ФосАгро-Тамбов»
1	16	A	2	2-2	2	ООО «Агротехцентр Тамбов»
1	16	A	2	2-3	2	ООО «Газпром межрегионгаз Тамбов»
1	16	A	3	3-1	2	ООО «Группа Компаний Русагро»
1	16	B	1	1-1	1	АО МПК «Максимовский»; ОАО «Крахмалопродукт»
1	16	B	1	1-2	1	АО «Избердеевский элеватор»
1	16	B	1	1-2	2	АО «Октябрьское»
1	16	B	2	2-1	2	АО «Завком»; АО «Инжавинская птицефабрика»; АО «Тамбовнефтепродукт»; ЗАО «Уваровский сахарный завод»
1	16	B	2	2-4	2	АО «МЛРЗ «Милорем»; ПАО «Тамбовская энергосбытовая компания»
1	16	B	2	2-5	2	ПАО «Электроприбор»; ОАО «ТАКФ»; ОАО «Токаревская птицефабрика»
1	16	B	3	3-2	1	ПАО «Пигмент»
1	16	B	3	3-2	2	АО «ТОСК»

Окончание табл. 5

Тип	Подтип	Кат.	Вид	Подвид	Форма	Участники рейтинга
1	2	3	4	5	6	7
1	16	В	8	Нет	2	ЗАО «Корпорация Малком»
1	42	В	4	4-1	2	АО «ТСК»
2	23	В	5	5-1	2	АО «Изорок»
3	34	А	6	6-1	1	ООО «Тамбовстрой»
3	34	А	6	6-2	1	ООО «Роспромстрой»
3	34	А	7	7-1	2	ООО «Тамбовская индейка»

(В) Правила, позволяющие установить персональный состав бизнес-элиты с помощью позиционного метода

При проверке алгоритма на отдельных объектах выборки главное условие отнесения персон к когорте собственников компаний может быть скорректировано в зависимости от категории и подвида корпорации. Запишем два общих правила, которые применяются к некоторым группам компаний:

Правило 1. Если в рейтинге встречается дочернее общество крупной корпорации, в которой основными акционерами являются государственные организации, то собственником компании является руководитель материнской компании.

Правило 2. Мы исключаем из анализа участника общества, если у нас нет доступа к списку аффилированных лиц общества или к документам о его бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Кроме этого, существуют некоторые особенности. Рассмотрим это на практических примерах.

В корпорациях, имеющих подвиды 1-1 и 1-2, все участники общества являются собственниками компаний.

Пример 1: в корпорации ООО ГК «Надежда-Фарм» единственным учредителем является А. Л. Хорошков. Он же генеральный директор организации. Применяв вышеописанное правило, отнесем Александра Хорошкова к когорте собственников компаний.

Пример 2: уставной капитал ООО «ТД “Транссервис”» образован несколькими учредителями: П. В. Корчагиным (50 %), осуществляющим полномочия генерального директора организации, Е. Н. Осмоловской (31,25 %), Д. Д. Осмоловской (6,25 %), Р. И. Осмоловской (6,25 %) и С. В. Осмоловским (6,25 %). Согласно нашей методике, все участники общества должны быть отнесены к группе собственников компаний.

При определении собственников компаний в корпорациях категории А подвида 2-1, действует следующее основное правило: корпорации, имеющие организационно-правовую форму «общество с ограниченной ответственностью», в которых единственным участником уставного капитала выступает другое общество с ограниченной ответственностью, являются дочерними обществами крупных корпораций. В таком случае собственниками компании являются физические лица — участники материнской компании.

Пример 3: корпорации «Агротехнологии» (руководитель И. М. Ненашев), «Русагро-сахар» (руководитель В. А. Боковой), «Русагро-Тамбов» (руководитель В. В. Назаров) и «Тамбовский бекон» (руководитель М. Д. Басов) контролируются ООО «Группа Компаний Русагро», которому принадлежат 100 % уставного капитала обществ. Эта материнская компания принадлежит В. Н. Мошковичу. Персона Мошковича отнесена нами к когорте собственников компаний, а топ-менеджерами являются руководители перечисленных бизнесов.

В корпорациях категории В подвида 2-1 собственниками компаний являются физические лица, выступающие участниками общества с ограниченной ответственностью. Кроме того, на эту группу распространяется действие правила 1.

Пример 4: единственным акционером АО «Завком» является ООО «Виват». Таким образом, учредители хозяйственного общества «Виват»: В. Н. Артёмов (37 %), С. Н. Артёмов (25,9 %), А. В. Ткачёва (25,4 %) и Е. В. Ломакина (11,5 %) — это собственники компании, а генеральный директор корпорации «Завком» С. В. Булах является топ-менеджером.

В корпорациях подвида 2-2 собственники компаний — физические лица, владеющие долями в уставном капитале акционерного общества.

Пример 5: доля участия АО «Октябрьское» в уставном капитале корпорации «Агрохимцентр Тамбов» (генеральный директор Д. Ю. Еремеев) равна 100 %. Конечными бенефициарными владельцами этой корпорации являются собственники компании Т. А. Чеснокова (38,52 %) и П. В. Дробышев (29 %). Еремеев принадлежит к когорте топ-менеджеров.

К организациям подвида 2-3 применяется правило 1.

Пример 6: учредителями ООО «Газпром межрегионгаз Тамбов» (генеральный директор В. Н. Кантеев) являются ООО «Газпром межрегионгаз» (96 %; руководитель К. Г. Селезнёв) и ООО «Газпром инвест

РКГ» (4 %). Указанные компании входят в группу ПАО «Газпром». Кантеева и Селезнёва мы относим к когорте топ-менеджеров. С 13 апреля 2007 г. полномочия единоличного исполнительного органа корпорации «Газпром» осуществляет заместитель председателя совета директоров, председатель правления ПАО «Газпром» А. Б. Миллер. Эта персона принадлежит к когорте собственников компаний.

В хозяйственных обществах подвида 2-4 собственники компаний — это физические лица, выступающие участниками общества с ограниченной ответственностью, и физические лица, владеющие долями в уставном капитале акционерного общества. На организации подвида 2-4 распространяются правила 1 и 2.

Пример 7: материнской компанией корпорации ПАО «Тамбовская энергосбытовая компания» является ПАО «Интер РАО». Генеральный директор, председатель правления ПАО «Интер РАО» Б. Ю. Ковальчук является собственником компании, а персона руководителя дочерней корпорации «ТЭСК» А. С. Мурзина принадлежит к когорте топ-менеджеров.

В корпорациях подвида 2-5 собственники компаний мы можем установить, придерживаясь правил 1 и 2. Основное правило для этой группы корпораций звучит так: «Акционерные общества, в составе участников которых находятся другие акционерные общества, могут входить в структуру многопрофильных холдинговых компаний. В этом случае мы можем не иметь доступа к списку аффилированных лиц или к документам о бухгалтерской (финансовой) отчетности компаний по всей цепочке от дочернего общества до материнской компании. Однако информация о принадлежности акционерного общества к структуре холдинговой компании может быть указана на ее официальном сайте. Тогда нам достаточно установить владельцев материнской компании. Если мы не можем установить принадлежность акционерного общества к какому-либо холдингу, то исключим его из дальнейшего анализа».

Пример 8: ОАО «ТАКФ» входит в холдинг «Объединенные кондитеры». Руководство корпорацией осуществляет управляющая компания ООО «Объединенные Кондитеры». Руководитель управляющей организации Д. А. Андрюшкин и его заместитель исполнительный директор управляющей организации А. А. Саликов осуществляли оперативное текущее руководство деятельностью корпорации. Оба являются топ-менеджерами. В свою очередь, «Объединенные Кондитеры» входят

в состав многопрофильного холдинга «Группа “Гута”». Ее основатель, председатель совета директоров холдинговой компании «Гута» Ю. Н. Гущин, является собственником компании.

Основное правило для корпораций подвида 3-1: к когорте собственников компаний принадлежит физическое лицо, являющееся участником акционерного общества.

Пример 9: уставной капитал корпорации «Группа Компаний Русагро» (генеральный директор М. Д. Басов) принадлежит АО «Группа «Русагро» (99,99 %) и В. Н. Мошковичу (0,01 %). Конечным бенефициарным владельцем этой группы компаний является собственник компании В. Н. Мошкович. Согласно нашей методологии, топ-менеджером считается М. Д. Басов.

В корпорациях подвида 3-2 собственниками компаний являются владельцы общества с ограниченной ответственностью, а также физические лица, владеющие долями в уставном капитале акционерного общества.

Пример 10: полномочия единоличного исполнительного органа ПАО «Пигмент» переданы управляющей организации ООО «УК “КРАТА”». Ею руководит А. Н. Утробин. Вместе с тем он является акционером корпорации «Пигмент» (8,96 %), единственным учредителем ООО «Техинвест ТП», которое владеет крупной долей обыкновенных акций «Пигмента» (41,87 %), и учредителем управляющей организации с долей участия в уставном капитале в 85 %. Другим учредителем ООО «УК “КРАТА”» с долей участия в уставном капитале в 15 % является О. С. Подобрыйский. Кроме этого, Подобрыйский имеет 10 % акций «Пигмента». Председатель совета директоров ПАО «Пигмент» Н. П. Утробин владеет долей в уставном капитале общества в 16,37 %. Все перечисленные лица, входят в состав совета директоров ПАО «Пигмент» и принадлежат к когорте собственников компаний.

По основному правилу для корпораций подвида 4-1 собственники компаний — это участники акционерного общества: физические лица, владеющие долями в уставном капитале общества, и руководитель исполнительного органа власти субъекта РФ, осуществляющий управление собственностью субъекта РФ.

Пример 11: в нашей выборке только одна компания с кодом 42 по ОКФС — АО «ТСК». Аффилированные лица, имеющие долю участия в уставном капитале общества, — И. А. Свиридов (48,5 %), Р. Г. Яровой (26 %) и Комитет по управлению имуществом Тамбовской области

(24,9 %). Полномочия единоличного исполнительного органа «ТСК» переданы управляющей организации ООО «ФПЛК» (руководитель Г. В. Гусев). Таким образом, собственниками компании являются Иван Свиридов, Роман Яровой и вице-губернатор, председатель Комитета по управлению имуществом Тамбовской области Глеб Чулков, а топ-менеджером — Георгий Гусев.

Владельцев корпораций подвида 5-1 с помощью позиционного метода идентификации элит установить невозможно.

Пример 12: в нашем исследовании есть только одна организация, соответствующая данному параметру — АО «Изорок». Руководство корпорацией в период со 02.10.2012 г. по 25.04.2019 г. осуществлял мсьё Дюпюи в качестве генерального директора управляющей организации ООО «Сен-Гобен Строительная Продукция Рус». Таким образом, мсьё Дюпюи принадлежит к когорте топ-менеджеров.

В корпорациях, имеющих подвиды 6-1 и 6-2, собственниками компаний являются граждане РФ, владеющие долями в уставном капитале общества; подвида 7-1 — владельцы российских компаний, имеющих долю в уставном капитале общества. Изучим составы учредителей ООО «Тамбовстрой» (подвид 6-1), ООО «Роспромстрой» (подвид 6-2) и ООО «Тамбовская индейка» (подвид 7-1) на 31.12.2018 г., для того чтобы определить их владельцев.

Пример 13: более 99,99 % уставного капитала корпорации «Тамбовстрой» принадлежит кипрскому офшору «Коминал лимитед компания с ограниченной ответственностью», а оставшаяся доля <0,01 % (90 руб.) внесена ее руководителем И. В. Горбуновой.

Пример 14: кипрский офшор «Морфео холдингз лимитед» владеет долей 90 % в уставном капитале корпорации «Роспромстрой» (руководитель С. И. Клишин), а оставшаяся его часть распределена между С. А. Мельник (5 %) и М. В. Шульгиным (5 %).

Пример 15: уставной капитал «Тамбовской индейки» (руководитель Д. В. Гришин) поделен между компаниями «Корпоративная группа Фуэртес» и ПАО «Группа Черкизово» (руководитель С. И. Михайлов).

Таким образом, если при анализе корпораций, имеющих наименование формы собственности «совместная частная и иностранная собственность» (ОКФС: код 34) и организационно-правовую форму «общество с ограниченной ответственностью» (ОКОПФ: код 12300), «вынести за скобки» офшоры, то к когорте собственников компаний мы отнесем И. В. Горбунову, С. А. Мельник, М. В. Шульгина, а также крупнейших

акционеров корпорации «Группа Черкизово» С. И. Михайлова, Е. И. Михайлова и Л. И. Михайлову. Когорта топ-менеджеров представлена руководителями хозяйственных обществ С. И. Клишиным и Д. В. Гришиным.

Корпорации вида 8 не имеют подвида. В таком случае мы можем установить только топ-менеджеров, которые являются их руководителями. Ведь сведений об акционерах корпораций у нас нет.

Пример 16: о бенефициарах ЗАО «Корпорация Малком» мы ничего не знаем. Руководитель этой компании А. Ю. Кузнецов входит в когорту топ-менеджеров.

Установим топ-менеджеров и собственников компаний согласно вышеописанным правилам. В таблице 6 представлен результат этой операции для выборки компаний по Тамбовской области в 2018 г.

Таблица 6

Бизнес-элита Тамбовской области в 2018 г.

Ранг по сумме выручки	Краткое наименование	Топ-менеджеры	Собственники компаний
1	2	3	4
1	ООО «Русагро-сахар»	В.А. Боковой	В.Н. Мошкович
	ООО «Тамбовский бекон»	М.Д. Басов	
	ООО «Группа компаний Русагро»		
	ООО «Русагро-Тамбов»	В.В. Назаров	
	ООО «Агротехнологии»	И.М. Ненашев	
2	ОАО «Токаревская птицефабрика»	А.П. Фокин	В.Б. Наурузов
	АО «Инжавинская птицефабрика»		
3	АО «Тамбовнефтепродукт»	И.Ф. Перельгин	И.И. Сечин
4	ООО «Юго-Восточная агрогруппа»	Т.В. Рапиёва	Ю.М. Хохлов; Т.И. Хохлова
	ООО «Кристалл»	С.В. Пятахин	
	ООО «Воронежсахар»		
5	ООО «Газпром межрегионгаз Тамбов»	В.Н. Кантеев	А.Б. Миллер

Продолжение табл. 6

Ранг по сумме выручки	Краткое наименование	Топ-менеджеры	Собственники компаний
1	2	3	4
6	АО «ТОСК»	Г.В. Акулинина	И.А. Свиридов; Е.В. Даринов; И.А. Крапивина
	АО «ТСК»	Г.В. Гусев	И.А. Свиридов; Р.Г. Яровой; Г.И. Чулков; <i>Е.И. Свиридов</i>
7	ООО ГК «Надежда-Фарм»	–	А.Л. Хорошков
8	ПАО «Пигмент»	–	А.Н. Утробин; Н.П. Утробин; О.С. Подобрыйский
9	АО «Октябрьское»	Р.И. Тезиков	П.В. Дробышев;
	ООО «Агрохимцентр Тамбов»	Д.Ю. Еремеев	Т.А. Чеснокова; <i>А.К. Жалнин</i>
10	АО «Избердеевский элеватор»	–	Л.И. Манаенкова; Н.А. Сальникова; Ю.П. Иванников
11	ПАО «Тамбовская энергосбытовая компания»	А.С. Мурзин	Б.Ю. Ковальчук
12	ООО «ТД «Транссервис»	–	П.В. Корчагин; Е.Н. Осмоловская; Д.Д. Осмоловская; Р.И. Осмоловская; С.В. Осмоловский
13	ООО «Металл сервис»	–	К.В. Жуков
14	ООО «Тамбовская индейка»	Д.В. Гришин	С.И. Михайлов; Е.И. Михайлов; Л.И. Михайлова; <i>И.Э. Бабаев</i>
15	ПАО «Электроприбор»	В.С. Вецин	С.В. Чемезов
16	ООО «Тамбовстрой»	–	И.В. Горбунова
17	ООО «СКХ»	В.В. Кучерявый	А.А. Поляков
18	ЗАО «Уваровский сахарный завод»	К.Н. Довбыш	С.А. Демидова; П.В. Демидов

Окончание табл. 6

Ранг по сумме выручки	Краткое наименование	Топ-менеджеры	Собственники компаний
1	2	3	4
19	ООО «Роспромстрой»	С.И. Клишин	С.А. Мельник; М.В. Шульгин
20	ООО «Эйджи-ойл»	–	Е.А. Бирюков; Д.И. Почуканец; Е.О. Писарик
21	ООО «АБЗ Ленинский»	–	С.В. Бадалян
22	ООО «КЗНМ»	Е.В. Мовчан	А.А. Летучев
23	АО «Завком»	С.В. Булах	В.Н. Артёмов; С.Н. Артёмов; А.В. Ткачёва; Е.В. Ломакина
24	ООО «Бегемот»	–	Д.А. Толстых
25	АО «МЛРЗ «Милорем»	А.Н. Коршиков	А.Г. Сорокин
26	ООО «ФосАгро-Тамбов»	А.М. Вовк	А.Г. Гурьев; В.Ф. Литвиненко; Е.В. Гурьева; И.Д. Антошин
27	ООО «Э.П.Ф.»	В.Ю. Попов	М.А. Мурадов; Р.Г. Ризаев
28	АО «Изорок»	Дююи Эрван Гийом Мари	–
29	ООО «Андора»	М.А. Колмакова	К.В. Ворожейкин; В.В. Богданов
30	ЗАО «Корпорация Малком»	А.Ю. Кузнецов	–
31	АО МПК «Максимовский»	–	С.В. Максимов
32	ОАО «Крахмалопродукт»	–	Т.А. Стельмах
33	ОАО «ТАКФ»	Д.А. Андришкин; А.А. Саликов	Ю.Н. Гуцин
34	ООО «Мега»	–	А.О. Налитова
35	ООО «Черноземье»	–	А.А. Петросян

(С) Плюсы и минусы позиционного анализа региональных бизнес-элит

Предлагаемый алгоритм выполнения позиционного анализа на выборке крупнейших корпораций, зарегистрированных в субъекте РФ, имеет как преимущества, так и недостатки.

Полученная с помощью позиционного метода информация имеет следующие преимущества.

Гибкость. Алгоритм можно совершенствовать, увеличив базу исследования. Можно также экспериментировать с нижней границей отсечения крупнейших корпораций для построения выборки.

Масштабируемость. Имея понимание о трудоемкости поставленных задач для выполнения алгоритма на примере отдельного субъекта РФ, при необходимости можно анализировать объекты из других субъектов федерации. Более того, придерживаясь заданной последовательности действий, результаты построения позиционной модели в субъекте РФ можно напрямую сравнивать с ситуацией в других регионах.

Оперативность. Это преимущество — одно из ключевых для всех кабинетных исследований, в том числе для настоящего. Общую информацию о топ-менеджерах и собственниках компаний можно собрать для любого субъекта РФ и по широкому временному диапазону.

Доступность. Информацию о бухгалтерской (финансовой) отчетности корпораций можно получить из нескольких источников.

К недостаткам предложенной методики относится зачастую косвенный характер получаемой информации. Ведь мы составляем списки топ-менеджеров и собственников компаний, которые потенциально могут принимать участие в принимаемых решениях в экономике субъекта РФ. Распределение собственности в корпорациях — довольно сложный для изучения извне механизм, в котором до конца нельзя построить все связи между владельцами номинальными и бенефициарными. Кроме того, информация может быть устаревшей, так как мы всегда приступаем к анализу предыдущего отчетного периода.

Таковы основные преимущества и недостатки предложенной методики построения позиционной модели влияния региональных бизнес-элит.

(D) О некоторых собственниках компаний

Более 25 % совокупной выручки составляет оборот предприятий, принадлежащих номинальному владельцу АО «Группа Русагро»

В. Н. Мошковичу (ООО «Русагро-сахар», ООО «Тамбовский бекон», ООО «Русагро-Тамбов», ООО «Агротехнологии» и ООО «Группа компаний Русагро») — 65,27 млрд рублей. Доминирующее положение возглавляемого предприятия в структуре экономики региона является приоритетом вхождения в бизнес-элику председателя совета директоров ГК «Русагро» Вадима Мошковича. Его влияние на экономику Тамбовского края сложно переоценить. Ведь доходы бюджета Тамбовской области в 2018 г. исполнены в размере 44,7 млрд рублей, а расходы — 44,99 млрд рублей [Отчет об исполнении консолидированного бюджета на 1 января 2019 года...]. Таким образом, ГК «Русагро» является крупным экономическим объектом с финансовыми ресурсами, превышающими показатели бюджета Тамбовской области.

Среди наиболее влиятельных лиц в экономике находится и председатель совета директоров группы агропредприятий «Ресурс» Виктор Наурузов. Ему принадлежит несколько производственных объектов в Тамбовской области — ОАО «Токарёвская птицефабрика» и АО «Инжавинская птицефабрика». Их оборот составил 18,82 млрд рублей.

Сразу три компании-участника рейтинга — ООО «Юго-Восточная группа», ООО «Кристалл» и ООО «Воронежсахар» — принадлежат супругам Юрию и Татьяне Хохловым. В данном случае в качестве механизма рекрутирования бизнес-элиты следует рассматривать коммерческий успех собственных бизнес-структур Юрия Михайловича. В 2018 г. выручка компаний составила 13,86 млрд рублей.

Значительные объемы контролируемых экономических ресурсов обусловили вхождение в бизнес-элику председателя совета директоров АО «ТСК» Евгения Свиридова. Его отец, Иван Свиридов, возглавляет АО «ТОСК», которое является взаимозависимым лицом с АО «ТСК». Совокупный оборот компаний — 8,83 млрд рублей.

К когорте собственников компаний в корпорациях АО «Октябрьское» и ООО «Агротехцентр Тамбов» принадлежат Т. А. Чеснокова (38,52 %) и П. В. Дробышев (29 %). Однако президент АО «Октябрьское» — депутат Тамбовской областной Думы VI созыва Александр Жалнин [Биография Жалнина... 2016]. Эта косвенная информация может свидетельствовать в пользу того, что он является бенефициарным владельцем. А. К. Жалнин не вошел в рейтинг самых влиятельных лиц Тамбовской области — 2018 (см. ниже), но именно его персону эксперты указывали в числе тех, кто обладает первым уровнем влиятельности.

Испанская компания «Корпоративная группа Фуэртес» владеет половиной уставного капитала «Тамбовской индейки» (руководитель Д. В. Гришин), а другая доля принадлежит ПАО «Группа Черкизово» (руководитель С. И. Михайлов). Среди владельцев обыкновенных акций ПАО «Группа Черкизово» есть несколько лиц, имеющих право распоряжаться более 20 % общего количества голосов общества: С. И. Михайлов (26,26754 %), Е. И. Михайлов (26,26981 %) и Л. И. Михайлова (29,6609 %). К группе лиц этого акционерного общества принадлежит и глава семьи И. Э. Бабаев. В интервью газете «Коммерсантъ» губернатор Тамбовской области А. В. Никитин [Я поверил в то... 2015] назвал именно Игоря Бабаева одним из крупнейших неместных инвесторов. Справедливо полагаем, что именно его персона должна быть в рейтинге самых влиятельных лиц, так как он обладает первым уровнем влияния.

ООО «ФосАгро-Тамбов» передало полномочия единоличного исполнительного органа управляющей организации ООО «ФосАгро-Регион». Ее с 9 августа 2017 г. возглавляет топ-менеджер А. М. Вовк. Корпорация «ФосАгро-Тамбов» имеет единственного учредителя «ФосАгро-Регион», который, в свою очередь, является дочерней компанией ПАО «ФосАгро». Таким образом, чтобы определить собственников компании, нам необходимо изучить состав основных акционеров материнской компании. На основании аудиторского заключения о бухгалтерской (финансовой) отчетности за период с 01 января по 31 декабря 2018 г. ПАО «ФосАгро» [Аудиторское заключение... 2019] мы можем указать, что Андрей Гурьев и члены его семьи выступают экономическими бенефициарами трастов Chlodwig Enterprises Limited и Aborabella Limited, владеющих долей 43,66 % от всех размещенных акций «ФосАгро». Кроме этого, Евгения Гурьева владеет 4,82 % акций. Правда, в отчете нет уточнения, какому именно Андрею Гурьеву принадлежат акции общества: Андрею Григорьевичу Гурьеву, заместителю председателя совета директоров общества, или его сыну Андрею Андреевичу, председателю правления, генеральному директору и члену совета директоров ПАО «ФосАгро». Мы не без оснований считаем, что владельцем корпорации «ФосАгро» все-таки следует называть собственника компании А. Г. Гурьева. Крупной долей также владеет В. С. Литвиненко (22,51 %), и еще 4,59 % размещенных акций принадлежит И. Д. Антошину.

Внесем в таблицу 6 персоны собственников компаний: Е. И. Свиридова, А. К. Жалнина и И. Э. Бабаева (новые сведения выделены курсивом).

(Е) Сопоставление с результатами контрольного метода

Исследование «Самые влиятельные люди Тамбовской области — 2018» проведено в период с июня 2018 по февраль 2019 г. Проект реализован по методологии О. В. Гаман-Голутвиной и методике Института ситуационного анализа и новых технологий, применявшихся в исследовании «Самые влиятельные люди России — 2003» [Самые влиятельные... 2004: 11–17]. Цель нашего исследования в том, чтобы ответить на вопросы: кто власть в обычном регионе России? Какие отношения сложились между политической и экономической элитами в Тамбовской области? Кроме того, оно позволяет провести сравнительный анализ региональной политической и экономической элит первого и четвертого президентских сроков В. В. Путина. Это становится возможным благодаря использованию однотипных методик, применявшихся в ходе экспертного опроса в настоящем исследовании и в исследовании «Самые влиятельные люди России — 2003» [Самые влиятельные... 2004: 11–17]. Всего было опрошено 33 информанта с помощью глубинного полуструктурированного интервью. Степень проявления влиятельности персон эксперты оценивали по ряду параметров, используя пятибалльную шкалу.

Среди лиц федерального уровня, участвующих в принятии ключевых решений в Тамбовской области, эксперты назвали 39 персон. Такое решение принято не менее пятью информантами. По типу влияния состав элиты федерального уровня выглядит следующим образом: в политике — 9 лиц, в экономике — 11, а «универсалов» (лица, чье влияние проявляется в обеих сферах одновременно) — 19.

Выпишем представителей бизнес-элиты в этих категориях. В когорте лиц, обладающих лишь политическим влиянием, нет представителей бизнес-элиты. Среди экономической элиты пять бизнесменов: основатель ОАО «Группа «Черкизово» И. Э. Бабаев, генеральный директор председатель правления ОАО «РЖД» О. В. Белозёров, председатель совета директоров АО «Трансмашхолдинг» А. А. Ледовских, генеральный директор ПАО «МРСК Центра», управляющей организации ПАО «МРСК Центра и Приволжья» И. В. Маковский и генеральный директор ПАО «Квадра» С. В. Семёнов. К когорте «универсалов» относятся председатель правления, заместитель председателя совета директоров ПАО «Газпром» А. Б. Миллер, генеральный директор «Госкорпорации Ростех» С. В. Чемезов и председатель совета директоров ГК «Русагро» В. Н. Мошкович.

Влияние 43 персон проявляется лишь на региональном уровне: в сфере политики — 13 лиц, в экономике — 14, и 16 лиц обладают универсальным типом влияния. По аналогии с федеральным уровнем в составе тамбовской элиты выделим представителей бизнес-элиты. Среди тамбовских политиков бизнесменов нет. В когорте экономической элиты восемь бизнесменов: председатель совета директоров АО «ЗАВКОМ», генеральный директор ООО «Виват» В. Н. Артёмов, генеральный директор ООО «Компания Козерог» П. И. Горбунов, генеральный директор ООО «Газпром межрегионгаз Тамбов» и АО «Газпром газораспределение Тамбов» В. Н. Кантеев, генеральный директор ООО «Тамбовбизнесстрой» И. В. Павлов, заместитель генерального директора ОАО «ТАКФ» исполнительный директор управляющей организации ООО «Объединенные кондитеры» А. А. Саликов, генеральный директор ООО «УК «КРАТА» А. Н. Утробин, генеральный директор ООО «ГК АСБ» Ю. М. Хохлов и генеральный директор ООО «Спецстройинвест» А. Н. Шурлаев. Кроме того, на принимаемые в экономике области решения оказывал влияние выходец из бизнеса, а ныне глава Тамбовского района А. В. Бородин. Среди «универсалов» влиятельны два выходца из бизнеса — это депутаты ГД ФС РФ VII созыва, члены фракции «Единая Россия» А. В. Жупиков и А. А. Поляков.

Сопоставим данные, полученные с помощью репутационного и позиционного методов идентификации элит. Для этого нам потребуется снова обратиться к таблице 6. В столбцах 3 и 4 содержится информация о топ-менеджерах и собственниках компаний. В тех случаях, когда информация совпадает со сведениями о «репутационной» бизнес-элите, выделим отдельные ячейки, используя инструмент «Заливка». В нашем случае получилось 10 ячеек. В некоторых из них указано два и более лиц, обладающих потенциальными возможностями для участия в принимаемых решениях. В этом случае применим полужирное начертание к фамилиям, именам и отчествам отдельных персон, которых указали влиятельными эксперты. Эта операция коснулась информации в пяти ячейках. Таким образом, к бизнес-элите, идентифицированной обоими методами, относятся 10 персон из девяти корпораций. Восемь бизнесменов являются представителями когорты собственников компаний и лишь двое — топ-менеджеры. Гипотеза доказана.

ВЫВОДЫ

На наш взгляд, позиционный метод является довольно гибким и удобным для изучения когорты бизнес-элиты. Во-первых, концепты «администраторов» и «богачей», введенные в научный оборот Ч. Р. Миллсом, применимы для описания текущей реальности в Российской Федерации. Во-вторых, позиционный метод позволяет учитывать особенности российской экономики. Корпорации в РФ и в США имеют разные организационно-правовые формы, в этих странах применяются разные правила раскрытия информации, но это не мешает при реализации алгоритма построения моделей влияния бизнес-элиты. Кроме того, рассмотренный кейс Тамбовской области доказывает, что позиционный метод подходит для изучения не только национальных, но и региональных элит. В-третьих, среди лиц, принимающих решения в экономике субъектов РФ, позиционный метод работает только с когортой бизнесменов. Представители административно-политического, финансового и хозяйственного сословий остаются за пределами позиционной модели влияния. В рейтинге не будет и «посредников» — руководителей общественных структур, формирующих мнение для бизнес-элиты или для органов власти. В-четвертых, мы можем провести прямое сравнение по финансовым показателям местного и федерального бизнеса, зарегистрированного на территории субъекта РФ.

Полагаем, что позиционный анализ — необходимый этап при изучении состава региональных экономических элит, в том числе перед проведением репутационного или решенческого исследований. Выделив позиционную бизнес-элику, мы получаем научные факты, которые сможем использовать при проведении интервью с экспертами. В первую очередь нас будут интересовать владельцы наиболее крупных активов, а во вторую — топ-менеджеры. В целом первые вопросы в интервью можно построить так: сначала попросить перечислить самых влиятельных в сфере экономики лиц, а затем уточнить, почему среди названных персон нет владельцев тех или иных активов.

Систематизация корпораций на основании состава их участников может быть доработана при изучении экономической элиты в других субъектах РФ, поскольку в настоящей выборке представлено лишь несколько подтипов корпораций. Это касается и правил отнесения персон к когортам топ-менеджеров и собственников компаний.

Репутационный метод мы использовали в качестве контрольного. Это позволило выделить из состава бизнес-элиты, обладающей позиционным влиянием, наиболее активных ее представителей. К тому же при описании этих результатов указывается соотношение бизнесменов и персон, относящихся к другим сословиям. В разных исторических пространствах в одном и том же субъекте РФ эта конфигурация может существенно отличаться. Кейс Тамбовской области характеризуется доминированием политико-административной элиты в сфере экономики.

Интересным направлением для дальнейшего изучения темы нам представляется анализ региональной бизнес-элиты в первый и второй президентские сроки В. В. Путина. Ведь отчетность предприятий, существовавших в те годы, существенно отличается от современной, поэтому предстоит найти способы ее анализа.

Литература

Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с. EDN: QILLWB.

Бейдина Т.Е., Новикова А.В. Политологические прогнозы по политическим элитам и населению Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23, № 3. С. 31–36. doi: 10.21209/2227-9245-2017-23-3-31-36. EDN: YJKAFL.

Бычков С.Ю. Основные направления взаимодействия регионального бизнеса и власти (на примере Нижегородской области) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 2. С. 14. EDN: PASQCD.

Воронкова А.И. Анализ путей рекрутирования в женскую бизнес-элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 142–162. doi:10.14515/monitoring.2019.3.09. EDN: FZRYUG.

Востриков К.В. Реформирование региональных элит в Кемеровской области при С. Цивилеве // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 3 (153). С. 158–161. doi:10.34773/EU.2020.3.33. EDN: AMYCQU.

Галлямов Р.Р., Сакаев И.Н. Тенденции взаимодействия государственной власти и региональных бизнес-элит // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 3. С. 80–87. EDN: MVTNL.

Драганова Ю.К. Социальное взаимодействие политической и бизнес-элиты в региональном государственном управлении (на примере Ставропольского края): автореф. дис. на ... канд. соц. наук. Москва, 2012. 26 с.

Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11, № 1. С. 50–70. EDN: KWVXML.

Крицкая А.А. Кадровый аспект взаимодействия власти и бизнеса // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2014. № 4. С. 273–278. EDN: TELSTN.

Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с. EDN: QONFON.

Куколев И.В. Формирование российской бизнес-элиты // Социологический журнал. 1995. Т. 0, № 3. С. 159–169. EDN: UCBIIZ.

Лапина Н.Ю. Бизнес и власть в российских регионах: новые параметры взаимодействия // Россия и современный мир. 2004. № 4 (45). С. 56–67. EDN: HLCZGX.

Леденева В.Ю. Бизнес-элита и власть в социальной структуре российского общества // Социология власти. 2006. № 2. С. 141–149. EDN: GZXHRN.

Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. 543 с.

Мордасов А.А. Новое позиционирование бизнес-элиты в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2004. 30 с.

Очирова В.М. Бизнес и власть в регионах современной России // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6. С. 181–189. EDN: OZNUST.

Покатов Д.В., Дыльнова З.М. Бизнес-элита и региональная власть: модели и формы взаимодействия // Дыльновские чтения «Социологическая диагностика современного общества»: материалы науч.-практ. конф. Саратов: Саратовский источник, 2016. С. 280–283. EDN: WFSPYF.

Савкин С.П. Взаимодействие политической и бизнес-элиты в формировании инвестиционной привлекательности Республики Мордовия // Федерализм. 2015. № 3 (79). С. 197–204. EDN: UMHAHX.

Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты России / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: ИСАНТ, 2004. 696 с.

Соловьев Д.А. Главные действующие лица региональной политики: смена элит на фоне транзита власти (Тамбовская область, 2010–2018 гг.) // Русская политология. 2021. № 2 (19). С. 127–134. EDN: IENVQO.

Чирикова А.Е. Социологическое измерение бизнес-элиты в современной России: возможности качественной методологии // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 192–215. doi:10.19181/ezheg.2018.9. EDN: XUOHND.

Шмаров А., Полуниин Ю. Все влиятельные люди России // Эксперт. 2000. № 38. С. 50–69.

Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power // Comparative Sociology. 2003. No. 2 (1). P. 1–15. doi:10.1163/156913303100418672. EDN: GTIPKB.

Higley J., Burton M. Elite Settlements and the Taming of Politics // Government and Opposition. 1998. No. 33 (01). P. 98–115. doi:10.1111/j.1477-7053.1998.tb00785.x.

Maxfield S. Capital mobility and Mexican financial liberalization // Loriaux M. (ed.) Capital Ungoverned Liberalizing Finance in Interventionist States. Ithaca: Cornell University Press, 1997. P. 92–119.

Peregudov S.P. Business and State Bureaucracy in Russia // Russian Politics & Law. 2009. No. 47 (4). P. 43–57. doi:10.2753/rup1061-1940470403. EDN: TOXEGX.

Источники

«Я поверил в то, что обновление власти — это не декларация» [Интервью главы администрации Тамбовской области А.В. Никитина] // ИД «Коммерсантъ». 06.11.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2847498> (дата обращения: 31.07.2021).

Аудиторское заключение о бухгалтерской (финансовой) отчетности ПАО «ФосАгро» за период с 01 января по 31 декабря 2018 г. // Сетевое издание «Центр раскрытия корпоративной информации». 01.03.2019. URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/FileLoad.ashx?Fileid=1491710> (дата обращения: 01.08.2021).

Биография Жалнина Александра Константиновича // Тамбовская областная Дума. 26.10.2016. URL: <https://tambovoblduma.ru/struktura/deputaty/zhalnin-aleksandr-konstantinovich/> (дата обращения: 12.05.2022).

В рейтинге крупнейших компаний РБК 500 впервые сменился лидер // РБК. 15.10.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2020/5f8469009a7947075cc634e4> (дата обращения: 16.10.2020).

О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. от 28.11.2018) // Российская газета. 2011. № 278, 9 декабря.

О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора организационно-правовых форм ОК 028-2012: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16.10.2012 № 505-ст (с изм. от 12.12.2014). URL: <http://base.garant.ru/70284934/> (дата обращения: 25.03.2021).

О принятии и введении в действие Общероссийских классификаторов: постановление Госстандарта РФ от 30.03.1999 № 97 (с изм. от 16.10.2012) // Менеджер здравоохранения. 2008. № 1, январь.

О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора организационно-правовых форм ОК 028-2012: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16.10.2012 № 505-ст. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387877> (дата обращения: 25.03.2021).

О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора органов государственной власти и управления ОК 006-2011: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26.04.2011 № 60-ст // Информационный бюллетень «Нормирование в строительстве и ЖКХ». 2011. № 6.

О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг: положение Банка России от 30.12.2014 № 454-П (в ред. от 25.05.2018) // Вестник Банка России. 2015. № 18–19, 6 марта.

Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // Российская газета. 1995. № 248, 29 декабря.

Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // Российская газета. 1998. № 30, 17 февраля.

Отчет об исполнении консолидированного бюджета на 1 января 2019 года // Финансовое управление Тамбовской области. URL: https://fin.tmbreg.ru/assets/files/ConsBudget/ConsBudget/2019/cons_01_01_2019.zip (дата обращения: 30.10.2020).

Получение данных о кодах статистики и перечня форм // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://websbor.gks.ru/online/info> (дата обращения: 12.05.2022).

Президентский центр Бориса Ельцина. Мир после пандемии. Александр Волошин. Верю в общественный контроль над властью // YouTube. 01.06.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tJRZWbP3JlY> (дата обращения: 08.09.2020).

Топ-100 — живи и процветай: большинство торговых компаний Черноземья пошли в рост // Бизнес-издание «Абирег». 15.09.2016. URL: https://abireg.ru/n_55899.html (дата обращения: 11.10.2020).

Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 1994. № 238–239, 8 декабря.

Methodology for Global 500 // Fortune. 11.08.2021. URL: <https://fortune.com/franchise-list-page/global-500-methodology-2021/> (дата обращения: 12.05.2022).

The Global 2000 — The World's Largest Public Companies // Forbes. 12.05.2022. URL: <https://www.forbes.com/list/global2000/> (дата обращения: 12.05.2022).

The Global Top 100 companies by market capitalization — March 2021 // PwC. 26.05.2021. URL: <https://pwc.to/3dfCQjs> (дата обращения: 12.05.2022).

THE POSITION OF THE BUSINESS ELITE IN REGIONAL INFLUENCE MODELS (THE CASE OF THE TAMBOV REGION)

Dmitriy A. Solovyov

(dmitry.a.solovev@yandex.ru)

The center for the study of political transformation

Derzhavin TSU

Tambov, Russian Federation

Citation: Solovyov D. Polozheniye biznes-elity v regional'nykh modelyakh vliyatel'nosti (na primere Tambovskoy oblasti) [The position of the business elite in regional influence models (the case of the Tambov region)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 94–138. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.4>

Abstract. *The saying “Money loves silence” seemingly challenges the validity of any influencer ratings. After all, the tycoons of the financial world pay periodicals to make sure that their names are not published among other owners of large assets. However, all companies have to disclose certain information about their activities. Suppose that we have access to data on the revenue amount for N year for the corporations registered in one of the Russian regions. We can use this indicator to pick out the largest corporations by setting a cutoff score. Then, we can find the “Chief Executives” and the “Corporate Rich” using the positional method of elite identification. If we take into account the peculiarities of the business structures and the composition of the participants of the corporations, we can draw up their classification. To determine the composition of the members of the “Chief Executives” and the “Corporate Rich” groups, we can check the financial statements and the lists of corporate affiliates. We will find that all corporations have representatives of the “Corporate Rich” group, but some of them have no “Chief Executives”. This is because a co-owner can become a company head while a chief executive is usually a hired employee. In each group of corporations, there are general and specific principles for assigning persons to a particular elite group. These rules can be elaborated when studying the business elite in other constituent entities of the Russian Federation. Comparison of the composition of the positional and reputational business elite has shown that the majority among those with reputational influence belong to the positional “Corporate Rich” and few belong to the “Chief Executives”.*

Keywords: *business elite, positional method, reputational method, influence, regional level.*

References

Ashin G.K. *E'litologiya: istoriya, teoriya, sovremennost': monografiya*. [Elitology: history, theory, modernity: monograph]. The Moscow State Institute for Foreign Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of Russia. The Chair of Philosophy. Moscow, MGIMO-University Publ., 2010. 600 p. EDN: QILLWB. (In Russian)

Bejdina T.E., Novikova A.V. Politologicheskie prognozy po politicheskim e'litam I naseleniyu Zabajka'skogo kraja. [Political forecasts on political elites and the population of Transbaikal region]. *Vestnik Zabajka'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikal state university journal]. 2017, V. 23, I. 3, pp. 31–36. doi:10.21209/2227-9245-2017-23-3–31-36. EDN: YJKAFL. (In Russian)

Bychkov S.Yu. Osnovnye napravleniya vzaimodejstviya regiona'nogo biznesa i vlasti (na primere Nizhegorodskoj oblasti). [Dominant trends of interaction of regional business and government (on the basis of Nizhny Novgorod region)]. *Sovremennye issledovaniya socia'nyx problem ("lektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Russian Journal of Education and Psychology]. 2012, I. 2, pp. 14. EDN: PASQCD. (In Russian)

Chirikova A.E. Sociologicheskoe izmerenie biznes-"lity v sovremennoj Rossii: vozmozhnosti kachestvennoj metodologii. [Sociological dimension of business elite in modern Russia: possibilities of qualitative methodology]. *Rossiya reformiruyushhayasya: ezhegodnik. Vyp. 16* [Russia reforming: Yearbook. Issue 16]. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyj Xronograf Publ., 2018, pp. 192–215. doi:10.19181/ezheg.2018.9. EDN: XUOHDN. (In Russian)

Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power. *Comparative Sociology*, 2003, 2(1), 1–15. doi:10.1163/156913303100418672. EDN: GTIPKB.

Draganova Yu.K. Socia'noe vzaimodejstvie politicheskoy i biznes-"lity v regiona'nom gosudarstvennom upravlenii (na primere Stavropo'skogo kraja): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskix nauk [Social interaction of the political and business elite in regional public administration (on the example of the Stavropol Territory): abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences]. Moscow, 2012. 26 p. (In Russian).

Duka A.V. Teoreticheskietructuy v issledovaniyax vlastnyx "lit. [Theoretical problems in power elite studies]. *Zhurnal sociologii i socia'noj antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 2008, vol. 11, no. 1, pp. 50–70. EDN: KWVXML. (In Russian)

Gallyamov R.R., Sakaev I.N. Tendencii vzaimodejstviya gosudarstvennoj vlasti i regiona'nyx biznes-"lit [Trends in the interaction of state authorities and regional business elites]. *Politicheskaya "kspertiza: POLIT"KS* [Political expertise: POLITEX], 2010, vol. 6, no. 3, pp. 80–87. EDN: MVITNL. (In Russian)

Higley J., Burton M. Elite Settlements and the Taming of Politics. *Government and Opposition*, 1998, no. 33 (01), pp. 98–115. doi:10.1111/j.1477-7053.1998.tb00785.x.

Krickaya A.A. Kadrovyy aspekt vzaimodejstviya vlasti i biznesa. [Personnel aspect of interaction between authorities and business]. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchyonye zapiski SKAGS* [State and municipal administration scientific notes], 2014, no. 4, pp. 273–278. EDN: TELSTN. (In Russian)

Kryshtanovskaya O.V. *Anatomiya rossijskoj "lity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zaxarov Publ., 2005. 384 p. EDN: QOHFON. (In Russian)

Kukolev I.V. Formirovanie rossijskoj biznes-"lity. [The Russian business elite formation]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 1995, vol. 0, no. 3, pp. 159–169. EDN: UCBIIZ. (In Russian)

Lapina N.Yu. Biznes i vlas' v rossijskix regionax: novye parametry vzaimodejstviya [Business and authorities in today's Russia: a regional dimension]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], 2004, no. 4 (45), pp. 56–67. EDN: HLCZGX. (In Russian)

Ledeneva V.Yu. Biznes-"lita i vlas' v social'noj strukture rossijskogo obshhestva. [Business-elite and authority in social structure of the Russian society]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power], 2006, no. 2, pp. 141–149. EDN: GZXHRN. (In Russian)

Maxfield S. Capital mobility and Mexican financial liberalization. In: *Capital Ungoverned Liberalizing Finance in Interventionist States*. Ed. by M. Loriaux. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 92–119 pp.

Mills Ch.R. *Vlastvuyushhaya "lita* [Power elite]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1959. 543 p. (In Russian)

Mordasov A.A. Novoe pozicionirovanie biznes-"lity v politicheskom processe sovremennoj Rossii: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskix nauk. [New positioning of the business elite in the political process of modern Russia: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences]. Rostov-on-Don, 2004. 30 p. (In Russian)

Ochirova V.M. Biznes i vlas' v regionax sovremennoj Rossii. [Business and the power in the regions of modern Russia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, no. 6, pp. 181–189. EDN: OZNUST. (In Russian)

Peregudov S.P. Business and State Bureaucracy in Russia. *Russian Politics & Law*, 2009, no. 47 (4), p. 43–57. doi: 10.2753/rup1061-1940470403. EDN: TOXEGX.

Pokatov D.V., Dyl'nova Z.M. Biznes-e'lita i regional'naya vlast': modeli i formy vzaimodejstviya. [Business elite and regional power: models and forms of interaction]. In: *Dyl'novskie chteniya "Sociologicheskaya diagnostika sovremennogo obshhestva": Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Dyl'novsky readings "Sociological diagnostics of modern society": Materials of the scientific and practical conference]. Saratov: Saratovskij istochnik Publ., 2016, pp. 280–283. EDN: WFSPYF. (In Russian)

Samye vliyatel'nye lyudi Rossii. Politicheskie i ekonomicheskie elity Rossii [The most influential people in Russia. Political and economic elites of Russia]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: ISANT Publ., 2004. (In Russian)

Savkin S.P. Vzaimodejstvie politicheskoy i biznes-e'lit v formirovanii investicionnoj privlekatel'nosti Respubliki Mordoviya. [Interaction of political and business elites in the formation of investment attractiveness of the Republic of Mordovia]. *Federalizm* [Federalism], 2015, no. 3 (79), pp. 197–204. EDN: UMHAHX. (In Russian)

Shmarov A., Polunin Yu. Vse vliyatel'nye lyudi Rossii [All influential people of Russia]. *E'kspert* [Expert], 2000, no. 38, pp. 50–69. (In Russian)

Solov'ev D.A. Glavnye dejstvuyushhie lica regional'noj politiki: smena e'lit na fone tranzita vlasti (Tambovskaya oblast', 2010–2018 gg.) [The Main Actors of the Regional Politics: Change of the Elites in the Midst of the Transfer of Power (Tambov Region, 2010 to 2018)]. *Russkaya politologiya* [Russian Political Science], 2021, no. 2 (19), pp. 127–134. EDN: IEHVQO. (In Russian)

Voronkova A.I. Analiz putej rekrutirovaniya v zhenskuyu biznes-e'litu. [Recruitment pathways to Female Business Elite]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 2019, no. 3, pp. 142–162. doi:10.14515/monitoring.2019.3.09. EDN: FZRYUG. (In Russian)

Vostrikov K.V. Reformirovanie regional'nyx e'lit v Kemerovskoj oblasti pri S. Civileve. [Reforming regional elites in the Kemerovo region under S. Civilev]. *E'konomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Economics and management: research and practice journal], 2020, no. 3 (153), pp. 158–161. doi:10.34773/EU.2020.3.33. EDN: AMYCQU. (In Russian)

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ЛЮДИ И ПРОЕКТЫ: ЛИДЕРСТВО КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ (ОПЫТ АНАЛИЗА ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ СИБИРИ)

Ю.А. Пустовойт

(pustovoit1963@gmail.com)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия
Национальный исследовательский Томский
государственный университет
Томск, Россия

Цитирование: Пустовойт Ю.А. Люди и проекты: лидерство как основа формирования властных групп в современном городе (опыт анализа постсоветской истории в региональных центрах Сибири) // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 139–163

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>

Аннотация. *Рассматривается проблема формирования властных групп в городах. На основе концепции интерактивных ритуалов Р. Коллинза автор предлагает набор операционализированных переменных, позволяющих объяснить феномен лидерства, проявляющийся в ходе избирательных кампаний, и возникающие на этой основе различные типы городских режимов: иерархического контроля и сетевой координации. В рамках предложенного подхода рассмотрены значимые электоральные события в двух сибирских городах — Новокузнецке и Новосибирске, представляющих собой контрастные случаи режимов. В качестве эмпирической базы вместе с полученными ранее в этих городах данными (интервью, наблюдения и анализ итогов голосования) проведено сравнение комплексов газетных публикаций и агитационного материала, позволяющее выяснить, как в различные периоды кандидаты формулировали основной комплекс*

городских проблем и способов их решения (мобилизационную повестку). Автор выделяет три этапа формирования различий в мобилизационных повестках, определяя их как личностный, позиционный и государственный. Если на первых этапах имел значение специфический городской политический опыт и самостоятельность, то начиная с «нулевых» и далее субъектность городских властей с различной скоростью уменьшается, политические функции сужаются в пользу хозяйственных и административных, предлагаемые проекты сосредоточиваются вокруг проблем благоустройства и застройки. Эта тенденция, основанная на представлениях о власти как доминировании (D-модель), снижает солидарность горожан, их эмоциональную энергию, инициативу и вступает в противоречие с естественной моделью городского развития, предполагающей увеличение масштаба и социального разнообразия.

Ключевые слова: город, лидерство, властные группы, элиты мобилизационная повестка, городской режим, Сибирь.

ВВЕДЕНИЕ И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Рассмотрение вопроса о современном городе и горожанах, лидерстве, властных группах и объединениях обычно отсылает нас к греческой традиции полиса как единства территории, общества и политики в качестве способов принятия значимых решений. Именно город выступает родиной политического, институционализации способов получения, распределения и реализации властных полномочий, позже поднятых на более высокий уровень национального государства, оставив за городом комплекс локальных проблем, обычно обозначаемых как муниципальные. Луис Вирт в своей классической работе определяет город на основании трех параметров: размер, плотность, гетерогенность. Чем больше эти параметры, тем больше у нас оснований считать поселение городом — центром зарождения и контроля экономической, политической и культурной жизни [Вирт 2016].

В свою очередь, анализ современных властных отношений, на наш взгляд, невозможен без ретроспективного обращения к опыту прошлого, к 1990-м годам, времени, когда в городах и поселениях только происходило становление новых властных институтов, элитных коалиций, формальных и неформальных правил политического взаимодействия [Гельман и др. 2008]. Как показывают исследования ряд проведенных реформ, направленных на встраивание муниципальных структур во «властную вертикаль», оказался не эффективен в отношении совпа-

дения декларируемых целей реформаторов и результатов изменений: неформальные ресурсы и практики стали более значимыми и эффективными и определяют характер взаимоотношений между ключевыми акторами локальной политики. Централизация всех уровней публичного управления и концентрация власти в руках профессионального управляющего чреват серьезными рисками и ослабляют низовую самоорганизацию [Чирикова, Ледяев, Ледяева 2015: 15]. По экспертным оценкам, при признании значимости развития городов качество муниципальной власти и ее мотивация имеют низкое значение, принцип лояльности доминирует над принципом профессионализма [Чирикова, Ледяев 2018: 291]. Сюда можно добавить тот комплекс проблем, который наиболее рельефно проступает при исследовании власти в малых городах: кадровый дефицит, формирование команды из «своих людей», ее зависимость от внешних факторов и отсутствие новых подходов и решений к комплексам накопившихся проблем, определяющая роль личности лидера и его качеств и отсутствие опыта и практик со-лидерства [Чирикова 2021: 109]. В некоторых современных исследованиях сделан вывод о том, что отказ от прямых выборов мэра и переход к моделям назначения привел к ориентации глав городов к поддержке интересов и требований региональной власти и никак не повысил эффективность их работы [Казанцев 2020: 55], хотя эта лояльность мало что дает для собственной безопасности. Напротив, политическая сила, авторитет, мощь личного бренда в условиях авторитаризма служат большей защитой градоначальнику от уголовного преследования, чем связи или прошлые заслуги [Buckley et al. 2022].

Мы предлагаем рассмотреть феномен лидерства в рамках концепции интерактивных ритуалов Р. Коллинза и через историческое сравнение контрастных эмпирических случаев сибирских городов выделить основания лидерства, полученного в ходе электоральных кампаний, его влияние на образование властных коалиций, реализуемые лидерами проекты и их результаты. Работа опирается на десятилетний, регулярно обсуждаемый и опубликованный опыт исследований власти в городах Сибири, эмпирической базой этого исследования выступают десять интервью лиц, занимающих ключевые посты с 1990-х годов до настоящего момента в политических и экономических структурах г. Новосибирска, а также массив заметок, рекламных материалов и сообщений в периоды избирательных кампаний, дополненные агитационными материалами, хранящимися в архиве г. Новосибирска.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из современных подходов, объясняющих механизмы формирования лидерства, выступает подход Рэндалла Коллинза. Отправной точкой анализа служит ситуация, а не индивид. Это теория построена на выделении кратковременных столкновений человеческих тел, заряженных эмоциями и сознанием того, что они прошли цепочки предыдущих столкновений. В терминах Гофмана задача заключается в том, чтобы обнаружить социальные истоки культа индивида. «Происшествия создают своих участников, и неважно, насколько они мимолетны: встречи творят встречающихся. Игры создают спортивных героев, политика превращает политиков в политических лидеров, несмотря на то что весь груз протоколов, написания новостей, вручения наград, составления речей и создания крикливой рекламы мешает пониманию того, как это происходит» [Коллинз 2004: 30].

Интерактивные ритуалы (ИР) означают физическое присутствие людей в определенном месте, регулярное выполнение согласованных ритмичных действий (телодвижения), концентрирующих свое внимание вокруг значимого сакрального символического объекта, выражающего основную идею группы (эмблемы), выступают преобразователями эмоций, в ходе них одни эмоции, взятые в качестве ингредиентов, превращаются в другие в качестве результатов и социальная структура рассматривается как непрерывная цепь взаимодействий, в ходе которой происходит разделение людей по их эмоциональной энергии. Опираясь на подход Р. Коллинза для анализа ситуации возникновения лидерства, создания властных коалиций, предлагаем перечень значимых вопросов и предполагаемых переменных — ответов на эти вопросы, способов их оценивания.

Где происходит дискуссия?

Для ответа на этот вопрос введем понятие арены. Его предложила Барбара Ферман при исследовании городских режимов в Питтсбурге и Чикаго, где оно означало сферу деятельности с определенными институциональными характеристиками [Ледяев 2012: 372–373].

Этот подход позволяет нам определить арену как сферу деятельности, имеющую материальные и нормативные границы, в которых происходит процесс социального конструирования значимых проблем индивидами

и группами, стремящимися за счет привлечения внимания к ситуации добиться перераспределения общественных благ. Интерактивные ритуалы разворачиваются именно на трех важнейших аренах (официальной, символической и уличной), каждая из которых ограничена материальной средой, пространством, специфическими правилами и имеет непосредственное («здесь и сейчас») и символическое выражение. Примером первой выступают официальные выступления и протоколы, примером второй — неофициальные встречи, интервью, материалы СМИ и полемика в социальных сетях, примерами третьей — улицы, парки и скверы, на которых разворачиваются митинги и пикеты.

Кто когда и зачем претендует на лидерство?

Политика в этой оптике интерактивного взаимодействия представляет собой цепи ситуаций, делающих одних лидерами в силу умения привести сильное впечатление, других ведомыми или угнетаемыми. Индивиды ищут эмоциональную энергию и символы, которые дают наибольшие возможности для ее получения, выбирая для этого различные группы, организации и социальные сети. Люди стремятся к власти как к особому виду ситуационного взаимодействия, где их ограниченная часть получает эмоциональную энергию (ЭЭ) [Collins 2004: 373]. «Ритуалы власти являются асимметричным вариантом дюркгеймовских ритуалов взаимодействия. Эмоции, которые вызываются, сдерживаются; существует тон уважения, соглашательства с тем, что требует отдающий приказ. Чем более принудительной и экстремальной является разница во власти, тем сильнее эмоциональное заражение... Осуществление власти приказа увеличивает ЭЭ человека в той мере, в какой это совпадает с нахождением в центре внимания ситуации эмоциональной увлеченности, поднимающейся до ощутимого уровня коллективного сознания, что я называю ритуал статуса... Когда ритуал власти не совпадает с ритуалом статуса, человек, осуществляющий власть, обычно не испытывает большого выигрыша в ЭЭ, но в любом случае это удерживает обладателя власти от потери ЭЭ. Однако лица, принимающие приказы, обычно теряют ЭЭ, особенно когда ритуал власти не приводит к ритуалу солидарности» [Collins 2004: 114–115].

Быть лидером в контексте теории интерактивных ритуалов означает победить в ходе политической дискуссии, произвести особое впечатление на аудиторию, так сфокусировать внимание на себе и своих вы-

сказываниях, что и само политическое высказывание и высказавший его стали бы символами солидарности, создав группу, связанную моральными обязательствами. Р. Дентон и Г. С. Вудворд в своей книге о коммуникациях определяют сущность политической борьбы как борьбу за доминирующую интерпретацию происходящего. «Политическое соперничество в реальности является конкуренцией определений ситуаций. Победителями становятся те, кто успешно артикулирует определение ситуации, поддерживаемое большинством, или те, кто успешно создают убедительное определение ситуации, поддержанное большинством» [Denton, Woodward 1990: 42]. Фиксированная продолжительность сроков полномочий на государственной службе накладывает определенный ритм на отбор и определение социальных проблем, поскольку именно избирательные кампании являются основными периодами формирования имиджей как социальных проблем, так и конкретных кандидатов [Хилгартнер, Боск 2008].

Таким образом, необходимо выделить состав участников, определить их основной источник власти: идеологический, экономический, силовой, политико-административный [Манн 2018: 30]. Оценка состава: «1» — пестрый социальный состав, несколько примерно равных претендентов, участвуют различные группы интересов, профессиональные сообщества, партии; «2» — два-три примерно сопоставимых по ресурсам лидера, представляющих основных объединения; «3» — доминирование одного лица одной группы интересов, связанных с одним основным источником власти.

Какие барьеры есть для участия в политической дискуссии по поводу власти?

Барьеры (barrier to outsiders). Доступ и ограничение к любой из арен может принимать самые разные формы. От материальной закрытости, что обычно подразумевает принятие решений в закрытых для посторонних территориальных ландшафтах (в качестве последних часто выступали личные дачи и бани) до тонкой лингвистической закрытости, когда незнание определенных словесных оборотов выдает в претенденте «чужого», незнакомого с внутренними неформальными нормами и, следовательно, «чужака», не имеющего нужного кредита доверия. На наш взгляд, оценивать барьеры доступа к каждой из арен можно по 4-балльной шкале, подразумевающий дискриминацию любого из претендентов. Показателем оценки в этом случае выступает наличие фактов идеоло-

гической дискриминации: (1) экономической (2), силовой (3) и политико-административной (4).

Как и с каким эффектом конструируется фокус внимания аудитории?

Р. Коллинз далее выделяет еще два ритуальных ингредиента: фокус внимания (*mutual focus of attention*) и общее настроение (*shared mood*), которые усиливают друг друга [Collins 2004: 48–49], по мере того как участники ритуала все больше сосредоточиваются на общей деятельности, они больше осознают друг друга и более сильно переживают общие эмоции. Здесь ключевым компонентом выступает взаимный захват эмоций и наличие общих переживаний. Эти два ингредиента предлагаем объединить понятием «мобилизационная повестка», что включает в себя переходящий эмоциональный стимул, усиливающий обратную связь и обеспечивающий общий коллективный ритм (*transient emotional stimulus feedback intensification through rhythmic entrainment collective effervescence*).

Под мобилизационной повесткой мы понимаем комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащий аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью победу в электоральной борьбе с последующим установлением контроля политического сообщества над значимыми ресурсами (бюджетом, назначениями, доступом к СМИ). В теоретическом плане мы опираемся на подходы Ч. Тилли, рассмотревшего процесс мобилизации и получения группового контроля как один из основных компонентов коллективного действия [Тилли 2019: 101–102], и идеи С. Хилгартера и Ч.Л. Боска, предложивших механизм объяснения значимости для аудитории сконструированных проблем [Хилгартнер, Боск 2008].

Выделим содержание мобилизационной повестки, ее характеристики, эффективность и факторы формирования.

Содержание мобилизационной повестки представляет идеологический нарратив, предполагающий основные приоритеты городского развития. В. Вахштайн предлагает три типа таких историй, основанных на базовых метафорах: город как машина развития (нарратив высокого урбанизма и экономического роста, инвестиции в небоскребы, дороги и мосты), «левый урбанизм» (город против отчуждения и за поддержание социальных связей и инвестиции в доступное жилье,

социальные объекты и общественный транспорт) и хипстерский урбанизм (город — это машина представления и сцена, все для разнообразного получения впечатлений и удовольствия от жизни, инвестиции в парки и велодорожки) [Вахштайн 2022: 485–490].

Характеристики мобилизационной повестки на основе подходов С. Хилгартнера и Ч. Боска оценим «1» — низкая, «2» — средняя, «3» — высокая. Основные параметры повестки зависят от пропускной способности институтов и возможностей политика (личное время, бюджет, доступ сообщениям в СМИ); драматургии (используемая лексика и экспрессивность высказываний); новизны (степень новизны предлагаемых проблем и их решений); насыщения (есть ли обновление проблемы новыми символами); культуры (насколько проблемы связаны с глубинными мифическими темами аудитории); политики (выдержан ли приемлемый привычный диапазон политического дискурса); обратной связи, служащей ее усилению (есть или нет); способности сообщества функционеров подать проблему в нужном ему ракурсе (насколько влиятельными являются сообщества функционеров, закрепленные вокруг значимой области проблем).

Анализ содержания и характеристик мобилизационной повестки означает подсчет количества сообщений и числа высказываний, связанных с лидером (единиц наблюдений), и выделение в них программных составляющих, позволяющих отнести ее к одному из предложенных типов городских идеологий, и оценки ее характеристик (единиц анализа). Аналитический процесс заключается в открытом кодировании, что означает разбивку полученных данных на отдельные части с последующим сравнением по сходствам и различиям каждого случая. [Страусс, Корбин 2001: 52–119]. При анализе визуального материала мы опираемся на идеи, сформулированные И. Гофманом: как отражаются на фотоснимке или изображении навязанные культурой дефиниции, приобретенные в ходе социализации, как люди представляют свой образ другими [Штомпка 2007: 42].

Эффективность мобилизационной повестки измеряется через итоги голосования и расширение или сужение аудитории. Эффект оценивается нами от высокого, «5», означающего победу оппозиции, занятие ей ключевых позиций на всех аренах, расширение аудитории, до «1» — потери инкубентом (действующим держателем властных полномочий) доминирующих позиций на всех аренах. Частичная победа на аренах или стабильно высокая поддержка целевой аудитории («4»), удержание

аудитории и позиций без видимого роста («3»), потеря аудитории, потеря позиций на некоторых аренах при удержании одной из них («2») обозначают соответственно нормальный, средний и низкий эффект.

Что происходит в результате взаимодействия?

В отношении власти Коллинз предлагает различать D-власть, основанную на навязывании своей воли, и E-власть, власть эффективности, предполагающую игру с ненулевой суммой и осмысленный социальный опыт, формирующий культуру личных отношений. В первом случае будут наблюдаться резкие различия в социальной идентичности, большее неравенство, обиды и социальный конфликт. E-власть усиливается в XX в., что подразумевает приоритет методов долгосрочного планирования и косвенного контроля за счет включения управляемых в процесс управления.

Групповая солидарность. Существует несколько подходов оценки групповой солидарности и организационных или институциональных факторов, лежащих в ее основе. На наш взгляд, в наиболее законченном виде оценить групповую солидарность можно в рамках подхода Мэри Дуглас о группах и решетках, где при описании одна ось задается измерением чувства «мы» (сильная группа, закрытая для посторонних) и я (слабая группа), другая — нормами, сильной решеткой (структурированные нормы), слабой решеткой (неструктурированные нормы) [Douglas, Isherwood 2006]. Здесь сильные нормы и сильная группа («4») соответствует бюрократической иерархии, регулируемой универсальными правилами (рациональное господство), сильное «мы» и слабые нормы определяют «секту» и харизматическое господство («3»), слабые нормы и слабая группа обозначает сообщество предельных индивидуалистов, регулируемых только конкуренцией и личной выгодой («2»), и сильные нормы и слабая группа означают культурную изоляцию и одиночество («1» — заключенные, рабы, солдаты и королева Великобритании).

Эмоциональная энергия представляет собой сильную устойчивую эмоцию, действующую долгое время и позволяющую проявлять активность самостоятельно и задавать направление развития социальных ситуаций и представляющую собой континуум от энтузиазма, уверенности и инициативы на высоком уровне до пассивности и депрессии на низком. Эмоциональную энергию можно наблюдать по позам (открытые — доминирования и пассивные, замкнутые — подчинения),

степени глазного контакта, по стилю (не по содержанию) речи. Для ситуаций коллективной солидарности характерен общий ритм движения тела и тональности разговоров, получение высокого уровня эмоциональной энергии заставляет индивида еще раз обращаться к тем ситуациям и сетям, которые его обеспечили, фокус внимания, тема разговора, персона становятся значимыми символами, позволяющими получать индивидуально, «по памяти» необходимый эмоциональный настрой. Высокий уровень эмоциональной энергии «5» обозначает лидерство и взятие на себя инициативы по организации других на решение актуальных проблем. «4» — индивид самостоятельно решает проблемы, которые возникли, обычно не выступая с инициативой, но придерживаясь устоявшихся норм. «3» — индивид не проявляет никакой инициативы и не проблематизирует ситуации их нарушения. Это то, чувство, которое Гарфинкель означает понятием «ничего необычного здесь не происходит», переживание обыденности и «мирской реальности» задает ровный тон настроения, разделяемого всеми участниками взаимодействия [Collins 2004: 105–107]. «2» — демонстративное отчуждение, пассивность, печаль, растерянность, неучастие. «1» — отказ от социальной жизни, депрессия, алкоголизм, употребление наркотиков, суицидальные намерения.

Следующие два результата интерактивного ритуала: «символы» и «нормы» — предлагаем объединить как одну переменную и обозначить как *степень групповой экспрессивности* что подразумевает наличие сильной или слабой коллективной реакции к тем, кто неуважительно относится к значимом для участников сакральным символам. Степень экспрессивности в нашем случае оценивается как отношение к тем, кто ориентируется на другую систему приоритетности проблем и (или) иную иерархию ценностей. Они оцениваются как «враги» (4), «чужие» (3), «конкуренты» (2) оппоненты (1), где группы имеют больше сходств, чем различий, что не исключает между ними отдельных дискуссий.

Как результаты электорального взаимодействия стабилизируют властные отношения и влияют на дальнейшее развитие города?

Элитные и неэлитные группы строят свои внутренние отношения и отношения между собой по моделям как E (эмоциональной), так и D (силовой) власти. Таким образом лидеры и мобилизационные повестки

непосредственно связаны с теми группами, которые осуществляют власть в городе, и строят с ними отношения по различным моделям. Если отношения стабилизируются, то мы можем говорить о городских режимах, понятии введенном Кл. Стоуном, которые представляют собой «совокупности договоренностей или отношений (неформальных и формальных), с помощью которых достигается управление общностью [Ледяев 2012: 74].

Исходя из моделей власти предлагаем различать «городской режим иерархического контроля» и «городской режим сетевой координации», отнеся к первому сложившиеся совокупности отношений, построенные на модели «власти над» (D), а ко второму — на модели «власти для» (E). Понятно, что представленные таким образом режимы будут собой скорее «идеальными типами», полюсами континуума, тем не менее отражающими прямо противоположные тенденции: стремление к абсолютному господству по принципам «игры с нулевой суммой», «победитель получает все», «горе побежденным» (режим иерархического контроля) и «игры с ненулевой суммой», «кооперация при решении общих задач», «доминирования одной коллективной возможности над другой» (режим сетевой координации). Традиционно понятия «иерархия» и «контроль» означают процесс наблюдения за объектом, понятия «сети» и «координации» отражают процесс согласования активностей.

Для официальной арены определяющим маркером координации будет «способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные» [Даль 2010: 6]. В этом случае режим сетевой координации для нас будет совпадать с режимом полиархии, режим контроля — с режимом закрытой гегемонии. Критерием режима сетевой координации будет минимальный разрыв между победителем электорального процесса и его ближайшим соперником (здесь обычно приводится цифра 20 %) и отсутствие нарушений при регистрации и подсчете голосов в избирательных процессах. Немотивированный отказ и фальсификация итогов голосования выступают главными маркерами режима иерархического контроля. После завершения электорального цикла мобилизационная повестка может стать частью повестки политической, играть роль инструмента консолидации элит и повышения активности рядового электората или исчезает в случае, если играла роль исключительно пропагандистского материала, состоящего из обещаний, направленных на расширение электората и увеличение степени его поддержки.

ЛИДЕРЫ И ПОВЕСТКИ: АНАЛИЗ КОНТРАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

Избирательная кампания в оптике теории интерактивных ритуалов представляет собой множество очных встреч кандидата на значимую позицию с различными группами и объединениями: рядовыми избирателями, проживающими на территориях, руководителями политических и экономических организаций, врачами, учителями, собственным штабом, руководителями официальных структур, администраторами, журналистами, недоброжелателями, общественными активистами, спонсорами, городскими сумасшедшими и т.д. Встречи и беседы редко обходятся без конфликтов, столкновений мнений, позиций и критических выступлений, и их итогом могут стать солидарность с лидером, рост эмоциональной энергии и формирование группы сторонников, члены которой станут транслировать свои положительные впечатления по другим аудиториям, убеждая других на выборах проголосовать «за».

В этой работе мы сопоставили несколько избирательных кампаний в сибирских городах, представляющих сегодня бесспорные контрастные случаи по сформированным режимам: Новосибирск (сетевая координация) и Новокузнецк (иерархический контроль). Оба в советские времена представляли собой благополучные по уровню жизни города, с активной застройкой, квалифицированным городским менеджментом, развитой экономикой, разнообразной и насыщенной культурной жизнью. Для выделения мобилизационной повестки мы обратились к газетным сообщениям и рекламным материалам, опубликованным в интересующие нас периоды. По Новокузнецку обработано 60 заметок, сообщений и листовок, размещенных в газетах «Кузнецкий рабочий», «Кузбасс», «Кузнецкие вести», «Фронт», т.е. тех массовых изданиях, которые были популярны на рубеже веков. По Новосибирску собран и обработан массив данных, содержащийся в газетах «Вечерний Новосибирск» и «Советская Сибирь» 1994–2004 гг. (всего 210 сообщений в месяц высокой электоральной активности), агитационные и прочие материалы за тот же период, хранящиеся в Новосибирском городском архиве (более сотни разнообразных документов). Новый материал позволил уточнить ранее сделанные выводы [Пустовойт 2019]. Группируя тексты вокруг электоральных событий, имеющих большее значение для формирования властных объединений, мы выделили три этапа

формирования мобилизационных повесток: личностный, позиционный и государственный.

Личностный (героический) этап (1994–2000). Выборы в Новосибирске проходят раньше. В.А. Толоконский избран в 1994 г. председателем городского собрания и в 1996 г. мэром города. В Новокузнецке в 1997 г. на выборах мэра победил С.Д. Мартин, набрав 24 % голосов, что почти в два раза больше ближайшего конкурента В. Медикова. Оба имеют опыт работы в администрации области и города. Социальный, политический, идеологический состав кандидатов на ключевые позиции достаточно разнообразный (оценим «1»), барьеры для выдвижения минимальные («1»). Содержательно в обоих городах мобилизационная повестка направлена на защиту уязвимых социальных групп, сосредоточена вокруг социальных проблем, бедности, грязи, обнищания населения и т.д. Драматургию можно оценить как среднюю, экспрессивность материалов в Новосибирске выше. В печатных материалах в обоих городах практически нет дискуссий с оппонентами по существу каких-либо городских проблем, в областной столице в газетах больше присутствует мрачный общий информационный бэкграунд газетных сообщений, в духе «дети умирают, взрослые пьют пиво и шампанское» (обзор статистических показателей) Различаются и визуальные образы политиков. Обычно сообщения о кандидатах в это время представляют собой небольшие сообщения с паспортной фотографией и пафосным мотивационным текстом или житием претендента. Размещены они за редким исключением в рекламных блоках или в программах ТВ. С 1994 г. фоторяд Толоконского соответствует характеру сообщений, фото обычно в присутствии других людей, реже один, но, как правило, обращающийся к воображаемому читателю.

На юге Кузбасса большее количество кандидатов, нет явных лидеров и городских идеологий. Обычно в заголовках материалов фигурируют фамилии претендентов. В содержательной части они повествуют обо всем и ни о чем, обычно перечисляя через запятую известные проблемы, которые фреймируются в рамках «Кемерово — Новокузнецк», «Кислюк — Мартин», «область — город», «предприятие — горожане». Системного и рационального изложения взглядов обычно нет, существующие проблемы связаны с отрицательными качествами конкретной личности [Мальцева 1997] Фото выполнены в официально-паспортном стиле, неэмоциональные, однотипные иконические изображения. Кандидат на должность — «человек дела» [Соболева 1996], иногда неспра-

ведливо обвиненный [Гринев 1997]. В Новосибирске в центре внимания — социальные аспекты жизни горожан, городская политика в целом, это разговор о социальных гарантиях и городе для его жителей и качествах руководителя [Самохина 1994]. Активность горожан невысокая, особенно на выборах в городской совет [Кузменкин 2001].

Эффекты кампаний и повесток оценим как высокие «5», оба кандидата находятся в оппозиции к губернатору. Причем Новосибирск скорее на городском уровне действует в логике федеральных властей, оппонируя, но с соблюдением всех правил местным «красным директорам». Горсовет, напротив, представляет партии и объединения, позиционирующие себя как оппозиционные действующей федеральной власти (во втором созыве 1996 г. большинство ЛДПР и КПРФ).

По солидарности — это лидерские объединения «3», но в Новосибирске лидерская функция подается СМИ больше как способность к конструктивному взаимодействию и выработке программ, а в Новокузнецке — как сильная личность, способная на реализацию планов и поддерживаемая харизматическим политиком федерального масштаба [Стенограмма обращения...] Эмоциональная энергия, отраженная в СМИ в отношении политических перспектив, невысокая (по нашей оценке, в обоих городах «3»). Экспрессию оценим на «2», стороны публично признают право конкуренцию и требуют соблюдать правила приличия.

Внутриэлитные взаимодействия на этом этапе имели определяющее значение. В интервью, оценивая ситуацию 1990-х, информанты отмечали, что поддержка городских властей была определяющей для среднего и мелкого бизнеса. Крупные предприятия с тем или иным успехом уходили под патронаж федеральных или региональных политиков, а только что приватизированные управления, заводы и пароходы, кроме набора общероссийских проблем, сталкивались со своими трудовыми коллективами, не всегда признающими их право владения, приватизацией земли и зданий, подрядами и прочими сложностями начала строительства капитализма в отдельно взятом городе. Соответственно одни городские лидеры (Новокузнецк) начинали собирать властные коалиции «под себя», выстраивая сложные схемы подконтрольности и зависимости по модели элитаризма и строя свои взаимодействия как «хозяева», другие координировали усилия разных акторов, соблюдали баланс сил и интересов, поддерживая неопределенность и гетерогенность и ориентируясь на краткосрочные проекты

и разовые вознаграждения, ведя себя как «сфинкс Козимо де Медичи» (Новосибирск) [Пустовойт 2019].

Позиционный (командный) этап (2001–2014). К «нулевым» состав участников все более и более приходит к иерархически упорядоченному порядку, и мы бы оценили его «2» (Новосибирск) и «3» (Новокузнецк). Списки зарегистрированных кандидатов (и победителей) в городские советы (особенно в Новокузнецке) содержат слова «главный», «генеральный», «председатель» и т.д. На выборы уже идут управленческими командами, поддержка региональных структур становится определяющей [Аман Тулеев: Я верю в ваш разум 2001]. Барьеры на этом этапе уже экономические («2»), цветная полиграфия, сменившая черно-белые изображения из 1990-х, и телеэфир стоят дорого.

Темы в СМИ юга Кузбасса после 2001 г. уже позитивные, и повествование идет об успехах и достижениях. Из заголовков газет исчезают фамилии и остаются должности. Мобилизационные повестки — это повествования о чистоте, застройке и поддержке городом зашедших в конце предыдущего этапа на его территорию крупных корпораций. После 1998 г. дважды происходит перераспределение крупной металлургической собственности, расположенной на территории города, и предвыборные материалы регулярно подчеркивают роль предприятий под контролем федеральных, региональных и городских властей и их титанический вклад в успех и процветание горожан. Визуальные образы здесь остаются прежними портретами-иконами, но теперь агитационные материалы в цвете и представляют собой буклеты. Кандидат на должность обычно снят на фоне улиц или заводов, иногда в присутствии губернатора и руководителей предприятий, иногда — известных горожан. Содержательно в повестку вносится «Гордость Кузбасса», труд, ответственность. С.Д. Мартин переизбирается дважды в 2001 и 2006 гг. с ростом числа проголосовавших «за». В 2010 г. он уходит в отставку по инициативе губернатора в связи с фактами коррупции в ближайшем окружении, в СМИ подчеркивается, что отставка в «интересах города», выступившего против личности, не оправдавшей доверия [Хахилева 2010]. В этот стабильный и благополучный период в наших интервью респонденты постоянно озвучивают темы снижения численности работников металлургических и горнодобывающих предприятий, перенос части местных учреждений и административных структур в областной центр, уменьшение объема и качества медицинских и образовательных услуг, ухудшение экологической обстановки

из-за роста открытых карьеров. Как правило, эти темы публично не обсуждаются.

В Новосибирске два пика политической борьбы 2000 г. — выборы губернатора с преимуществом В. Толоконского (мэра города) на 2 % — и 2004 г., когда выборы городского главы проходили в два тура (59 % В. Городецкий против 29 % Я. Лондона). Язык сообщений в мобилизационной повестке становится более экспрессивным и драматичным [Голосуя против всех, вы голосуете за Муху 2001; Горелов 2004]. В целом СМИ акцентируют внимание на солидарности и объединении кандидатов вокруг действующей власти на всех уровнях. Основной фрейм сообщений — работающая и честная команда против криминала, рвущегося к ключевым позициям. Дискуссия переходит в нравственную плоскость, где те, кто находится на государственных и муниципальных должностях, борются с грехами магнатов и бизнесменов — «Город против Лондона». Впрочем, СМИ на своих полосах размещают агитационные материалы и оппозиционных кандидатов, хотя преимущественно используют привычный черно-белый цвет, оставляя цветную печать за сторонниками доминирующей коалиции. Получает распространение анонимный листовочный компромат. Меняется содержание тиражируемой мобилизационной повестки, вопросы городского пространства, его застройки, хозяйственной и производственной жизни начинают преобладать (пять пунктов из шести в программе действующего мэра) [Новосибирску — стабильность и развитие 2004].

Мы склонны оценивать показатели групповой солидарности и эмоциональной энергии выше в Новосибирске — «4», чем в Новокузнецке — «3». Здесь нет скандалов, и связанных с фальсификациями итогов выборов, есть регулярные дискуссии на всех аренах, включая регулярные митинги и демонстрации по поводу развития города и выбора его приоритетов, появляются относительно свободные качественные СМИ, которые пользуются популярностью у всех групп населения. В целом в этот период лидерство как проявление личных качеств исчезает из мобилизационной повестки, солидарность коалиций власти регулируется формальными и неформальными нормами, задаваемыми региональными и федеральными структурами. К 2010 г. можно говорить о формировании городских режимов. Отставка мэра Новокузнецка означала смену ряда персоналий в системе городского управления, исчезновение нескольких строительных корпораций и банка, возбуждение нескольких уголовных дел, но в целом сохранение тех же самых стабильных правил

взаимодействия и приоритетов городского развития, где определяющим были инвестиции в строительство жилья и дорог.

Государственный (агентский) этап (2014–2022). Общим для этого периода выступает тенденция, когда действующие главы городов выигрывают выборы: Кузнецов С.Н. с 2013 г., Локоть А.Е. (КПРФ) с 2014 г., до этого занимая значимые позиции в исполнительной региональной (первый) или законодательной федеральной(второй) власти. Мэр Новокузнецка побеждает, набирая более половины голосов (в 2018 — 70 %). Выборы в Новосибирске проходят в конкурентной борьбе (2014 — 43,75 против В. Знаткова, 39,57 %, и 50,25 % в 2019). В этот период основными каналами коммуникации становятся цифровые медиа и социальные сети. Газеты, если не имеют интернет-страниц, теряют свою аудиторию, городское и региональное телевидение остается значимым для старших возрастных групп, молодежь и средний класс городов в основном ориентированы на интернет-платформы.

Мобилизационная повестка в Новокузнецке отражает две тенденции городского лидерства: безальтернативность и напористость. Публично дискутировать по поводу решений городских властей, выдвигая альтернативные способы интерпретации проблем или программ кандидатов на те или иные позиции, уже невозможно. Большая часть политических решений принимается на федеральном и региональном уровне, городские власти выступают лишь ее исполнителями, даже если решение инициирует городская команда, то нет никаких возможностей их оспорить [Транспортная реформа... 2022]. Кроме этого, можно уверенно зафиксировать в Новокузнецке — это отказ от формально-бюрократического языка и привычного обтекаемого и вязкого бюрократического сленга в пользу экспрессивной лексики, которая регулярно пропитывает коммуникацию с горожанами в программе в «Утро с мэром». Ведущим фреймом становится «свой (патриот) — чужой (иноагент)», фоторяд подчеркивает силовые и волевые характеристики государственного деятеля и патриота. Стиль городского лидерства можно обозначить оксюмороном «харизматическая бюрократия», подразумевая личное влияние, ограниченное регламентами и договоренностями.

В Новосибирске мэр А.Е. Локоть приходит к власти на первых выборах как представитель, объединивший системную и несистемную оппозицию в борьбе за пост мэра. На вторых выборах он по-прежнему позиционирует себя как лидер оппозиционной партии, но его выдвижение поддерживают (кроме губернатора) спикер ЗАКС А. Шимкив

(ЕР) и председатель горсовета Д. Асанцев (ЕР). Его программа «Новосибирску — динамичное развитие» включает (видимо, продолжая партийную традицию) в себя отчет по проделанной работе и семь направлений дальнейшей работы: «комфортный город», «транспортная доступность», «развитие социальной сферы», «спортивный город», «культура и история» и т.д. Фото- и видеоматериалы политика также часто выходят за пределы привычного бюрократического формата, эмоциональны, с обычными компонентами партийной и государственно-патриотической символики [Локоть Анатолий Евгеньевич... 2022].

Две последних городских избирательных кампании в Новосибирске были стилистически ближе к 1990-м годам, чем к «нулевым»: разнородный состав претендентов (15 существенно различающихся между собой кандидатов на пост мэра), организованная оппозиция (коалиция «Новосибирск 2020»), конкурирующие мобилизационные повестки (победа 12 самовыдвиженцев), невысокая явка избирателей на выборах мэра 2019 г. — 20, 68 и в среднем 20 % на выборах в Госсовет (2020), победа несистемной оппозиции по нескольким округам. Тем не менее результаты последних лет говорят о том, что городская мобилизационная повестка и в режиме «сетевой координации» перестает быть фокусом внимания горожан. Собственно городские вопросы большей частью исчезают из публичной дискуссии и на выборах кандидатами озвучиваются широкий комплекс государственных и региональных проблем. О солидарности различных групп горожан и властных коалиций говорит результат шуточных выборов новогоднего талисмана города из обитателей городского зоопарка (кандидат от оппозиции орангутанг Бату стал обходить провластного белого медведя Шилку), которые пришлось срочно отменить из-за неожиданно вспыхнувших нешуточных страстей и электронных взбросов [Распопов, Аркман 2022]. Если рассматривать явку на выборы как косвенный показатель эмоциональной энергии, то она упала (на предыдущих выборах в 2014 г. явка избирателей на выборах мэра была около 30 %). Показатели групповой экспрессивности мы оцениваем на «3», что означает, что стороны воспринимают друг друга как чужаков. Вежливый формальный подход при полном игнорировании интересов. «Запахло поддерживать оппозицию... Любые проекты... Это смешно, кстати. Закрываются двери большого зала мэрии, с кем-то мы общаемся, с кем-то - никак. Это не зависит от политического бэкграунда. Но в обсуждениях ...все что мы предлагаем, отвергается. Проходит какое-то время, и они предлагают то же самое...

Ну что же... Мне главное, что бы результат был.» (Из интервью депутата Горсовета)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев процессы становления лидерства формирования властных коалиций команд в течение последних тридцати лет на примере двух кризисных случаев, мы убедились в перспективности предложенного Р. Коллинзом подхода, способного не только объяснять прошлое и настоящее, но и дающего возможность строить модели вероятного будущего. Разумеется, наш оценочный инструментарий не совершенен, сам Коллинз настаивал на том, что ситуация интерактивного ритуала происходит исключительно лицом к лицу и эмпирически проверил свои теоретические положения на анализе сети интеллектуалов, не касаясь вопросов политики и бизнеса. Тем не менее само ядро его теории, а именно то, что в основе лидерства — способность создавать символы принадлежности к группе и заражать эмоциональной энергией, делает ее вполне продуктивной. Мобилизовать на совершение какого-либо действия — значит предложить такой фокус внимания и такую интерпретацию происходящего, которая наполнит его энтузиазмом и мотивацией для достижения значимых групповых целей, ощущаемых им как свои. Если он разочаруется в группе, действия не получают должного подкрепления, произойдет ослабление значения символов, падение эмоциональной энергии. Ритуал солидарности превратится в ритуал власти. Ситуация статусного подчинения будет требовать привлечения все большего объема внешних стимулов и материальных ресурсов.

Это, собственно говоря, мы и видим на примере истории выбранных городов. Если на первых этапах самостоятельной политической жизни городов мы наблюдали лидерскую, порой рискованную во всех отношениях активность, то далее на протяжении тридцати лет происходит трансформация от личностного аспекта к позиционному (в границах города) и далее к государственному (в границах региона и федерации). Если на первых этапах имеет значение специфический городской политический опыт и самостоятельность, далее субъектность городских властей с различной скоростью уменьшается, политические функции сужаются в пользу хозяйственных и административных, а мобилизационная повестка становится рутинной либо фокус внимания смещается на тот комплекс проблем, который мало имеет отношение к городскому развитию.

Комплекс муниципальных реформ постепенно способствовал закреплению на низовом (городском) уровне ситуацию D-власти и становлению режимов «иерархического» контроля, что не способствовало развитию отношений по модели E-власти и какой-либо инициативы. Конструированием системы кадрового подбора эту проблему решить невозможно, хотя, наверное, можно добиться приемлемого уровня управления. Остается вопрос, почему в ряде городов до сих пор существуют режимы «сетевой координации».

Ответ требует дополнительных исследований, но пока можно сказать, что чем больше город соответствует социально культурной городской модели, основанной на идеях Р. Парка как гетерогенной среды, среды незнакомых людей, живущих в условиях большей плотности и стремящихся к увеличению своего территориального масштаба, тем больше вероятность, что в основе взаимодействия будут прежде всего горизонтальные связи и производимые символы, стимулирующие активный обмен ресурсами и идеями. Возможно, в большей степени, чем принято считать, на становление режима влияет система ценностей и установок, разделяемая лидером и его группой, и традиция, заложенная на ранних этапах становления городской власти, что позволяет предположить, что общероссийские тенденции построения «властной вертикали» в ряде крупных городов будут сдерживаться сформированными ранее неформальными договоренностями.

Литература

- Вахштайн В.С.* Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с.
- Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни: пер. с англ. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.
- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с.
- Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция М.: ИД НИУ ВШЭ, 2010. 288 с.
- Казанцев К., Румянцева А.* От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России // Исследования по вопросам государственного управления. 2020. Т. 5, №. 5. С. 4–66.
- Коллинз Р.* Программа теории ритуала взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С.27–39. EDN: NBYNPD.
- Ледяев В. Г.* Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
- Манн М.* Источники социальной власти. Т. 4: Глобализации 1945–2011 годы. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 672 с.

Пустовойт Ю.А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN: LASRAA.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. 432 с.

Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-330.pdf> (дата обращения: 19.11.2022).

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Ледяева О. М. Муниципальная реформа и распределение власти в руководстве малого российского города // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 7–16. EDN: TRJXMT.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Муниципальная власть: мотивация акторов и практики взаимодействия с регионалами // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 263–294. <https://doi.org/10.31119/re.2018.5.10>. EDN: YTSRET.

Чирикова А. Е. Команды глав малых российских городов: векторы перемен // Власть и элиты. 2021. Т. 8, №. 2. С. 72–112. <https://doi.org/10.31119/re.2021.8.2.4>. EDN: EIDQSY.

Штомпка П. Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос-М, 2007. 231 с.

Buckley N., Reuter O.J., Rochlitz M., Aisin A. Staying out of trouble: Criminal cases against Russian mayors // Comparative Political Studies. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00104140211047399> (дата обращения: 24.11.2022).

Denton R.E., Woodward G.C. Political Communication in America. New York: Praeger, 1990. 363 p.

Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. London: Routledge, 1996/2006. 169 p.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.

Источники

Аман Тулеев: Я верю в ваш разум // Кузнецкий рабочий. 20.03.2001.

Голосуя против всех, вы голосуете за Муху // Вечерний Новосибирск. 06.01.2000.

Горелов В. Лондон — марионетка в руках Березовского // Вечерний Новосибирск. 05.03.2004.

Гринеv В. Виктор Медиков: «Подметные листовки бродят по Новокузнецку — признак подлости и трусости» // Кузнецкий рабочий. 06.03.1997.

Кузменкин В. Недовыборы. Претендентов было много, но избирателей не хватило // Вечерний Новосибирск. 13.12.2000.

Локоть Анатолий Евгеньевич — мэр города Новосибирска // Официальный сайт города Новосибирска. URL: <https://novo-sibirsk.ru/major/about/> (дата обращения: 19.11.2022).

Мальцева Л. Характеристика независимого социолога Мартин Сергей Дмитриевич // Кузнецкий рабочий. 06.03.1997.

Новосибирску — стабильность и развитие // Государственный архив Новосибирска Ф. 441. Оп. 1. Д. 732. Агитационные материалы кандидата на пост мэра Новосибирска Городецкого В.Ф. Т. 1.

Распопов А., Аркман А. Бату. Альфа-самец российской политики. Как Новосибирск провалил попытку провести «честные выборы» // Новая газета. 21.02.2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/17/batu-alfa-samets-ros-siiskoi-politiki> (дата обращения: 19.11.2022).

Самохина Л.В. Толоконский: «Быть готовым прийти к людям — обязательное качество руководителя» // Вечерний Новосибирск. 25.03.1994.

Соболева Л. Кислюк снял Мартина // Франт-очевидец. 15.02.1996.

Стенограмма обращения председателя Союза народно-патриотических сил России АМАНА ТУЛЕЕВА к новокузнецчанам // Кузнецкий рабочий. 03.04.1997.

Транспортная реформа в Новокузнецке. Здесь собраны все новости, касающиеся скандальной транспортной реформы в Новокузнецке // НГС. URL: <https://ngs42.ru/text/theme/19707/> (дата обращения: 19.11.2022).

Хахилева Н. Мэр Новокузнецка ушел в отставку из-за скандала с сыном // Комсомольская правда в Кузбассе. 07.04.2010.

PEOPLE AND PROJECTS: LEADERSHIP AS A BASIS FOR FORMATION OF POWER GROUPS IN A MODERN CITY (EXPERIENCE OF ANALYSIS OF POST-SOVIET HISTORY IN REGIONAL CENTERS OF SIBERIA)

Yu.A. Pustovoi

(pustovoi1963@gmail.com)

Siberian Institute of Management — the branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russia
Tomsk State University
Tomsk, Russia

Citation: Pustovoit Yu. Lyudi i proyekty: liderstvo kak osnova formirovaniya vlastnykh grupp v sovremennom gorode (opyt analiza postsovetskoj istorii v regional'nykh tsentrakh Sibiri) [People and projects: leadership as a basis for formation of Power groups in a modern city (experience of analysis of post-soviet history in regional centers of Siberia)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 139–156. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>

Abstract. *The focus of the article is the problem of the formation of power groups in cities. Based on the concept of interactive rituals by R. Collins, the author proposes a set of operationalized variables that make it possible to explain the phenomenon of leadership that manifests itself in the course of election campaigns, and various types of urban regimes that arise on this basis: hierarchical control and network coordination. Within the framework of the proposed approach, significant electoral events in two Siberian cities are considered, which are contrasting cases of regimes: Novokuznetsk and Novosibirsk. As an empirical base, together with the data obtained earlier in these cities (interviews, observations and analysis of the voting results), a comparison of the complexes of newspaper publications and campaign material was carried out, which makes it possible to find how in different periods the candidates formulated the main set of urban problems and ways to solve them (mobilization agenda). The author identifies three stages in the formation of differences in mobilization agendas, defining them as personal, positional and state. If at the first stages specific urban political experience and independence mattered, then, starting from the “zero years” and further, the subjectivity of city authorities decreases at different rates, political functions are narrowed in favor of economic and administrative ones, the proposed projects are focused around the problems of improvement and development. This trend, based on the notion of power as dominance (D-model), reduces the solidarity of citizens, their emotional energy, initiative and conflicts with the natural model of urban development, which implies an increase in scale and social diversity.*

Keywords: *city, leadership, power groups, elites, mobilization agenda, urban regime, Siberia.*

References

Buckley N., Reuter O.J., Rochlitz M., Aisin A. Staying out of trouble: Criminal cases against Russian mayors, *Comparative Political Studies*, 2022. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00104140211047399> (accessed: 24.11.2022).

Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.

Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. Munitsipal'naya reforma i raspredelenie vlasti v rukovodstve malogo rossiyskogo goroda [Municipal reform and the distribution of power in the leadership of a small Russian city], *Vestnik*

Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. 2015, 4 (144). pp. 7–16. EDN: TRJXMT. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Munitsipal'naya vlast': motivatsiya aktorov i praktiki vzaimodeystviya s regionalami [Municipal power: motivation of actors and practices of interaction with regionals], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2018, 5, pp. 263–294. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.10>. EDN: YTSRET. (In Russian)

Chirikova A. E. Komandy glav malykh rossiyskikh gorodov: vektory peremen [Teams of heads of small Russian cities: vectors of change], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2021, 8 (2), pp. 72–112. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.4>. EDN: EIDQSY. (In Russian)

Dal' R. *Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya* [Polyarchy: participation and opposition] Moscow: HSE, 2010. 288 p. (In Russian)

Denton R. E., Woodward G.C. *Political Communication in America*. New York: Praeger, 1990. 363 p.

Douglas M., Isherwood B. *The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption*. London: Routledge, 1996/2006. 169 p.

Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. *Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2006* [Local government reform in Russian cities, 1991–2006]. St Petersburg: Norma, 2008. 368 p. (In Russian)

Kazantsev K., Rumjanceva A. Ot izbraniya k naznacheniyu. Otsenka efekta smeny modeli upravleniya munitsipalitetami v Rossii [From election to appointment. Evaluation of the effect of changing the model of management of municipalities in Russia], *Issledovaniya po voprosam gosudarstvennogo upravleniya* [Research on public administration], 2020, 5 (5), pp. 4–66. (In Russian)

Khilgartner S., Bosk Ch.L. Rost i upadok sotsial'nykh problem: kontseptsiya publichnykh aren [The rise and fall of social problems: the concept of public arenas], *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], 2008, 2. Available at: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-330.pdf> (accessed: 19.11.2022). (In Russian)

Kollinz R. Programma teorii rituala vzaimodeystviya [The Program of the Theory of the Ritual of Interaction], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, 1, pp. 27–39. EDN: NBYNPD. (In Russian)

Ledyayev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. 472 p. (In Russian)

Mann M. *Istochniki sotsial'noy vlasti. Tom 4: Globalizatsii 1945–2011 gody* [Sources of social power. Vol. 4: Globalizations 1945–2011]. Moscow: “Delo” Publishing House RANEPa, 2018. 672 p. (In Russian)

Pustovoyt Yu.A. Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalitsii v sibirskikh gorodakh. [How a Regime is Created: Power Coalitions in Siberian Cities], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, 4, 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN: LASRAA. (In Russian)

Shtompka P. *Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak metod issledovaniya* [Visual sociology: photography as a research method]. Moscow: Logos, 2007. 231 p. (In Russian)

Strauss A., Korbin Dzh. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaja teorija, procedury i tehniki* [Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow: Jeditorial URSS, 2001. 256 p. (In Russian)

Tilli Ch. *Ot mobilizacii k revoljucii* [From mobilization to revolution]. Moscow: HSE, 2019. 432 p. (In Russian)

Vakhshayn V.S. *Voobrazhaya gorod: vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii* [Imagining the City: Introduction to Conceptualization Theory]. Moscow: New Literary Review, 2022. 576 p. (In Russian)

Virt L. *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a way of life]. Moscow: Strelka Press, 2016. 108 p. (In Russian)

КРИТЕРИИ ОТБОРА ГЛАВ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ: ФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

А.Е. Чирикова

(chirikova_a@mail.ru)

Институт социологии ФНИСЦ Российской академии наук
Москва, Россия

Цитирование: Чирикова А.Е. Критерии отбора глав муниципалитетов: формальные предписания и реальные практики // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 164–196

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.6>

Аннотация. Рассматривается наиболее актуальная проблема выборного процесса кандидатов на должность глав муниципалитетов — критерии отбора конкурсной комиссией кандидатов на должность глав администраций малых российских городов. Модель конкурса пришла на замену прямым выборам, считается весьма противоречивой и вызывает многочисленные споры среди специалистов. Именно поэтому в работе, с одной стороны, уделяется особое внимание формальным основаниям функционирования такой модели в оценках правоведов, с другой — приводятся эмпирические оценки региональными и локальными элитами наиболее востребованных критериев отбора кандидатов. Исследование проводилось в трех российских регионах с разным социально-экономическим профилем. Оценки, данные региональными элитами, дополнялись оценками локальной элиты в четырех малых российских городах. Всего проведено 92 интервью в 2018–2020 гг. На основании полученных материалов можно утверждать, что пока конкурсная модель выборов не получила однозначной оценки ни у правоведов, ни у представителей элитного корпуса. Региональные и локальные элиты, описывая действующие критерии отбора, признают, что оценка личностных качеств кандидатов осознается лицами, принимающими решения, как наиболее важная в конкурсном

отборе, но именно она имеет субъективный характер, что приводит к доминированию неформальных практик над формальными в процессе отбора кандидатов. Обращает на себя внимание тот факт, что локальные элиты в большей степени ориентированы при выборе на лидерские качества кандидата, тогда как регионалы в большинстве своем предпочитают исполнителей.

Ключевые слова: федеральные законы, конкурсная модель, критерии отбора глав муниципалитетов, образ предпочтительного кандидата, оценки локальных и региональных элит, лидерство, исполнительность.

ВВЕДЕНИЕ

Несколько лет назад мною была написана статья про предвыборные коалиции в условиях прямых выборов на примере двух малых российских городов и одного района Среднего Урала. Эмпирическое исследование проводилось в 2011–2013 гг. с использованием техники глубинного интервью с ключевыми фигурами — представителями региональных и локальных элит. Всего было проведено 34 интервью с лидерами местной власти, ключевыми бизнес-игроками городского и районного уровней, экспертами. [Чирикова 2018].

Ключевой вывод, который тогда удалось сделать — прямые выборы необязательно являются демократическим инструментом на пути во власть. Полученные результаты исследования позволяют обоснованно говорить о том, что не следует идеализировать прямые выборы. Умение включать неформальные ресурсы и создавать неформальные избирательные коалиции¹ позволяло в исследованных городах на протяжении нескольких лет «рисовать» нужные результаты или даже достигать их тем, кто был в них заинтересован, прикрываясь народным голосованием, которое реально добровольным было далеко не всегда.

¹ Следуя теории избирательных систем [Гельман 2013; Дегтярев 1998; Кинзерская 2008; Подвинцев 2007], не стоит забывать о формальных коалициях типа межпартийных. Но все же нельзя не признать: исход выборов во многом в исследованных городах определялся открытыми и скрытыми договоренностями элитных групп между собой, так как именно они позволяли консолидировать финансовые или административные ресурсы. Тем не менее нельзя не признать: главенствующую роль в прямых выборах играли неформальные коалиции, административный ресурс и ресурсы СМИ

Чаще всего подобные коалиции складывались или с представителями бизнеса, или с руководителями областной администрации. В одном случае удавалось получить финансовую поддержку, в другом — заручиться поддержкой тех, кто во многом определял правила выборной игры. Ресурсы СМИ также были весьма важны, так как через них формировалось общественное мнение, а это было чрезвычайно важно в предвыборной и выборной ситуациях.

Это свидетельствовало о том, что результаты прямых выборов скорее зависели от позиции региональных и локальных элит, их предпочтений тех или иных фигур на политическом поле, нежели от народного волеизъявления.

Сегодня, когда прямые выборы глав муниципальных образований и районов заменены на депутатское голосование местных представительных органов, а выбор осуществляется из двух кандидатур, предложенных конкурсной комиссией, ситуация изменилась, став более сложной, однако новая модель выборов вновь не избавила процесс избрания глав муниципалитетов от неформальных практик. Более того, критерии отбора кандидатов на должность главы муниципалитета хотя и имеют формальные очертания, однако реализуются на основе неформальных практик.

Неформальные практики и договоренности, давление на депутатский корпус с целью получения нужного выбора продолжают доминировать в политических практиках выборов в малых городах и районах, а региональная власть постепенно и успешно учится достигать свои цели, используя депутатский корпус. При этом созданы формальные правовые модели, которые успешно уживаются с неформальными практиками. Не всегда эти практики сопровождаются нарушениями с целью провести необходимых кандидатов. Но нередко проблемы возникают от того, что оценки, даваемые представителями элитного корпуса, разнятся от позиции к позиции, а компромисс нередко находится с трудом.

В предлагаемой статье мне бы хотелось описать и проанализировать, как представители региональных и муниципальных элит оценивают сложившиеся критерии отбора глав, какие из них они считают наиболее предпочтительными в условиях того или иного региона или города, как они оценивают взаимодействие высших должностных лиц региона с муниципалами. С этой целью был проведен эмпирический анализ действующих критериев отбора, используемых конкурсной комиссией,

с предварительным описанием формальных предписаний для отбора кандидатов на пост главы администрации муниципалитетов, исследуемых в основном правоведами.

Исследование проводилось трех российских регионах — D, B и P. Регион D был слабым в экономическом отношении, поэтому в нем отбор глав шел и идет до сих пор достаточно сложно. Регион B, расположенный в черноземной зоне, ориентирован в основном на сельское хозяйство и не является сильным в экономическом плане. Регион P — индустриально развитый, преимущественно промышленной направленности. В регионах D и P мною, наряду с регионалами, были взяты интервью с локальными элитами.

Цель интервью — проанализировать, какого именно кандидата по личностным качествам на должность главы, а впоследствии главу предпочитают локальные элиты по своим психологическим характеристикам — лидера или исполнителя? Всего было проведено 92 интервью в трех российских регионах с представителями региональных элит и представителями локальных элит в четырех малых городах (A, X, Y и C)

КРИТЕРИИ ОТБОРА ГЛАВ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ: ФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ

Процесс отбора глав муниципалитетов вот уже несколько лет, в отличие от прямых выборов, осуществляется конкурсными комиссиями [Осейчук 2008; Пылин 2009]. Предложенные ею два кандидата передаются в представительную власть муниципалитетов, из которых депутаты выбирают муниципального руководителя.

Так называемая конкурсная модель, согласно которой кандидаты для избрания на должность выдвигаются из числа лиц, представленных специальной комиссией по результатам конкурса, достаточно быстро распространилась по России [Федеральный закон 2015], причем ее активными сторонниками чаще других становятся властные структуры. И это не случайно. В конкурсной модели выбора глав муниципальных образований большинство депутатского корпуса (представительный орган) получает определенные преимущества в случае конфликта с исполнительной властью в лице главы местной администрации. Ведь именно с ними он подписывает контракт. Вполне понятно поэтому, почему члены партии, имеющие в настоящее время большинство в по-

давящей части муниципальных образований являются активными сторонниками и инициаторами введения этой модели [Солодкая 2010].

На ноябрь 2015 г. конкурсной модели придерживались 27,4 % муниципальных образований [Джагарян 2016], к марту 2016 г. эта цифра достигала 31,4 % [Информационно-аналитические материалы... 2017]. Дискуссии по вопросу целесообразности такой новации не утихают до сих пор. С одной стороны, появилась легитимная возможность экономить бюджетные средства, не проводя прямых выборов высших должностных лиц местного самоуправления, и избирать «предсказуемых» кандидатов. С другой — избиратели ряда муниципальных образований лишились возможности непосредственным путем влиять на местную власть. Система конкурсного отбора глав в некоторых муниципалитетах подтверждает обоснованность ее существования, но иногда провоцирует «битвы местного значения», затянувшиеся на долгие месяцы судебных разбирательства [Вискулова 2017]. И это хорошо осознается аналитиками. По мнению известного российского правоведа, профессора юридического факультета МГУ Сурена Авакьяна: «Прямые выборы — путь хлопотный и без гарантий прихода на должность человека, который устраивает исполнительную власть субъекта РФ, поэтому ищутся другие варианты» [Авакьян 2015: 52].

Конкурсная модель реализуется с помощью специально разработанных правовых механизмов, которые год от года совершенствуются.

Впервые конкурсная модель со своей системой критериев отбора на должность главы муниципалитета была прописана и вступила в силу после принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2003 г. [Федеральный закон 2003]. Позднее закон неоднократно корректировался в разные годы (2014, 2015, 2016, 2017, 2021) [Доклад о результатах... 2020]. Объясняется это весьма просто: до 2025 г. законодатели установили переходный период для приведения статусов и уставов муниципальных образований, а также законодательства в соответствие с изменениями, внесенными федеральным законом [Федеральный закон 2019].

После закрепления этого способа в федеральном законодательстве субъекты Российской Федерации стали активно предусматривать его в правовых актах для наделения полномочиями высшего должностного лица муниципального образования. Более того, некоторые регионы устанавливают его в качестве безальтернативного для определенных

видов муниципальных образований (прежде всего городских округов и муниципальных районов), не предусматривая для них иных вариантов наделения полномочиями высшего должностного лица. Так, в Волгоградской области по такому варианту избираются главы всех городских поселений, городских округов и муниципальных районов. А в законодательстве Республики Калмыкия данный способ избрания главы распространяется на все муниципальные образования республики [Коростелева 2016].

Порядок проведения конкурса по отбору кандидатур на должность главы муниципального образования устанавливается представительным органом муниципального образования. Кандидатом на должность главы муниципального образования может быть зарегистрирован гражданин, который на день проведения конкурса не имеет в соответствии с федеральным законом [Федеральный закон 2002] ограничений пассивного избирательного права для избрания выборным должностным лицом местного самоуправления. Если такой кандидат входил в состав депутатского корпуса, то в случае избрания главой муниципалитета его полномочия прекращаются.

Законом субъекта Российской Федерации могут быть установлены учитываемые в условиях конкурса требования к уровню профессионального образования и (или) профессиональным знаниям и навыкам, которые являются предпочтительными для осуществления главой муниципального района, муниципального округа, городского округа, городского округа с внутригородским делением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления [Федеральный закон 2019]

При этом в отношении требований к кандидатам на должность главы муниципального образования применяются две группы критериев: общие, установленные федеральным законодателем (к примеру, отсутствие ограничений пассивного избирательного права для избрания выборным должностным лицом местного самоуправления) и специальные, установленные законом конкретного субъекта Российской Федерации и условиями конкурса, утвержденными актами представительного органа муниципального образования. Возможно также установление дополнительных (конкретизирующих) квалификационных характеристик, подлежащих учету при принятии решения о замещении названной должности конкретным лицом, что, однако, должно исключать противоречивое толкование и правоприменение и не создавать

произвольные препятствия для доступа к замещению должности вопреки базовым конституционным принципам [Дорофеев 2020].

Представительному органу муниципального образования для проведения голосования по кандидатурам на должность главы муниципального образования представляется не менее двух зарегистрированных конкурсной комиссией кандидатов [Федеральный закон 2016].

Кроме того, уставом муниципального образования могут устанавливаться ограничения, не позволяющие одному и тому же лицу занимать должность главы муниципального образования более определенного уставом количества сроков подряд.

Казалось бы, принятый закон, как и поправки к нему, учитывают в полной мере складывающиеся практики отбора и избрания. Однако правоведы, которые анализируют, как эти законы работают применительно к муниципальным выборам, считают, что все многообразие подобных ситуаций им учитывать не удастся.

Так, правовед Иван Макаров определяет конкурсную комиссию как экспертный орган, которому представительный орган местного самоуправления (и органы государственной власти субъекта Федерации), во-первых, поручает ответить на вопрос о профессиональной пригодности претендентов, во-вторых, это политическая коллегия выборщиков, перед которой стоит задача как минимум заблокировать неблагонадежных претендентов и как максимум освободить представительный орган от обременительной обязанности делать самостоятельный выбор из нескольких ключевых лидеров. Это позволяет автору после проведенного анализа сделать весьма критичный вывод: «Опыт моих личных наблюдений показывает, что многие участники конкурсного процесса отбора кандидатов на должность главы местной власти воспринимают эту процедуру как отказ от обязанности делать самостоятельный выбор. При этом процедура политического выбора камуфлируется под независимую работу беспристрастного экспертного органа» [Макаров 2010: 87].

Оппонируют правоведам тверские социологи Элеонора Матвеева и Елена Симонова, которые убеждены: конкурсная модель отбора глав имеет высокий потенциал и будет все более распространяться в России: «Поддержка внедрения конкурсной модели избрания глав МСУ 1/3 рядовых граждан и значительной частью муниципальных руководителей, дает основание говорить о наличии потенциала легитимации данного способа формирования исполнительных органов МСУ среди населения»

[Матвеева, Симонова 2017: 83]. Тем не менее, настаивать на том, что эта процедура работает эффективно, они явно не хотят: «Абсолютизировать значение рассматриваемых процедур не следует. Необходимо постоянно искать баланс между процессами централизации и децентрализации и останавливать выбор на тех вариантах, которые не противоречат сущностным характеристикам местного самоуправления» [Матвеева, Симонова 2017: 88].

На мой взгляд, такая осторожная оценка вполне правомерна. Число судебных исков в связи с использованием конкурсной выборной модели, несмотря на ее постоянное правовое совершенствование, растет [Вискулова 2017], в том числе за счет судебных исков, поданных гражданами. Тем не менее, судебная практика 2015–2016 гг. свидетельствует об известной безуспешности попыток граждан, проживающих на территории муниципальных образований субъектов РФ — учредителей безальтернативного «конкурсного» способа замещения должности глав, быть признанными надлежащими заявителями, права которых нарушены [Вискулова 2017].

Таким образом, анализ действующих законов и подзаконных актов свидетельствует о том, что пока формальные процедуры отбора кандидатов на должность глав городов нельзя назвать полностью проработанными в законодательном смысле. Тем не менее, хаотичное распространение конкурсов на должность глав городов в различных регионах России позволяет предположить, что на создание отработанной в законодательном смысле модели потребуется значительное время, пока не станет ясно, как ее сбалансировать.

Также анализ дает основание утверждать: формальные критерии для отбора кандидатов общи и не учитывают или учитывают частично такие личностные качества, как социальный опыт, лидерские качества, инициативность, способность противостоять и находить сложные решения в сложных ситуациях, поэтому есть все основания предполагать, что формальные предписания — лишь верхушка айсберга, но самое интересное и важное располагается в глубине. Поэтому меня будет интересовать именно подводная часть критериев отбора, которую возможно вскрыть, описывая практики отбора в оценках региональных и локальных элит.

КОНКУРСНАЯ ПРОЦЕДУРА И ОТБОР КАНДИДАТОВ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ ГЛАВ МЕСТНЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ: КРИТЕРИИ ОТБОРА И ПРАКТИКИ В ОЦЕНКАХ ЭЛИТ

Изучая практики отбора кандидатов на должность глав местного самоуправления на примере малых российских городов, я в первую очередь хотела понять, как местное самоуправление воспринимается на региональном уровне, как лица, выстраивающие стратегию работы с муниципалами, видят принципы работы с местным самоуправлением, какие критерии подбора кадров считают определяющими.

Размышляя в своих интервью о местном самоуправлении, представители элитного корпуса региона D и малого города C серьезно подошли к обдумыванию критериев для подбора глав для местной власти.

Большинство из них сошлись во мнении, что это должны быть люди, способные коммуницировать с населением и элитами, а не бегать от них. *Нельзя назначать в местную власть человека, которого не примут местные элиты... Людей, у которых нет достаточных компетенций. Прежде всего коммуникаций. У нас половина глав, назначенных при прежнем губернаторе, интроверты... Это руководители, не умеющие общаться с людьми... Хорошие парни, вопросов нет. Но они не соответствуют своему месту... Отличные люди. Но они не держат ситуацию, —* убежден руководитель департамента внутренней политики.

О том, что у людей во власти прежде всего должна быть ответственность перед людьми, умение отвечать на их просьбы, стратегическое мышление, говорит директор завода в городе C: *Я много повидал глав городов, я сам работал в этой системе, первым заместителем, и знаю: кто что говорит и то, чем он на самом деле дышит, — это две большие разницы. Самое главное — чтобы человек, который идет во власть, понимал, что власть дается для реализации пожеланий людей. А не для своих планов. И для личного обогащения... Работа в администрации города, при том количестве проблем, которые есть, это адова работа.*

Но и это не единственные требования. Не менее важно, по мнению директора, чтобы человек, пришедший во власть был «крепким хозяйственником, нормальным человеком, стремящемся к развитию, работоспособным, компетентным, но самое главное — стратегом».

К этим качествам бывший вице-губернатор, депутат областного собрания добавляет свое видение. Это должны быть люди с опытом, умеющие разрешать сложные ситуации, люди, которых можно назвать зрелыми: *Есть такое понятие — зрелость. Когда ты понимаешь людей... У тебя есть определенный житейский опыт... Когда ты можешь видеть всю картину и выбирать главное... Ты знаешь приоритеты, знаешь, куда следует прилагать силы... Вот этого в назначениях нет. Можно окончить 5 вузов, но без этого ты не сможешь быть во власти успешен.*

Интересную точку зрения относительно того, из каких ниш должны рекрутироваться главы местного самоуправления и почему варяги сегодня необязательно проигрывают местным, высказывает руководитель департамента внутренней политики, который сегодня непосредственно занят отбором кандидатов на пост глав городов: *Многие говорят сегодня — нам не нужны варяги. Давайте обсуждать только местные кандидатуры. На самом деле в той и в другой конфигурации есть плюсы и минусы... В любой ситуации варяг располагается над межэлитными конфликтами... Но одновременно он не знает специфику местной территории. Ему надо время для адаптации. Ему надо интегрироваться, понять расклады, людей... кто что может... Местный — он волей или не волей представляет чьи-то интересы... Но при этом ему не надо интегрироваться.*

На вопрос о том, какой из двух вариантов предпочтительнее, «главный по людям» в регионе дает вполне определенный ответ в пользу местных кандидатур: *Кто предпочтительнее, зависит от текущей ситуации. Акцент, который для нас с губернатором важен сегодня — это чтобы руководители были каким-то образом связаны с территорией. По крайней мере, понимали, от чего зависит данная территория. Мы ведем предварительные переговоры... консультации, смотрим ожидания... Самое главное сегодня, чтобы человек эффективно работал на своем месте. И работал на результат. Результат муниципальной политики — это люди. Мотивированные люди во власти на всех уровнях.*

Развернутую аргументацию выбора в пользу местных кандидатов на пост главы города перед варягами, дает депутат областной думы, лидер фракции коммунистов: *Любой руководитель-назначенец воспринимается в городе как нечто неизвестное и опасное для города... Он не местный, он не укоренен в городе. Он воспринимается инородным телом в структуре общественной жизни... в бизнес-сообществе... И вряд*

ли он сможет влиться в местную жизнь... Он сам себя воспринимает как агента влияния областного правительства. И первого лица региона... Это удобно: он не несет обязательств перед населением... Он выстраивает стену от жителей, и окружает себя теми, кто ему удобен... и комфортен... Совсем не по принципу профессиональной грамотности... Хотя традиция выбора варягов сохраняется и ее трудно сломать.

Отмена прямых выборов глав привела к тому, что теперь эффективность деятельности пришлых глав стало отслеживать все труднее на фоне все ужесточающегося законодательства в части бюджетных и расходных обязательств, убежден лидер коммунистов: *С момента отмены выборов не стало результатов, на которые местная власть оказывала бы существенное влияние. Все перешло в режим косметических подчисток. Косметического ремонта фасада... Они понимают, что их возможности ограничены... Бюджет, они не могут действовать, потому что связаны законодательством по бюджету. Тем более что он нищий... Согласно законодательству, нельзя увеличивать расходные обязательства, а без этого нельзя ничего существенно изменять. Когда человек приходит руководить во власть с благими намерениями, а потом натывается на систему сплошной зарегламентированности, ему ничего не остается, как несколько увеличить свое благосостояние. А потом немного посидеть на нарах.*

Несмотря на то, что формальные условия и персональные качества лидеров — это две взаимодополняющие характеристики, меньшая часть элиты склоняется к констатации важности именно формальной составляющей, признавая ценность персональных качеств, которые, впрочем, не являются определяющими. Вслед за лидером коммунистов указывает на приоритетное значение формальных границ, диктуемых законодательством перед персональными качествами, бывший вице-губернатор, депутат областного собрания: *Персона многое, конечно, может изменить во власти. Но есть некие вещи, которые прописаны в законодательстве... Их все равно не поменяешь... Есть формальные правила, которые многое определяют в местном самоуправлении.*

Тем не менее, большинство элит настаивает на том, что личные качества важны хотя бы потому, что надо уметь не только следовать правилам, но и научиться их обходить законными путями. Именно поэтому столь большие требования они предъявляют к такому качеству личности, как инициативность. Однако многократно звучащее требование инициативности в местной власти, похоже, не может быть удов-

летворено при любых стратегиях, так как оно противоречит правилам игры в институтах власти любого уровня. Система, которая сложилась во власти, она не ориентирована на инициативу... Ты должен выполнять то, что тебе скажут. Любые главы — это просто исполнители. Это не инициаторы... Тебе надо — давай сделаю... Это не люди, которые умеют находить инвестиции, притаскивать деньги... У которых есть понимание того, как город должен развиваться... Решать экологические проблемы или любые другие... Глава города — ставленник губернатора... Это фигура несамостоятельная. Таковы правила игры... Он готов не спать, стараться, выполняя волю высшего должностного лица... А самому что-то придумать — этого нет, — убежден региональный эксперт с опытом работы в структурах власти.

Возникает вопрос, а где взять людей, которые бы отвечали выдвинутым требованиям? Автоматически они не появляются, и это хорошо понимают элиты. При поиске ответа на поставленный вопрос руководители с советским прошлым вспоминают тогдашнюю систему переподготовки кадров и сожалеют о том, что сейчас ее нет: Раньше была система выращивания руководителей... Сейчас всю эту школу разрушили... Имеют роль связи и контакты... Это резко снижает уровень управления... И самое главное — резко снижает эффективность. Весь контроль за назначениями в Кремле остался у старшего поколения. Что они думают? Молодежь будет резвиться под их мудрым оком? Раньше ни одного дурака в обкоме не было... А сейчас они есть — это часть людей, которые принимают решения о назначениях.

Тем не менее, система подготовки кадров, выработанная в советское время, сегодня вряд ли помогла бы, хотя бы потому, что требования к власти со стороны элит и населения городов возросли многократно, что особенно заметно на примере города С. Вот что по этому поводу говорит один из наших экспертов: Горожане в С злые. Там отрицание власти полное. Критика всего... Если ты встал, то зачем... Амбиции, может быть, и есть, но когда нет хватки, способности, желания, то тогда пропадают и амбиции. На местах люди работают намного слабее, чем в столице области... Из них единицы, и среди них вернувшаяся в С глава, которая при всех издержках делала больше, чем другие... Этот уровень власти достаточно плохо обеспечен кадрами... Скамейка запасных практически пуста.

С этим не соглашается руководитель департамента внутренней политики области, которая полагает: что настойчивая констатация того,

что кадров для местного самоуправления не хватает, следствие недостаточного знания людей на местах, а совсем не их реальный дефицит: *Скамейка запасных короткая, потому что мы не знаем на самом деле людей и не ищем фигур из других ниш. Люди есть. Достаточно профессиональные и компетентные... Вполне готовые для того, чтобы делать сложную работу по развитию города.*

То, что следует искать людей из новых ниш, а не только их обучать, обусловлено, по мнению руководителя департамента внутренней политики, тем, что молодых глав городов научить комплексу знаний можно, но эти знания не могут заменить социального опыта, опыта управления людьми: *Кроме профессиональных компетенций, у человека должен быть социальный багаж, а этого обучающими программами не сделать... Я же не могу молодую Машу поставить главой города... Как бы она хорошо ни училась.*

По мнению элитного корпуса регионального уровня, реально работающим сегодня в местном самоуправлении людям не хватает именно социального опыта, так как они не всегда понимают, как им следует вести себя в неординарных, а иногда и в аварийных ситуациях. По крайней мере, именно так считает бывший вице-губернатор: *Когда я работал вице-губернатором, 2/3 глав надо было просто гнать. По одной простой причине — не могут и не хотят... И не пытаются... Таких, к сожалению, было большинство... Глава, щеки вот такие, смотрит на всех свысока... Но создает такие ситуации, что мама родная... Спрашиваю, ты не мог раньше сказать, что ситуация такова... Нет молчал, и запускал проблему, когда все было на грани срыва. А ведь речь шла об авариях, которые можно было предотвратить. Почему? Боялся...<...> Эти ситуации создавали люди, которые давно были в главах... И они были не на плохом счету. Сегодня ситуация меняется, но пока очень медленно.*

Но дело не только в квалификации, обученности или мотивации муниципалов. Хотя они очень важны. Идет сокращение полномочий, что значительно затрудняет работу на местах. Действовать в узком коридоре возможностей, определяемых законом местному самоуправлению, под силу далеко не каждому. В результате изменить что-либо в малом городе чрезвычайно сложно: *Полномочия местного самоуправления сокращаются, как шагреновая кожа. В одном конкретном городе нельзя инициировать изменения, если город, конечно, не сидит на нефтяной трубе. Не понимая общих механизмов, причин и закономерностей*

в локальном пространстве, трудно что-либо изменить. Однако роль личностного фактора, грамотного руководства никто не отрицает. Но важна общая социально-экономическая ситуация в городе... Если она на низком уровне, изменения будет трудно осуществить в том коридоре полномочий, которые законодательно определены. Должно быть понимание стратегии развития города. Иначе это будут метания из стороны в сторону. Сегодня намерения изменить ситуацию есть, и за него даже награждают, но реального движения вперед нет, — убежден депутат областной думы, лидер коммунистов в областном законодательном собрании.

Именно поэтому неоправданным в глазах части респондента выглядит стремление оценивать власть в малом городе и ее эффективность исключительно с позиций позитивных личных качеств, отдавая предпочтение так называемому персональному фактору. Не исключено, как считают некоторые респонденты, что он важен, но только при наличии слабых социально-экономических условий: *Если бы было все нормально с экономикой города, то никого бы не интересовало, кто именно им управляет... Личностные характеристики руководителей города мало кого волновали бы. Когда в итоге в городе не происходит положительной динамики... начинают искать причины, в первую очередь в руководстве. И в моральном поведении руководителя... Как именно он выстраивает свою политику. Источники, на мой взгляд, кроются в моделях формирования местной власти, которые есть в 131 законе.*

Это особенно бросается в глаза, хотя бы потому, что сегодня эффективность управления городом определяется процентом голосования. *«Много людей голосует — хорошо. В корне изменился подход к оценке эффективности работы глав. Хорошо, что есть независимые структуры, которые вырабатывают свои критерии. Но доминирует все равно позиция лояльности... позиция результатов голосования на выборах.*

Спор о том, чего больше не хватает лидерам городов, — формальных полномочий или лидерских качеств, способных помочь в преодолении инерционности институтов власти, видимо, следует разрешить в пользу личностных качеств. И необходимости подбора тех кандидатур, которые способны в заданной системе ограничений существовать. Достаточно вспомнить губернатора-тяжеловеса Белгородской области или губернатора, много лет возглавлявшего Свердловскую область, которые на протяжении многих лет вели свои регионы к высоким показателям социально-экономического развития, несмотря на все ограничения

властных институтов, тогда как другие лидеры регионов объясняли, почему они этого не могли сделать, ограничениями в системе законодательства. Умение действовать успешно в любых условиях могут реализовать люди со «сценарием победителя», именно таких людей следует искать для управления властными институтами, в том числе в малых российских городах.

В регионе В мною были получены схожие оценки для отбора кандидатов на должность главы администрации, характерные и для региона D. Однако кейс D убедительно показал: конкурсная модель отбора кандидатов в сильной степени зависит от характера отношений высшего должностного лица с местной властью, от его представлений о том, каким должен быть первый человек во власти в городах и поселениях.

Во времена, когда у власти в регионе В находился предшествовавший губернатор, (1999–2015), основным его принципом для отбора руководителей исполнительной власти было наличие опыта работы в советских структурах, в частности партийных. Он формировал круг руководителей поселений из известных ему кадров, так как хорошо знал людей в области. Он не был ориентирован на подбор исключительно молодых кадров, что было признаком времени. В 2000-х годах принципы рекрутирования людей из ближнего окружения, проверенных совместной работой во власти или в партии, были весьма востребованы. Вот как этот период комментирует один из наших респондентов: *Многие тогдашние главы были секретарями партии. Были еще руководители небольших исполкомов. Прежний губернатор знал их чуть ли не с пеленок. В результате у него сложился свой состав местных руководителей. Стабильный состав. В одном из городов руководителем был человек, который сидел там с советских времен. Он не был первым секретарем, но он был рядышком. В основном губернатор ориентировался на людей, у которых был советский руководящий опыт.*

Подобная стратегия губернатора подбора кадров для лидерства в местной власти воспринималась как вполне приемлемая и не вызывала отторжения у элитных групп.

Пришедший ему на смену молодой губернатор, бывший ректор университета, сменил действующие принципы подбора руководящих кадров для местного самоуправления, хотя и многое заимствовал в принципах подбора у бывшего лидера области. Прежде всего, при подборе людей во власть он сохранил ориентацию на опыт муниципального управления, хотя и сделал ставку на более молодых.

Что еще нового появилось в отборе кадров? По мнению заместителя директора департамента общественных связей и информационной политики, начальника управления общественных связей области, новое есть, и оно касается требования губернатора к умениям глав быстро реагировать на запросы населения: *Ориентация на потребности общества — это основной принцип губернатора. Главы должны уметь реагировать на потребности горожан. Здесь в первую очередь учитываются ошибки прежней власти. Почему был плохой глава? Он не умел работать с населением. Каждый новый глава должен быть лучше предыдущего в любом случае, и уметь работать с населением. Показательный принцип губернатора при отборе глав, -глава должен быть ближе к людям. Он должен быть связан с территорией, не быть чужаком. Он обязательно должен быть хозяйственником с определенным опытом работы. Просто говорящая голова никому не нужна. Нужны люди компетентные, в том числе в экономическом плане. Губернатор- доктор экономических наук. Он знает специфику экономики и хочет, чтобы руководители, работающие под его руководством, тоже в ней ориентировались.*

Подтверждает этот принцип и заместитель директора департамента государственной муниципальной службы и противодействия коррупции, начальник управления по развитию территорий: *Наша местная власть не прячется от людей. У нас житель района или города может просто зайти к главе, особенно в районе. Даже не записываясь на прием. Адекватный житель, потому что еще бывают неадекватные. И такие случаи не единичные, их очень много. И с ними глава должен уметь работать. У нас сегодня нет глав, которые далеки от общества. Они все близки максимально.*

Действующий губернатор поставил цель сформировать управленческий резерв, и похоже, что эта цель в области вполне успешно реализуется. *Сейчас резерв управленцев активно формируется. У нас это лидеры... Прошел первый тур. Людей начали постепенно ставить. В том числе и главами. Пока поселенческого уровня. Один из советов возглавил победитель этого конкурса. До этого он был заместитель главы одного из поселенческих образований. Сейчас он возглавил крупнейший сельсовет одного из районов. Это пригород города, известного в области. Губернатор считает, что лидеров надо выращивать. Это целая программа, ее надо пройти. Надо защищать проекты. У прежнего губернатора были другие масштабы. Программа подготовки управленческих кадров, была более локальная. Сейчас программа более широкая. Она замкнута*

не только на столицу области, но и на муниципалитеты. Сейчас возможности технические более широкие. Реализация областной программы — выход на программу «Лидеры России». Наши ребята там выступают и неплохо себя проявляют, — считает исполнительный секретарь Совета муниципальных образований области, заместитель председателя общественной палаты.

Перечисленные выше компетенции, прежде всего ориентация на общество, безусловно, не единственные. Описывая набор компетенций, которым должен обладать претендент, начальник отдела по развитию территорий замечает: *Глава должен быть хозяйственником. Он должен уметь правильно расставить приоритеты. С учетом тех задач, которые ставит перед ним руководство страны в целом. И руководство области. Для этого человек должен иметь как минимум образование. Он должен иметь опыт работы. Обладать определенными навыками работы с людьми.*

Какова процедура отбора кандидатов, которые потом предлагаются для голосования в городские думы на пост главы города?

Процедура отбора кандидатов на руководящие должности осуществляется конкурсной комиссией, правила работы которой предполагают проведение четкой процедуры: *На сегодняшний день все кандидаты на должность главы проходят конкурсную процедуру. Конкурс состоит из 2 этапов. Конкурсная процедура дает возможность посмотреть каждого из кандидатов на соответствие всем параметрам. Есть определенный набор критериев. Это решение не единоличное. Это коллегиальное решение. Каждый кандидат готовит свою стратегию развития той территорией, которой собирается управлять. Ее можно посмотреть уже заранее, — подчеркивает в своем интервью начальник отдела по развитию территорий области.*

Число кандидатур, допущенных к конкурсу, может быть различным, достигая шести, но обычно их число колеблется в пределах трех-четырёх человек. Меньше двух кандидатов не бывает.

При рассмотрении оценки потенциала кандидата комиссия опирается на множественность критериев, среди которых ключевую роль играют успешный опыт работы на предшествующих должностях и наличие креативных, идей, вкуче со знанием российского законодательства: *К каждому конкурсанту комиссия подходит индивидуально. Рассматривает его преимущества и недостатки. Все кандидаты приходят с портфолио. Где они работали, какие у них идеи... Что они могут,*

какие у них есть заслуги. На этом дело не заканчивается. Есть тестирование на знание законодательства. Начиная с конституции и заканчивая местным самоуправлением. Все оценивается в совокупности. В комиссии действует балльная система. Два кандидата, набравших большее количество баллов, отдаются на рассмотрение в городской или районный совет народных депутатов. Это объективно, мы не можем всех туда направить. Из них депутаты выбирают ту кандидатуру, которую считают более приемлемой, — продолжает начальник отдела по развитию территорий.

Важное преимущество кандидата — знание территории, которой он хочет управлять, однако данный критерий не является императивом при отборе, как считает наш респондент: *Большую роль играет фактор местности. При выборе важно, чтобы человек был местный. Однако есть много примеров, когда люди из других территорий работают добросовестно и хорошо. Более того, становятся уважаемыми на той территории, на которой работают. Это зависит от тех дел, которые глава делает... Какие блага он приносит на территорию. Насколько открыто он общается с обществом. Замалчивает ли он проблемы, или пытается их решить. Особенно коллективно. Человек с другой местности за короткий промежуток времени может завоевать доверие жителей. И он практически становится своим. Такие примеры тоже есть. Принадлежность к территории желательный, но необязательный принцип.*

Ему оппонирует бывший мэр города А, а ныне депутат областной думы: *Критерий для главы один — откуда ты пришел... Мы наелись, когда завлабораториями становились министрами. Желательно, чтобы кандидаты были из твоего родного города. Это наш местечковый менталитет. Местный человек знает людей. Он знает, на кого опереться. Вот вспоминаю митинг в 1990-х годах, когда было трудно убедить людей. Я в толпе находил лица, которые знаю и на кого могу опереться. Не местный бы на моем месте с этой ситуацией не справился никогда. Я знал своих сторонников, и знал, кто на что способен из подленьких. В толпе. Я их всех знал. Я их мог назвать по именам. Главе легче, если он вырос в городе. Ему веры больше. В городе столько проблем, что сказать однозначно — все влюбились в главу, такого не будет. Здесь главное — доверие¹.*

¹ Важно, что выбор кандидатуры действующего главы города А был обусловлен его местным происхождением, несмотря на то что он долгое время

Также в интервью бывший мэр озвучивает важный критерий при отборе глав, который не упоминается большинством наших респондентов, но является ключевым при оценке главы элитой или населением той или иной территории: *Самое главное — не брать. В нищем городе это особенно правильно. В городах области богатые люди есть, но в основном города нищие, за исключением столицы. В нищем городе могут простить многое, но не простят мздоимства. Или отката. Этого не простят... Я точно знаю».*

Работа конкурсной комиссии проходит при патронате со стороны вице-губернатора, руководителя аппарата области, хотя один из респондентов считает, что он не обладает эксклюзивными правами в выборе кандидата: *В комиссию входит вице-губернатор. Он участвует в отборе кандидатур. Его рекомендации принимают во внимание. Он имеет равное право голоса. Он может высказывать свое мнение. Но повлиять на конечный исход всего он не может. Плюс ко всему — тестирование на знание законодательства, оно сугубо личное и может серьезно влиять на выбор. Оно происходит прямо на глазах. Все сидят, и все заполняют тесты. Это как ЕГЭ. Ничего не сделаешь... Личностные качества кандидата имеют большое значение, и именно их оценка делается вице-губернатором. Он смотрит на кандидата как на человека. И на его личностные возможности.*

Видимо, респондент не хочет переоценивать влияние вице-губернатора на решения конкурсной комиссии, но все же сложно предположить, что руководитель аппарата области имеет равное с членами комиссии влияние на принятие финального решения. Скорее ситуация противоположная: именно он определяет конечный состав кандидатур, который подтверждается решением комиссии.

Почему именно конкурсная комиссия определяет кандидатов, почему прямые выборы оказываются не устраивающими регионалов? Ответ на этот вопрос дает наш предыдущий респондент: *Конкурс сделан для того, чтобы власть была более открыта. Это не просто назначение.*

работал в области. Глава к моменту выбора прошел все ступени. Немаловажной причиной, по мнению одного из наших респондентов, явилось то, что «кандидат на должность работал с главой аппарата в свое время. И он его хорошо знал. Главное — он знал, что он может... Он был уверен, что предлагаемая кандидатура сможет ситуацию в городе изменить. Кроме того, он будет взаимодействовать с областью, и реализовывать поставленные перед ним задачи».

Мы хотим, чтобы была максимальная открытость власти. Это не прямые выборы, да. Когда прямые выборы, мы не можем узнать человека с точки зрения его профессиональных качеств. В этом есть минус, согласитесь... Народ может любить человека, но он не всегда профессионален»¹, — считает начальник управления по развитию территорий.

На вопрос о том, являются ли отобранные с помощью конкурсной комиссии кандидаты эффективными руководителями своих территорий, наш респондент уверенно отвечает: *Уровень действующих глав вполне приемлемый. Они справляются со своей работой. Проблем у каждого хватает. На любой территории. Это нормальное явление. Без этого никуда. Уровень глав даже не средний, а высокий... Есть мастодонты, которые действительно профессионалы. Снимать никого не приходилось. По собственному желанию уходили. Понятно, что в каждой территории к главе относятся по-разному... К кому-то больше уровень доверия, а к кому-то меньше... Но в целом они справляются.*

Важно, что в данном регионе главы покидали свои посты не из-за коррупции, а по состоянию здоровья или из-за иных причин. Отсутствие коррупционной составляющей в работе местной власти наш респондент объясняет позицией губернатора, которая, по его словам, последовательно проводится главами: *Уходы глав нельзя списать на коррупцию. В области это запретная тема. У нас только одного человека посадили. У нас нет в регионе выраженной коррупционной составляющей. Это было первое, на что наложил запрет губернатор, когда занял свой пост. Никогда, ни при каких обстоятельствах... Не дай бог... Кто-нибудь... Он в этом плане очень принципиальный. Это правда. И это хорошо.*

Подтверждает тезис начальника отдела по развитию территорий о том, что главы местного самоуправления в основном справляются с поставленными перед ними задачами, прежде всего с благоустройством территорий, и социолог, специалист по изучению общественного мнения администрации области: *Раньше приезжаешь в малый город, там одна разруха. Сейчас приезжаешь — везде палисаднички, заборы покрашены. Почему так? Жители говорят, мы свое отпили, теперь хотим, чтобы красиво было. Спрос с власти со стороны населения стал больше. Немного отошли от понятия, что государство всем все должно.*

¹ С предложенной точкой зрения согласны далеко не все эксперты, ратующие за прямые выборы, но данный руководитель убежден, что это лучшее решение, хотя с его точкой зрения вполне можно не согласиться.

Но местная власть, по мнению многих, должна заботиться о жителях. Вот в одном районе кладут асфальт, дорожки пешеходные сделали. Местные жители рассказывают: «Ходят и следят за работой заместитель главы и председатель сельсовета, а как же иначе? Это же наша власть... Она должна помогать в благоустройстве». Есть запрос со стороны населения, его надо исполнять.

По мнению начальника отдела по развитию территорий области, немаловажно, что главы — это вполне сплоченная группа лиц, с которыми губернатор работает постоянно, стремясь сделать их настоящими лидерами своих территорий: *У нас дружные и сплоченные главы. Благодаря губернатору. Он работает над коллективной сплоченностью своей команды. Это его непосредственная работа. Мы часто собираем всех вместе. В рабочем формате. Круглые столы, обучающие семинары. Они друг с другом много общаются. Они друг друга узнают. Многие из них дружат... Это помогает работе.*

В настоящее время губернатора, бывшего ректора вуза, сменил новый губернатор, ранее занимавший руководящие посты в Москве (заместитель министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, главный государственный жилищный инспектор Российской Федерации), однако его политика в отношении глав местного самоуправления пока не получила четких очертаний, что станет делом недалекого будущего.

Итак, проведенный анализ материалов интервью на примере исследованных регионов позволяет утверждать: в регионах России работают созданные институты по отбору кандидатов лидеров местного самоуправления. Эти институты формализованы и опираются на ряд формальных процедур, позволяющих объективировать процесс отбора кандидатов.

Тем не менее, создание таких процедур не отменяет неформальных предпочтений для отдельных кандидатов, которые по тем или иным причинам лучше известны лицам, работающим в отборочных комиссиях. Особые предпочтения члены комиссии могут оказать тем кандидатам, которые имеют успешный опыт управления муниципальными образованиями. Одновременно они входят скорее в средний, чем в старший возрастной диапазон.

Большое значение при отборе кадров местного самоуправления имеет федеральный центр, который задает процедуры и критерии отбора глав и к советам которого регионы прислушиваются.

Создание программ по формированию политических лидеров («Лидеры России» — открытый конкурс для руководителей нового поколения), которые разворачиваются как на федеральном, так и региональном уровнях в последние годы, свидетельствует о том, что теперь у регионов появляется дополнительный канал, с помощью которого они смогут пополнять всегда имеющийся дефицит муниципальных руководящих кадров.

До сих пор ограничением для такого пополнения является сохраняющийся принцип продвижения на руководящие посты за счет личного знакомства кандидата с тем или иным членом конкурсной комиссии. Безусловно, это в ряде случаев вполне оправданный принцип, но он не может быть определяющим при отборе.

Важно, что принцип принадлежности к той или иной территории в этих регионах остается востребованным, хотя бы потому что, как показывают данные нашего исследования, варяги оказываются менее продуктивны, чем укорененные кандидаты. Не исключено, что есть и противоположные примеры, но длительное общение с руководителями власти в малых городах до сих пор убеждает в том, что «местечковый менталитет работает». Это не означает, что во всех случаях следует учитывать подобный менталитет, но то, что работа такого руководителя в городе будет осложнена многими дополнительными трудностями, сомневаться не приходится.

Результаты проведенного исследования, на примере рассмотренных регионов, дают возможность для осторожного вывода: качество кандидатов для работы в муниципальной власти можно контролировать и совершенствовать в том случае, если в работу комиссии не вмешиваются субъективные факторы отбора кандидатов. Пока говорить о том, что от этого удалось уйти, вряд ли возможно.

Отдельные оценки, полученные в ходе интервью, позволяют предположить, что качество муниципального лидерства в рассмотренных регионах улучшается. Однако утверждать, что это может быть общероссийским трендом, вряд ли возможно. Именно поэтому мне хотелось бы специально выделить те оценки муниципальных элит, которые позволяют ответить на вопрос «Какие главы сегодня нужны муниципальной власти — лидеры или исполнители?», опираясь на оценки региональных и муниципальных элит, полученные в регионе В и Р.

КАКИЕ ГЛАВЫ НУЖНЫ СЕГОДНЯ ЭЛИТАМ — ЛИДЕРЫ ИЛИ ИСПОЛНИТЕЛИ?

Ответ на поставленный вопрос далеко не очевиден. Классик теории городских режимов и один из крупнейших специалистов по городской политике К. Стоун полагает, что именно лидер способен переломить кризисные явления и обеспечить необходимый уровень поддержки территории [Stone 1995]. Наши респонденты — представители городских элит в целом разделяют этот постулат. Но добавляют: помимо лидерских качеств, глава и другие руководители города (района) должны быть хорошими исполнителями, поскольку этого требуют региональные и федеральные власти. Практически все они, так или иначе, считают необходимым сочетание лидерства и исполнительности, но акценты расставляют по-разному.

Наиболее последовательно подчеркивают первостепенную важность лидерских качеств респонденты в городе X: *Я более чем уверен, сегодня муниципальной власти нужны лидеры. Муниципалитету просто не продвинуться и не прожить, если нет лидера. Он не может без лидера создать свою уникальность, —* убежден бывший мэр города X. Аргументируя свою точку зрения, он подчеркивает, что быть просто хорошим исполнителем недостаточно: *Региону сегодня нужен управляемый управленец. Но такой человек не нацелен в будущее. Он живет от приказа до приказа. Но если он не будет думать о завтрашнем дне, это тупик.*

Активно поддерживает идею востребованности лидера в муниципальном управлении и бывший первый заместитель главы города, ныне директор сельскохозяйственного колледжа: *Если ты хороший исполнитель и идешь в рамках коридора, ты ничего не достигнешь.*

Глава района, как и некоторые другие наши респонденты, связывает лидерство с возможностью действовать нестандартно и выйти за рамки жестких предписаний и регламентов. Он убежден, что законодательные акты не могут предусмотреть все многообразие ситуаций; поэтому руководствоваться только ими — значит не двигаться вперед: *Не все в законе прописано... Законы иногда очень неповоротливы и ты, следуя им, ничего не можешь сделать. Если этого нет, на территории ничего не будет происходить.* А председатель Земского собрания подчеркивает, что «если нет лидера в исполнительной власти, тогда депутаты впадают в апатию».

Уверенность в том, что лидер просто необходим городу X, при-
суща не только работникам администрации, но и тем, кто обслужи-
вает их деятельность и может оценить их работу со стороны: *Наш
город безумно нуждается в лидере... У нас нет четко выстроенной
стратегии развития. Нет единой команды, которая бы знала, к чему
она идет... Мы просто мечемся, —* считает руководитель городского
телевидения.

В этом же направлении мыслят и представители бизнеса. Размыш-
ляя о дефиците лидерства и инициативности у местных руководителей,
известный в городе предприниматель, директор завода, подчеркивает,
что только дисциплина и исполнительность неизбежно приведут к за-
стою и последующей деградации города и предприятия, поскольку
успешно преодолевать неблагоприятные обстоятельства может только
лидер: *Для меня лидер — это тот человек, который может делать
дело, несмотря ни на что.... А как по-другому?*

Отсутствие лидерских качеств у руководителей, по мнению локаль-
ных элит, дорого обходится всем, в том числе и региональным властям:
*Лидер — это все равно человек думающий, умеющий выстраивать от-
ношения. Исполнитель по большому счету не нужен ни населению,
ни региону. Чтобы региональная власть была успешна, ей самой нужны
лидеры на местах, —* убеждена депутат городской Думы.

В городе Y руководители городской власти в большинстве своем
также убеждены в том, что без лидерских качеств эффективно управлять
городом невозможно, но при этом они, особенно руководители города,
говорят о балансе лидерства и исполнительности: «необходимо быть
и лидером, и исполнителем».

По мнению главы города Y, лидерские качества — это необходимый
инструмент для осуществления властных полномочий. Городу требует-
ся именно лидер, так как только лидер способен рисковать ради до-
стижения поставленных целей и выходить ради этого за рамки функ-
циональных предписаний: *Безусловно, городу нужен лидер. Он может
выходить за границы своего функционала ради достижения целей.
Когда жесткая нехватка финансовых средств, для управления подойдет
типаж личности, которая может рисковать ради решения встающих
задач.* Но одновременно глава города Y убежден, что только лидерство
без исполнительности может идти вразрез с требованиями регионалов.
В этом случае глава города вынужден быть «един в двух лицах», оста-
ваясь и лидером, и исполнителем.

О необходимости сочетания качеств лидера и исполнителя говорит и нынешний заместитель главы городского округа, ранее, до слияния уровней власти, занимавший пост главы города: *Относительно лидеров и исполнителей. Мне нужны и те, и другие. И мне самому надо было уметь и то, и другое, когда я руководил городом. Если мы все дружно выходим за границы предписаний, мы все будем неизвестно где.*

Некоторые наши респонденты убеждены в том, что лидерские качества должны быть присущи главе городского округа, тогда как членам команды достаточно быть хорошими исполнителями. *Наверное, в муниципальной власти нужны все-таки исполнители. Особенно если мы говорим о заместителях. Но не о главе, —* убежден председатель городской Думы, обладающий репутацией наиболее влиятельной фигуры в городе. Размышляя о лидерстве в У, он подчеркивает, что «*между лидерством и исполнением должна быть золотая середина*».

Представители городского бизнеса, в свою очередь, убеждены, что лидерство важнее исполнительства. Они считают, что исполнители заполнили органы власти. Между тем вряд ли можно обеспечить эффективное развитие экономики, если руководствоваться только нормативными документами и предписаниями свыше: *Сегодня нужны только те, кто может рискнуть и выйти за рамки формальных предписаний, нарушив, может быть, закон. Это было и будет, —* делится своими размышлениями депутат городской Думы, известный в городе предприниматель.

Всегда ли исполнители нужнее лидеров для регионалов? По мнению бывшего главы города, исполнительность неслучайно востребована в вышестоящих (региональных) уровнях власти. Необходимость предоставления отчетности формирует в первую очередь запрос на исполнителей, а не на лидеров: *Лидер должен уметь быть исполнителем. Власть вся построена на отчетности.*

Однако министр территориального развития, курирующий глав местного самоуправления в регионе, совсем не против того, чтобы главы городов демонстрировали лидерские качества: *Если спросить лично меня, то я считаю, что глава должен обладать волевыми качествами в том числе. Он должен обладать лидерскими качествами, чтобы его поддерживало население.*

Запрос на лидерство, по мнению министра, сформировался «снизу». Население хочет жить лучше, и ему важно, чтобы во главе города был

человек, способный эти улучшения обеспечить: Система выдавливает исполнителей. Люди поменялись. Сейчас люди хотят улучшения качества услуг, люди хотят прорыва... с телевизоров об этом вещают... Они смотрят во двор, а там пейзаж пятнадцатилетней давности. Они понимают, что кто-то здесь неправ.

Тем не менее, и это признает краевой министр, только лидеры не очень удобны региональной власти и ее руководителям. Именно поэтому он считает: *И в лидерстве должны быть определенные границы и пределы. Если человек будет стучать ботинком по столу или каской, тогда зачем такой лидер нужен?*

Схожие мнения и оценки были высказаны и респондентами города А. Большинство из них убеждены в том, что личностные качества и лидерский потенциал многое предопределяют в управлении городом, так как без них глава города не только не сможет обеспечить поступательное развитие территории, но и адекватно реагировать на новые вызовы и проблемы.

Бывший мэр, известный и авторитетный в городе человек, уверен, что без лидерских качеств глава города не будет восприниматься ни городскими элитами, ни населением. Лидерские качества могут проявляться любым образом, но лидера должны принять люди и поверить в его возможности: *Можно договориться с одним главой, с другим, и даже с губернатором, но договориться с городом и с его населением нельзя. Если город не видит в тебе лидерских качеств, ты никуда не поднимешься.*

Особое место в размышлениях бывшего мэра играют элитные группы, которые в первую очередь нуждаются в сильном лидере. И если такой лидер появляется, они следуют за ним: *Городские элиты признавали за мной право быть впереди и согласовывать работу в городе. Без лидерских качеств этого не добьешься.*

Один из аргументов бывшего мэра города, ныне депутата областной Думы — ссылка на российскую историю. *Особенность устройства российского государства — власть всегда была сконцентрирована на личности. И это был не самый плохой вариант. Монархизм здравый, а не черносотенный. Мы ходим по одной земле с теми, кем мы руководим,* — уверен бывший мэр города, а ныне депутат областной Думы.

Убежден в том, что лидерские качества важнее компетенций, и известный в городе предприниматель, руководитель автотранспортного предприятия: *Лидерские качества важнее знаний. Они в приоритете.*

Сегодня мало знаний, надо уметь добиваться своего, идти через преграды, а их немало.

Действующий глава города А, который пытается быть лидером «для всего населения», в свою очередь, убежден, что без характера и выраженного стремления достигать поставленные цели, несмотря ни на что, городской лидер вряд ли сможет чего-либо добиться: *Надо не отступать, даже тогда, когда очень трудно. Видимо, это и есть лидерство, если говорить о главе города. Оно необходимо сегодня, иначе ситуация дефицита и неисполнительности тебя просто сметет.*

Таким образом, именно главы городов более других респондентов уверены в том, что только сильные лидеры городских сообществ способны существенно улучшить ситуацию в городе.

В целом же респонденты рассматривают лидерство как необходимый атрибут городского управления. Лидерство, безусловно, востребовано локальными элитами, но еще недостаточно осознается регионалами. Исследование показывает, что двойной репертуар управленческих технологий, включающий и лидерство, и субординацию, позволяет уравновесить требования региональных и локальных элит к руководителям муниципальной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ формальных предписаний и реальных практик избрания глав муниципалитетов в оценках региональных и муниципальных элит привел к важному выводу: несмотря на то что конкурсная модель отбора и избрания глав муниципалитетов работает уже почти десять лет, утверждать, что ее формирование закончено, вряд ли возможно.

Полученные результаты исследования позволяют утверждать: несмотря на все проработанные формальные процедуры, конкурсная модель реализуется чаще всего с помощью индивидуального выбора высшего должностного лица, представителя региональной власти, хотя внешне процедура обставлена как коллективный выбор. Это означает, что неформальные связи и отношения при выборе кандидата имеют такое же, если не большее, значение, чем формальные предписания. Обращает на себя внимание тот факт, что депутаты, которым принадлежит конечный выбор, после рекомендаций конкурсной комиссии далеко не всегда относятся к этому процессу инициативно и принци-

пиально. Чаще всего они просто утверждают на должность лицо, предложенное губернатором или его заместителем. Несмотря на то, что кандидаты действительно должны представить конкурсной комиссии свои программы и сдать тесты, подтверждающие их знание законодательства, члены комиссии, а впоследствии и голосующие кандидаты, вполне понимают — это те процедуры, которые обязательно пройдет нужный кандидат. Таким образом, выбор кандидата для голосования лишь внешне обставлен как конкурсный процесс, тогда как, по сути, выбор предопределен еще до начала работы конкурсной комиссии.

Как показало исследование, в последние годы все более заметным становится расхождение в критериях отбора между регионалами и локальными элитами. Регионалы в своих интервью говорят преимущественно о необходимости исполнительских качеств для кандидата, в то время как локальные элиты убеждены: сегодня муниципальной власти нужны лидеры. Практическое лидерство, по мнению локальных элит, позволяет решать многие городские проблемы, которые не под силу руководителю-исполнителю.

Эмпирические результаты позволяют говорить о том, что не менее половины опрошенных нами глав городов способны быть лидерами и стремятся реализовать лидерский потенциал в своей руководящей деятельности. Однако исследование обнаружило и слабых руководителей-исполнителей, не способных стать реальными лидерами городских сообществ. В этом случае социально-экономическая ситуация может быстро ухудшаться, и локальные элиты воспринимают ее как безысходную.

Именно поэтому локальные элиты в большинстве своем убеждены в том, что руководитель города — это, прежде всего, лидер, и уже во вторую очередь исполнитель, реализующий волю вышестоящих структур власти. Таким образом, региональным чиновникам более нужны исполнители, а территориям — лидеры. Это противоречие приводит к тому, что эффективность управления территориями значительно падает.

Кроме того, на наш взгляд, не следует недооценивать роль исполнительского начала в деятельности руководителей городов, тем более учитывая значимость отношений муниципального руководства с региональными властями.

Важность лидерства обусловлена главным образом тем, что именно (только?) лидеры имеют шанс успешно преодолевать неблагоприятные обстоятельства. При этом респонденты подчеркивают, что именно

лидеры, а не просто руководители-исполнители могут существенно повлиять на ситуацию.

Таким образом, включение муниципального уровня в выстроенную в последнее десятилетие «вертикаль власти» не привело к недооценке роли лидерства у руководителей муниципалитетов. Централизация управления имеет безусловные плюсы, но не менее важную роль может играть и персональный фактор, лидер, способный разрешить проблему даже вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Лидеры по-прежнему востребованы значительной частью локальной элиты.

Литература

Вискулова В.В. О конкурсном порядке избрания глав муниципальных образований: некоторые обобщения двухлетней практики // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 26–37. https://doi.org/10.12737/article_592409b76646a1.89966646. EDN: YPLVPX.

Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 159 с.

Дегтярев А.А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. 239 с.

Джагарян Н.В. Конкурсный глава муниципального образования (местной администрации): особенности легитимации и проблемы совершенствования правового статуса // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 66–72. EDN: WBPIYT.

Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года) / под общ. ред. Ю.С. Любимова. М., 2020. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (дата обращения: 14.07.2022).

Дорофеев А.В. Глава муниципального образования как элемент структуры органов местного самоуправления: вопросы избрания // Материалы VII научно-практической конференции «Новые импульсы развития: вопросы научного исследования» / под ред. Н.В. Емельянова. М.: КДУ; Добросвет, 2021. С. 214–220. EDN: FXAWSX.

Кинзерская И.Л. Избирательная система как инструмент формирования общественного выбора: теоретические подходы и российская практика // Политическая экспертиза. Политэкс. 2008. Т. 4, № 2. С. 137–150. EDN: КОНСРV.

Коростелева М.В. Проблемы правового регулирования избрания главы муниципального образования // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 3. С. 11–14. EDN: WINRLX.

Макаров И.И. Комиссия по проведению конкурса на должность главы местной администрации: формирование и состав. // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 81–88. EDN: NDLXBN.

Осейчук В.И. О формировании нового механизма кадровой политики в системе государственной службы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 15. С. 10–14. EDN: JTRKJP.

Подвицнев О.Б. Предвыборные коалиции и механизмы их формирования // Подвицнев О.Б. Псефология: наука о выборах. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. С. 71–80. EDN: QONKRP.

Пылин В.В. Устройство системы органов местного самоуправления: некоторые проблемы и пути их решения // Управленческое консультирование. 2009. № 2 (34). С. 25–38. EDN: KUBYDB.

Солодкая М.С. Модели выбора глав муниципальных образований в российской федерации: достоинства и недостатки // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2010. № 12. С. 43–47. EDN: OIMRNZ.

Чирикова А.Е. Предвыборные коалиции в условиях прямых выборов в малом российском городе (районе): взгляд в недавнее прошлое. // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 238–262. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.9>. EDN: YTSREL.

Stone C. Political Leadership in Urban Politics // Theories of Urban Politics / Ed. by J. Davies, D. Imbroscio. London: Sage, 1995. P. 96–116.

Источники

Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные Министерства юстиции Российской Федерации за 2015 г. — начало 2016 г.). URL: <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogosamoupravleniya> (дата обращения: 24.11.2022).

О реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.minregion.ru/WorkItems/SPage.aspx?PageID=484> (дата обращения: 24.11.2022).

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 24.11.2022).

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 24.11.2022).

Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Феде-

рации» от 03.02.2015 N 8-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174852/ (дата обращения: 24.11.2022).

Федеральный закон «О внесении изменений в статью 36 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 02.06.2016 № 171-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198864/ (дата обращения: 24.11.2022).

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 01.05.2019 № 87-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323814/ (дата обращения: 24.11.2022).

CRITERIA FOR THE SELECTION OF HEADS OF MUNICIPALITIES: FORMAL PRESCRIPTIONS AND REAL PRACTICES

A. Chirikova

(chirikova_a@mail.ru)

Federal State Institution of Science,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Citation: Chirikova A. Kriterii otbora glav munitsipalitetov: formal'nyye predpisaniya i real'nyye praktiki [Criteria for the selection of heads of municipalities: formal prescriptions and real practices]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 164–196. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.6>

Abstract. *This article discusses the most urgent problem of the selection of candidates for the position of the heads of municipalities — the criteria for selecting candidates in small Russian towns by the competitive commissions, which replaced direct elections. The competitive model is considered very controversial and causes numerous disputes among specialists. Therefore, the paper pays special attention to the formal foundations for the functioning of such a model in the assessments of lawyers, on the one hand, on the other hand, empirical estimates of the most popular candidate selection criteria given by regional and local elites are given. The study was conducted in three Russian regions with different socio-economic profiles. The assessments given by the regional elites were supplemented by the*

assessments of the local elites in four small Russian towns. A total of 72 interviews were conducted in 2018–2020.

Based on the materials received, it can be argued that so far the competitive model of elections has not received an unambiguous assessment either from legal scholars or from representatives of the elite corps. Describing the current selection criteria, regional and local elites admit that the assessment of the personal qualities of candidates is recognized by decision makers as the most important in competitive selection, but it is this assessment that is quite subjective, which leads to the dominance of informal practices over formal ones. The local elites are more focused on the leadership qualities of a candidate when choosing, while the majority of regional officials prefer “performers”.

Keywords: *federal laws, competitive model, selection criteria for heads of municipalities, image of the preferred candidate in the assessments of local and regional elites, leadership, diligence.*

References

Chirikova A.E. Predvyborniye koalitsii v usloviyakh pryamykh viborov v malom rossiyskom gorode (rayone): vzglyad v nedavneye proshloye [Pre-election coalitions in conditions of direct elections in a small Russian town (district): a look into the recent past], *Vlast' i eliti* [Power and elites], 2018, 5, pp. 238–262. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.9>. EDN: YTSREL. (In Russian)

Degtyarev A.A. *Osnovi politicheskoy teorii* [Fundamentals of political theory]. Moscow: Vishaya Shkola, 1998. 239 p. (In Russian)

Doklad o rezul'tatakh yezhegodnogo monitoringa organizatsii i razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii (za 2019 god i pervoye polugodiye 2020 goda) [Elektronniy resurs] [Report on the results of the annual monitoring of the organization and development of local self-government in the Russian Federation (for 2019 and the first half of 2020)] [Electronic resource]. Ed. by Ju.S. Ljubimov. Moscow, 2020. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (accessed: 07.14.2022). (In Russian)

Dorofeev A. Glava munitsipal'nogo obrazovaniya kak element strukturi organov mestnogo samoupravleniya: voprosi izbraniya [The head of the municipality as an element of the structure of local self-government bodies: issues of election]. In: *Materiali VII nauchno-prakticheskoy konferentsii “Noviye impulsi razvitiya: Voprosi nauchnogo issledovaniya* [Materials of the VII scientific and practical conference “New development impulses: questions of scientific research”]. Moscow: KDU; Dobrosvet, 2021, pp. 214–220. EDN: FXAWSX. (In Russian)

Gel'man V.Ya. *Iz ognya da v polimya: rossiyskaya politika posle SSSR* [Out of the fire and into the flames: Russian politics after the USSR]. St Petersburg: BVH-Petersburg, 2013. 169 p. (In Russian)

Jangarian N.V. Konkursniy glava municipal'nogo obrazovaniya (mestnoy administratsii): Osobennosti legitimatsii i problemy sovershenstvovaniya pravovogo sta-

tusa [Competitive head of a municipality (local administration): features of legitimation and problems of improving the legal status], *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2016, 6. pp. 66–72. EDN: WBPIYT. (In Russian)

Kinzerskaya I.L. Izbirateľ'naya sistema kak instrument formirovaniya obschestvennogo vibora: teoreticheskiye podhodi i rossiyskaya praktika [The electoral system as a tool for the formation of public choice: theoretical approaches and Russian practice], *Politicheskaja jekspertiza: Politjeks* [Political expertise: Politex], 2008, 4 (2), pp. 137–150. EDN: KOHCPV. (In Russian)

Korosteleva M.V. Problemi pravovogo regulirovaniya izbraniya glavi munitsipal'nogo obrazovaniya [Problems of legal regulation of the election of the head of the municipality], *Munitsipal'naya sluzhba: pravoviye voprosi* [Municipal service: legal issues], 2016, 3, pp. 11–14. EDN: WINRLX. (In Russian)

Makarov I.I. Komissiya po provedeniyu konkursa na dolzhnost' glavi mestnoy administratsii: formirvaniye i sostav [Commission for the competition for the position of the head of the local administration: formation and composition], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2010, 5, pp. 81–88. EDN: NDLXBN. (In Russian)

Oseychuk V.I. O formirivanii novogo mekhanizma kadrovoy politiki v sisteme gosudarstvennoy slizhbi [On the Formation of a new mechanism of personnel policy in the public service system, *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2008, 15, pp. 10–14. EDN: JTRKJP. (In Russian)

Podvintsev O.B. Predvibornnye koalitsii i mekhanizmi ikh formirovaniya [Pre-election coalitions and mechanisms of their formation]. In: Podvintsev O.B. *Psefologiya: nauka o viorakh* [Psephology: the science of elections]. Perm': Perm' State University, 2007, pp. 71–80. EDN: QOHKRP. (In Russian)

Pilin V.V. Ustroystvo sistemi organov mestnogo samoupravleniya: nekotoriye problemi i puti ikh resheniya [Organization of the local self-government system: some problems and ways to solve them], *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Administrative consulting], 2009, 2 (34), pp. 25–38. EDN: KUBYDB. (In Russian)

Solodkaya M.S. Modeli vibora glav munitsipal'nikh obrazovaniy v Rossiyskoy Federatsii: dostoinstva i nedostatki [Models for the selection of heads of municipalities in the Russian Federation: advantages and disadvantages], *Trudi Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy], 2010, 12, pp. 43–47. EDN: OIMRNZ. (In Russian)

Stone C. Political Leadership in Urban Politics. In: *Theories of Urban Politics*. Ed. by J. Davies, D. Imbroscio. London: Sage, 1995, pp. 96–116.

Viskulova V.V. O konkursnom poriadke izbraniya glav munitsipal'nikh obrazovaniy: nekotoriye obobsheniya dvukhletney praktiki [On the competitive procedure for electing heads of municipalities: some generalizations of two-year practice], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2017, 6, pp. 26–37. https://doi.org/10.12737/article_592409b76646a1.89966646. EDN: YPLVPX. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (alexander-duka@yandex.ru).

Пустовойт Юрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com).

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории факультета политологии МГИМО (У) МИД России; заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (solovyev@spa.msu.ru).

Соловьев Дмитрий Анатольевич, аспирант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (dmitry.a.solovjev@yandex.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (chirikova_a@mail.ru).

CONTRIBUTORS

CHIRIKOVA, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher, Federal State Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (chirikova_a@mail.ru).

DUKA, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (alexander-duka@yandex.ru).

PUSTOVOYT, Yuri, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assoc. Prof., Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk) (pustovoyt1963@gmail.com).

SOLOVYEV, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (solovyev@spa.msu.ru).

SOLOVYEV, Dmitriy, postgraduate student of the Department of International Relations and Political Science, Derzhavin Tambov State University (dmitry.a.solovev@yandex.ru).

TEV, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 9

Выпуск 1

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 00.12.2022.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40